

1825 года
ноября 27. д[н]ня
А п.

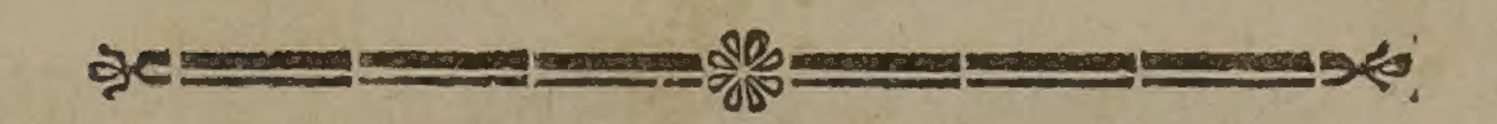
БИБЛІОТЕКА

УЧЕНАЯ,
ЕКОНОМИЧЕСКАЯ,
НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ
И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ
Всякаго званія Читателей.

ЧАСТЬ VII.

Печатано съ указнаго дозволенія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,
ВЪ Типографіи у В. Корнильева.
1794 ГОДА.

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О ИЗЯЩНЫХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ.

О КОМЕДІИ.

Разность между Комедіею и Трагедіею состоитъ въ томъ, что Трагедія представляетъ дѣянія, добродѣтели и пороки нѣкоторыхъ людей, а Комедія имѣетъ цѣлію исправленіе нравовъ, осмѣхая странности и заблужденія всѣхъ людей вообще; сія идетъ къ цѣли своей забавляя зрителей, а перьвая стремится токмо къ возбужденію ужаса и состраданія.

Творцомъ Комедіи можно называть Аристофана, которой взявъ за образецъ Трагическихъ Піитовъ, всѣ свои Комедіи расположилъ по правильному начертанію, и заключалъ въ единое дѣяніе стрѣлы сатиры.

Перьвыя Комедіи были ничто иное, какъ представленіе истинныхъ дѣяній, въ коихъ имена, одежда, ухватки и маски, совершенное имѣли сходство со всѣми тѣми, коихъ стихотворецъ подвергалъ всенародному посмѣянію. Такимъ-то образомъ Аристофанъ вывелъ на театръ Перикла и Алкивіада, перьвыхъ Аѳинскихъ Полководцевъ.

Когда же въ послѣдствіи запретили наистрожайше, чтобъ не употреблять имянъ, платья и маски тѣхъ людей, коихъ пороки представляли на театрѣ; то отъ сего искуство сіе еще болѣе тонкости и замысловатости пріобрѣло. Имена стали скрывать; но характеры начали начертывать столь сильнымъ и

сходственнымъ образомъ, и представляли дѣйствія, столь мало скрываемыя, что зрители угадывали всегда на кого сочинитель цѣлилъ: что было гораздо пріятнѣе, какъ для зрителя, которой имѣлъ удовольствіе угадывать, такъ и для автора, которой давалъ себя разумѣть, не изъясняясь совершенно.

Въ послѣдствіи отнято было у Комедіи право выводить на театръ истинныя дѣянія людей. Такимъ образомъ стихотворцы принуждены стали описывать совершенно изобрѣтенныя ими и вымышленныя произшествія. Сіе-то довершило усовершенствованіе Комедіи: ибо чрезъ сіе она сдѣлалась училищемъ нравовъ, гдѣ всякой можетъ занять полезное, безъ всякаго вреда ближнему.

Славнѣйшіе сего рода писатели суть: Аристофанъ въ послѣднихъ своихъ Комедіяхъ, и Менандръ у Грековъ; Плавтъ и Теренцій у Римлянъ. Въ Аристофанѣ и въ Плавтѣ

видны тотъ же огонь, тотъ же даръ, то же изобиліе въ острыхъ шуткахъ, и та же плодовитость и разнообразность характеровъ. Что касается до Менандра и Теренція, то они хотя и не столь замысловаты и забавны, какъ два перьвые; но за то они естественнѣе и вѣжливѣе. Моліеръ, славный Французскій комикъ, соединилъ въ себѣ весь умъ и живость Аристофанову, съ чистотою слога и разборчивостію Теренція. Счастливъ, естьли бы онъ часто не подражалъ ихъ вольности, а иногда и гадкости.

Правила Трагическія и Комическія взяты изъ поемы Епической; ибо за весьма долгое время до изобрѣтенія театра, Омиръ, или, какъ нѣкоторые называютъ, Гомеръ, сочинилъ свою Иліяду, которую взяли потомъ за образецъ прочіе стихотворцы, такимъ образомъ, что довольно знать свойство Епической поемы, дабы вѣдать свойство и поемы Драматической.

Омиръ, не оспоримо величайшiй изъ всѣхъ стихотворцовъ, есть постановитель правилъ поемы Епической.

Положивъ за истинну, что Гомеръ не имѣлъ никакого образца въ начертанiи расположенiя своей Илiяды; то вотъ какимъ образомъ долженствовалъ онъ разсуждать предпринимая писать сiю поему. Люди отъ природы любятъ быть подвизаемы; изобрѣтемъ же пружины удобныя трогать ихъ сердца и возбуждать ихъ, поставимъ людей въ такiя положенiя, кои бы могли тронуть и самыхъ нечувствительныхъ, сдѣлаемъ такъ, чтобъ они впали въ оныя не чрезъ злодѣйства свои: ибо не чувствуя себя виновными въ тѣхъ же преступленiяхъ, мыслимъ мы, что намъ нѣтъ слѣдовъ опасаться впасть въ такiя же нещастiя, но покажемъ, что они впали въ оныя единственно отъ дерзости, или отъ важности, и отъ слабостей, коимъ всѣ люди безъ исключенiя подвержены. Не довольно сего,

(продолжаетъ Омиръ) что я поставилъ моихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ положенія необыкновенныя и жестокія, найдемъ еще средство преклонить на ихъ сторону все то, что находится въ свѣтѣ величайшаго; и для сего произведемъ ихъ отъ боговъ, вмѣшаемъ въ то же дѣйствіе самихъ боговъ и богинь, придадимъ божество добродѣтелямъ, порокамъ и всѣмъ стихіямъ: чрезъ сіе все оживотворится въ моей поемѣ. Прибавимъ еще вящшую степень участія для читающихъ, которая бы болѣе и болѣе привлекала ихъ къ симъ главнымъ дѣйствующихъ лицамъ; для сего да будутъ они предки тѣхъ, коимъ желаю я понравиться; врагами же ихъ учинимъ тѣхъ, коихъ мы ненавидимъ, и имѣемъ къ нимъ отвращеніе. Наконецъ, дабы совершенно сдѣлать довольными моихъ читателей; то учинимъ развязку поемы счастливою, оконча ее счастливѣйшимъ положеніемъ моихъ главныхъ дѣйствователей.

Но жизнь человѣческая кратка, и не далеко простирается; дадимъ же дѣйствію поемы такое пространство, которое бы съ перьваго взгляду могло быть обозрѣно, чтобъ сіе дѣйствіе было одно, по тому, что многія дѣйствія развлекли бы вниманіе читателя, и не выполнили бы моей цѣли, состоящей въ томъ, чтобъ занять его совершенно единымъ предметомъ, и усиливать участіе его до самаго конца. Таковы суть правила Епической поемы, таковы же суть и Трагическія правила, естьли отнять только междувшествіе боговъ, и присовокупить къ тому, что дѣйствіе Трагедіи не должно занимать болѣе одного дня, и должно произходить въ единомъ мѣстѣ по тому, что люди, собравшіеся въ одно мѣсто на два или на три часа, не могутъ легко себѣ вообразить, что предъ ними произходитъ дѣйствіе годовое, и въ разныхъ странахъ свѣта, и еще болѣе труда имѣ-

ютъ представить, что духи небесные могутъ столь удобно учиняться видимыми предъ всѣмъ свѣтомъ.

Выключая нѣкоторыхъ небольшихъ и неизбѣжныхъ погрѣшностей, кои не относятся къ расположенію Епической поемы, въ сочиненіяхъ Омировыхъ царствуетъ занимательнѣйшее дѣйствіе и наилучшимъ образомъ изложенное благородство чувствій, очаровательный слогъ, богатство сравненій, словомъ сказать, все употребилъ онъ для умноженія великости сего дѣйствія. Наконецъ, все нравится въ семъ несравненномъ твореніи, все прельщаетъ, и какъ говоритъ Боало, искуснѣйшій критикъ, что Омиръ похитилъ поясъ у Венеры.

Изъ числа новѣйшихъ сего рода стихотворцовъ наиболѣе подходятъ къ древнимъ: Италіянскій стихотворецъ Тассъ, сочинитель поемы *освобожденнаго Іерусалима*, наполненной всякаго рода красотами. Читая оную,

преходятъ попеременно отъ ужаса кровопролитныхъ боевъ къ сладостямъ дружества и любви. Вниманіе и участіе отъ часу возрастаетъ, и стихотворецъ никогда не дремлетъ.

Всѣ почти просвѣщенные Европейскіе народы имѣютъ всякой свою поему. Въ Англіи, потерянный рай, поема, сочиненная Мильтономъ, и содержащая въ себѣ великія красоты, но и большіе недостатки. Въ Португалліи Лузіяда, сочиненная Камоенсомъ. Во Франціи Генріяда Г. Волтера, переведенная на Россійской языкъ бѣлыми стихами Г. Княжнинымъ, обогатившимъ Россійскій театръ многими прекрасными твореніями. Въ Нѣмецкой землѣ Мессіада, сочиненная Клопштокомъ. Наконецъ въ Россіи Россіяда, сочиненная Г. Херасковымъ, наполненная красотъ. Которая же изъ всѣхъ сихъ упоминаемыхъ поемъ заслуживаетъ предпочтеніе, сіе оставляю я судить искуснѣйшимъ меня.

На Латинскомъ языкѣ находится такъ же прекрасная поема, Виргиліемъ сочиненная, называемая Енеида, и которую равняютъ знатоки съ Иліядою.

Нѣсколько пѣсенъ какъ Иліяды, такъ и Енеиды, переведены стихами на Россійской языкъ, перьвая Г. Костровымъ, а вторая Г. Петровымъ, и можно сказать, что въ переводахъ сихъ сохранилися во всемъ блескѣ красоты подлинниковъ.

Не должно здѣсь умолчать о нѣкоторой поемѣ, хотя прозою писанной на Французскомъ языкѣ, а имянно о Телемакѣ, сочиненномъ безсмертнымъ Фенелономъ; выключая красоты стихотворенія, поема сія изобилуетъ всякими красотами, и читается съ неменьшимъ вниманіемъ, какъ прочія поемы. Но поелику оная всѣмъ довольно извѣстна, будучи переведена на всѣ Европейскіе языки, то я и не стану болѣе о ней говорить.

Споръ между учеными о томъ, что должна ли поема непремѣнно быть въ стихахъ, еще не рѣшенъ.

Другія небольшія поемы, относящіяся къ Епической поемѣ и Трагедіи, главнѣйшія суть: Басня, Елегія, Еклога, Сатира и Пѣсня. Басня есть поема Епическая въ кратцѣ, какъ Еклога сокращенная Трагедія. Елегію можно назвать явленіемъ отъ Трагедіи отдѣленнымъ; а Сатира есть какъ бы рѣчь, свойственная важному лицу въ Комедіи. Пѣсни бываютъ различны.

Езопъ почитается отцомъ басни. Страхъ, чтобъ не согрубить, изложивъ истинну безъ всякаго закрытія, заставилъ его прибѣгнуть къ сей небольшой хитрости, дабы дать знать свои мысли, не подвергая себя опасности. Федръ украсилъ басни сіи красотою слога своего; а ла Фонтенъ, Сумароковъ и Геллертъ обогатили оныя многими неподражаемыми красотами своего изобрѣтенія.

Изобрѣтатель Елегіи не извѣстенъ; но можно навѣрное сказать, что мысль сію внушили стихотворцу нѣжность и чувствительность, такъ, какъ бѣженство и досада внушили Архилону ядовитость Сатиры, коея почитается онъ изобрѣтателемъ. Онъ въ послѣдствіи имѣлъ себѣ подражателей Горація и Боала, кои не менѣе его имѣютъ желчи, но только искуснѣе приправленной. Что касается до Ювенала и Реньера, то онѝ еще менѣе мѣры наблюдаютъ, и нещадя ни лицъ, ниже стыда, описываютъ съ Демосѳеновою пылкостію всю гнусность порока. Пѣсня свойственна всѣмъ народамъ безъ исключенія.

Изобрѣтеніе Еклоги есть плодъ досуговъ сельской жизни. Перьвые пастухи, весьма отмѣнные отъ нашихъ, упражнялися пѣніемъ своихъ собственныхъ приключеній, не зная и не имѣя другихъ занимательнѣйшихъ. Древнѣйшія оставшіяся намъ

Еклоги суть Ѳеокритовы. Виргилій подражалъ въ своихъ Еклогахъ всей нѣжности и простотѣ Ѳеокритовыхъ; но Фонтенель захотѣлъ еще превзойти Виргилія, и присоединить къ нѣжности замыслы ума: чрезъ сіе онъ испортилъ родъ сея поемы, и заставилъ говорить пастуховъ своихъ, какъ разумнѣйшихъ придворныхъ.

Еклоги Господина Сумарокова не уступаютъ въ нѣжности, въ знаніи сердца человѣческаго и въ простотѣ ни Виргиліевымъ ни Ѳеокритовымъ.

Идилія, которую не довольно различаютъ отъ Еклоги, есть ничто иное, какъ размышленіе нравоучительное, при окончаніи какой нибудь сельской повѣсти описываемой стихотворцомъ. Идиліи Госпожи Дезульеръ суть неоспоримо лучшія изъ новѣйшихъ; въ стихотворствѣ ничего нѣтъ столь нѣжнаго и прелестнаго, ихъ можно назвать ессенціею всего, что есть пріятнѣйшаго въ природѣ: но мало такихъ, кои бы равнялися

съ тою, которую Авзоній сочинилъ на розу. Вошедъ въ садъ въ прекрасное весеннѣе утро, (сіе обстоятельство стихотворецъ описываетъ живѣйшими красками) нашелъ онъ розу начинающую распускаться. Возвратясь ввечеру опять въ садъ, усмотрѣлъ онъ тотъ же самой цвѣтокъ уже блѣднымъ, томнымъ и почти поблеклымъ. Предметъ сей приводитъ ему на мысль краткость жизни человѣческой; одну только ту разницу находитъ онъ, что цвѣты всякую весну возраждаются, а жизнь уже не возобновляется. Сіе заставляетъ его возопить: „Спѣши цвѣтущее юношество срывать розы, пока еще ты находишся въ состояніи сіе дѣлать, и помни, что твои прекрасные дни проходятъ столь же скоро, какъ и онѣ. Естьли прекрасные дни нашей жизни столь же скоротѣчны, какъ и розы; то юноши не должны столько гордиться своею красотою, и употреблять во зло сіи драгоцѣнныя минуты.

Продолженіе впредь.

СПОСОБЪ УЗНАВАТЬ НА СОЛНЕЧНЫХЪ ЧАСАХЪ КОТОРОЙ ЧАСЪ, НОЧЬЮ, ПО ЛУННОМУ СВѢТУ.

Должно наблюдать: 1е, сколько дней, какъ мѣсяцъ родился, и замѣчать сіи дни. 2е, которой часъ свѣтъ Лунный показываетъ на Солнечныхъ часахъ. Потомъ помножить число 731, числомъ дней Луны, потомъ раздѣлить произведеніе сего умноженія на 900, и прибавить къ числу, изъ дѣленія происшедшему, число часовъ, показуемыхъ на часахъ Солнечныхъ. Изъ сложенія сихъ двухъ чиселъ должно вычести всѣ 12: оставшееся же будетъ число искомаго часа. Потомъ должно раздѣлить на 15, число оставшееся отъ перьваго дѣленія: произведеніе же сего дѣленія будетъ означать минуты.

ПРИМѢРЪ.

Положимъ, что мѣсяцъ 8 дней какъ народился, а на Солнечныхъ часахъ показываетъ 9 часовъ, то должно . . . . 731.

Помножить 8 - - - - - 8

Умноженіе сіе дастъ - - - 5848

Сіе число должно раздѣлить на 900, - | 5848 | 6
| 448 |

Дѣленіе дастъ 6, остается же - - 448

Должно къ числу 6, прибавить число 9,

Показываемое часами - - - - 6
9

Получишъ - - - - - - 15

Вычти 12 изъ 15 - - - - 12

Останется число - - - - 3

Которое и показываетъ искомый часъ.

Потомъ раздѣли 448, оставшіяся отъ перваго дѣленія, на 15 - - - 15 | 448 | 29
| 148 |
| 13 |

Отъ сего дѣленія получишъ - - 29

Кои означаютъ число минутъ

А остальныя 13, суть - - $\frac{13}{15}$ минутъ

О СВѢТѢ.

Мы удивляемся, находя въ книгѣ Моисеевой, что Богъ сотворилъ свѣтъ прежде Солнца, и раздѣлилъ воды на двѣ части, изъ коихъ одна осталася на землѣ, а другая вознеслася на небо,

и заняла тамъ мѣсто, о коемъ мы ни малаго свѣденія не имѣемъ.

Нѣкоторые толкователи думали, что Моисей повѣсть свою о міроздании приспособилъ къ надобности въ ономъ Евреевъ, и что сіе предохраняло ихъ отъ идолопоклонства Хананеянъ и Сирійцовъ, кои обожали Молоха, или Солнце, яко творца свѣта, и Египтянъ, обожающихъ Ириду, яко мать плодотворныхъ дождей, разлитія Нила и изобилія плодовъ земныхъ.

Справедливо, что повѣсть Моисеева искорѣняетъ совершенно оба сіи идолопоклонства, научая, что въ природѣ нѣтъ иной доброты и красоты, кромѣ тѣхъ, кои Богъ помѣстилъ какъ вообще въ ней, такъ и въ разныхъ ея частяхъ. Но дабы утвердить сію важную истину, не прибѣгаетъ онъ къ обману, и его исторія ничего намъ такого не представляетъ, чтобъ зрѣлище природы не подтверждало.

Начнемъ свѣтомъ: онъ неоспо-

римо и очевидно предсуществененъ свѣтлому тѣлу, сіе сначала покажется парадоксомъ, но есть самая простая истинна. Подъ именемъ свѣта мы не разумѣемъ того чувствія, кое испытываемъ въ присудствіи возгорѣвшагося тѣла; сіе очевидно, что свѣтлое тѣло существовало прежде онаго; но разумѣемъ то безмѣрное тонкое вещество, которое потрясаетъ наши глаза, и изображаетъ въ нихъ тѣ предметы, съ коихъ оно къ намъ отбрасывается. Свѣтъ, въ семъ смыслѣ принятый, есть тѣло различное, или независящее отъ Солнца, и которое могло существовать прежде его, по тому, что оно существуетъ и въ его отсудствіи, такъ, какъ и въ присудствіи; свѣтъ разсѣянъ по всей природѣ; разлитъ по всѣмъ сферамъ, коихъ составляетъ онъ главнѣйшее сообщеніе; онъ проницаетъ даже въ недра земли, и для появленія своего имѣетъ только надобность въ движеніи; онъ для нашихъ глазъ есть

то, что воздухъ для слуха. Можно воздухъ назвать тѣломъ звука: и поелику воздухъ существуетъ окрестъ насъ, хотя и ни какое звучное тѣло его не поражаетъ; то равномѣрно и свѣтъ простираетъ отъ звѣздъ до насъ, и не прежде поражаетъ наши глаза, какъ когда Солнце или иное какое огненное тѣло толкаетъ его къ нашимъ глазамъ. Разность, находящаяся между звукомъ и свѣтомъ, есть та, что воздухъ, приносящій къ намъ звукъ, будучи несравненно гуще свѣта, медленнѣе имѣетъ движеніе. Отъ сего-то произходитъ, что видя изъ дали плотника, которой рубитъ топоромъ, намъ не прежде послышится звукъ перьваго удара, какъ тогда, когда онъ подниметъ топоръ, дабы въ другой разъ ударить; вмѣсто того, что свѣтъ съ непонятною скоростію до насъ доходитъ, хотя и находится непримѣтное почти разстояніе между сотрясеніемъ имъ получаемымъ, и намъ

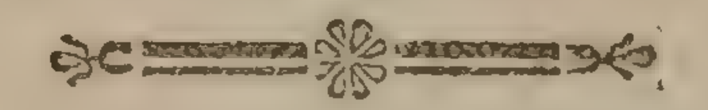
онымъ причиняемымъ. По вычисленію славнаго Нютона, въ семь минутъ долѣтаетъ онъ до насъ отъ Солнца. Сія разность легкости между прогрессіею свѣта и звука весьма ощутительна, когда охотникъ на открытомъ полѣ выстрѣлитъ изъ ружья, мы видимъ свѣтъ гораздо прежде, нежели услышимъ звукъ.

Сіе вещество свѣта существуетъ независимо отъ свѣтлаго тѣла, и ожидаетъ только его прямаго понужденія, для дѣйствованія надъ нами; или, можно сказать, что свѣтлое тѣло, какъ Солнце, свѣча, искра раждаютъ сей свѣтъ, и бросаютъ оной на великое разстояніе. Или свѣтлое тѣло толкаетъ только встрѣтившійся съ нимъ свѣтъ, или производитъ само оной; тутъ нѣтъ посредства. Но здравому разсудку противно сказать, что оно свѣтъ производитъ: естьли искра, видимая въ комнатѣ, имѣющей пятдесятъ кубическихъ футовъ пространства, бросаетъ изъ себя

и производитъ изъ своего существа свѣтъ, наполняющій всю помянутую комнату; то слѣдовательно, изъ сей искры, которая есть ничто иное, какъ малая точка, выходитъ тѣло, имѣющее дѣйствительно пятдесятъ кубическихъ футовъ пространства. Кто можетъ сему повѣрить? естьли фанарь, зажигаемый на Мессинскомъ фаросѣ, видѣнъ только на восемь кубическихъ миль, коихъ, полагаю я, что онъ занимаетъ центръ, то не можно помѣстить глаза ни въ одну точку сихъ осми кубическихъ миль, безъ того, чтобъ не видать сего свѣта: слѣдовательно онъ наполняетъ все сіе пространство. Но какимъ образомъ малый огонекъ, имѣющій только нѣсколько дюймовъ широты, можетъ разлить окрестъ себя вещество, удобное наполнить восемь кубическихъ миль? Естьли же спрячешь сей фанарь, то свѣтъ изчезаетъ; открывъ же его, въ одинъ мигъ свѣтъ покажется, на такое же, какъ и преж-

де, разстояніе: и такЪ онЪ новымЪ свѣтомЪ наполнитЪ опять тѣ восемь кубическихЪ миль. Кто же можетЪ изчислить тѣ восемь кубическихЪ миль свѣтлаго вещества, истекающаго ежемгновенно изЪ сего малаго фанаря вЪ продолженіе ночи? МожетЪ ли какая мысль быть столь непонятна, какЪ сія? Но весьма можно справедливо сказать, что какЪ воздухЪ существовалЪ прежде, нежели звукЪ колокола привелЪ его вЪ сотрясеніе, и поразилЪ онымЪ наши уши; то такЪ точно и тѣло свѣта существуетЪ окрестЪ Мессинскаго фароса прежде, нежели зажгутЪ фанарь, и ожидаетЪ только зазженія сего фанаря, дабы поразить зрѣніе мореходцовЪ во время темноты ночной. Солнце и звѣзды такимЪ же образомЪ возвѣщаютЪ свое присудствіе на безмѣрное разстояніе, не теряя безпрестанно существа своего такимЪ истеченіемЪ, которое бы долженствовало наполнять сіи страшныя пустоты. Но тѣло свѣта, кото-

рое Творецъ помѣстилъ между сими свѣтлыми шарами и нами, дабы оныя его потрясали, и дабы мы наслаждалися зрѣніемъ онаго, всегда существуетъ независимо отъ впечатлѣнія сихъ тѣлъ. Слѣдовательно святый Пророкъ Моисей говорилъ сообразно съ истинною, такъ, какъ и съ нуждами нашими, когда онъ повѣдалъ намъ, что Богъ, а не Солнце, есть отецъ свѣта, и что оный изшелъ отъ его всемогущей воли прежде, нежели создалъ онъ Солнце для освѣщенія симъ свѣтомъ одной части земли, и Луну для освѣщенія другой половины шара земнаго во время ночи.

О СИСТЕМѢ МАНИХЕЙЦОВЪ.

Поелику Манихейцы весьма были далеки отъ того, чтобъ вѣрить первоначальному грѣху, и отмѣтали книги ветхаго и новаго завѣта, въ коихъ

тайна сія наиболѣе изъяснена; то блаженный Августинъ разсудилъ за благо опровергнуть главный пунктъ ихъ ереси, показавъ имъ, что какое бы мнѣніе ни имѣли о произхожденіи душъ и о источникѣ нашихъ бѣдствій, но должны мы исповѣдывать единаго Бога Создателя, совершенно благаго, коего всѣ дѣла достойны хвалы и благодаренія; что порокъ или зло не есть бытіе, но степень испорченности, коей какое либо естество подвержено: слѣдовательно, говорилъ онъ къ нимъ, не можете вы полагать двухъ началъ, одно доброе, а другое злое поестеству; бѣдствія, видимыя вами въ свѣтѣ, затрудняютъ васъ, ищите начала оныхъ, разсмотрите всѣ различныя о томъ догадки, потомъ можно истолковать отъ чего произошли оныя; но чтобъ сіе затрудненіе, хотя бы вы и не нашли ему рѣшенія, не воспрепятствовало вамъ признаться въ очевидномъ, то есть, въ томъ, что есть одинъ только

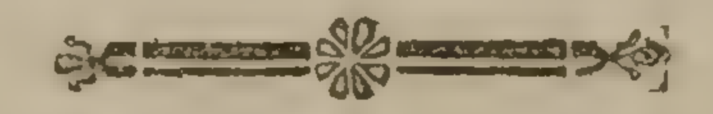
Богъ Создатель, коего всѣ творенія суть не удобохулимы.

Марціонъ еще прежде Манеса, (начальника сей секты) и множество языческихъ Философовъ, еще прежде ихъ утверждали, что есть два бытія, одно доброе, яко начало всякаго блага въ семъ свѣтѣ, а другое злое, яко начало всякаго въ ономъ зла. Первое называли они духомъ, а другое тѣломъ, и по мнѣнію ихъ, отъ смѣшенія тѣла съ духомъ раждается все извѣстное намъ зло.

Манихейцы увѣрены, что въ деревьяхъ и растѣніяхъ есть не токмо жизнь, но и чувствіе; что всѣ травы чувствуютъ страданіе, когда ихъ сломишь, или сорвешь, и что, по ихъ мнѣнію, не позволено даже разчищать землю, и вырывать изъ нее негодныя тернія и прочая.

На семъ-то мнѣніи основываяся, охуждаютъ они земледѣліе, сіе невиннѣйшее изъ художествъ; и дурачество ихъ простирается до того,

что они думаютъ, будто не льзя воздѣлывать землю, не учиня чрезъ то великаго множества смертоубійствъ. По сему правилу, ихъ такъ называемые *избранные* никогда не пашутъ, и не согласятся даже сорвать былинку или снять съ дерева листокъ: но они охотно ѣдятъ то, что имъ дадутъ. Тѣ изъ ихъ секты, кои не столь совершенными почитаются, какъ они, такъ, что слѣдуя своимъ собственнымъ правиламъ, питаются они только тѣмъ, что другихъ учиняетъ, по мнѣнію ихъ, виновными въ безчисленности убійствъ.

О ВЕЩЕСТВѢ или МАТЕРІИ.

Матерія или вещество не есть еще тѣло. Три вещи нужны для составленія онаго: соединеніе или смѣшеніе многихъ веществъ, сила недвижимости и сила двизательная. Составъ ве-

ществъ составляетъ сущность тѣла, или то, чрезъ что оное возможно; сила недвижимости, которая есть дѣяніе, учиняетъ существованіе онаго или дѣлаетъ его настоящимъ; движательная же сила производитъ разнообразности онаго. Тѣло есть ощутительная часть вселенныя, составленная сама изъ другихъ неощутительныхъ тѣлъ кои называются тельцами, или малыми тѣлами. Тѣльца первоначальныя суть тѣ, кои происходятъ непосредственно отъ простыхъ веществъ и въ оныхъ непосредственно растворяются. Изъ дѣйствія и изъ содѣйствія сихъ тѣльцовъ раждаются крѣпкость, упругость, ковкость и дѣлимость матеріи. Лейбницъ выводитъ изъ того же и движеніе, которое есть ничто иное, какъ попеременное прехожденіе съ мѣста на мѣсто; а въ тѣлахъ перемѣна образа сосуществованія.

Взято изъ Лейбница.

2. Чувства наши открываютъ намъ въ тѣлахъ общія нѣкоторыя и первоначальныя свойства, доказывающія намъ, что сіи тѣла, какого бы они рода нибыли, и какая бы разность между ими не находилась, сотворены изъ единаго и всѣмъ имъ общаго вещества. Но мы не вѣдаемъ, что такое есть вещество сіе, мы ни чего инаго не знаемъ, кромѣ свойствъ онаго, которыя примѣчаемъ посредствомъ чувствъ нашихъ; но и тутъ еще должно остерегаться, чтобъ не смѣшивать сихъ свойствъ съ самими тѣми ощущеніями, кои возбуждаетъ въ насъ сіе вещество, когда дѣйствуетъ надъ нашими органами. И дѣйствительно большая часть людей не увѣрены ли въ томъ, что жаръ находится въ огнѣ, насъ согрѣвающемъ, что стужа во льдѣ, свѣтъ въ солнцѣ или въ свѣчѣ зазженной; что желтый цвѣтъ, поражающій наше зрѣніе, въ золотѣ, находится дѣйствительно въ золотѣ; что роза въ самомъ дѣ-

лѣ содержитъ въ себѣ запахъ подобный тому, которой мы въ ней обоняемъ; что звукъ колокола изходитъ изъ колокола сего; что кислый вкусъ, причиняемый намъ уксусомъ, есть дѣйствительно въ уксусѣ?... Заблужденіе сіе столь намъ естественно, что безъ особливаго вниканія въ употребленіи чувствъ нашихъ, не возможно намъ отъ того предостеречься. Дабы получить чистѣйшія понятія о матеріи, или свойствахъ, дѣйствительно ей принадлежащихъ, надлежало бы видѣть ея безъ теплоты, безъ холода, безъ свѣта, безъ цвѣта, безъ запаха, безъ звука и безъ вкуса. Таково на примѣръ вещество воздуха, когда онъ умѣренъ, тихъ, чистъ, и сокрытъ въ темномъ мѣстѣ; въ семъ мѣстѣ ходятъ не видя ничего, кажется, что сіе пространство совершенно пусто; хотя есть тысяча способовъ удостовѣриться въ существованіи, наполняющей оное матеріи. И такъ въ семъ-то состояніи, въ ко-

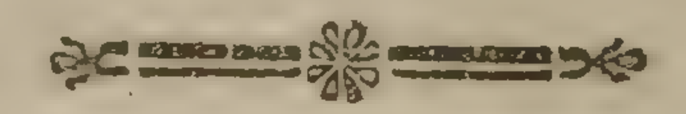
торомъ матерія неощутительна, надлежитъ се разсматривать, дабы открыть принадлежащія ей единственно свойства, и кои не могутъ тогда смѣситься съ нашими чувствами.

Легко можно понять, что посредствомъ раздувальнаго мѣха съ захлопкою, удобно наполнить пузырь, или шаръ, симъ неощутительнымъ воздухомъ, о которомъ я говорилъ, и что пузырь сей, или шаръ, раздастся и увеличится, по мѣрѣ наполненія своего; тогда поймутъ, что чѣмъ болѣе войдетъ воздуха, тѣмъ большее пространство займетъ онъ въ пузырѣ, и что, слѣдовательно, части сей матеріи, которую почитали неощутительною, имѣютъ протяженіе соразмѣрное мѣсту, ими занимаемому. Сверьхъ сего увидимъ, что пузырь не можетъ, не треснувъ, принять въ себя болѣе извѣстнаго количества воздуха, и что когда сіе количество воздуха въ него войдетъ, то растянетъ пузырь, и со всѣхъ сторонъ

противополагаетъ супротивленіе, доказывающее, что пузырь наполненъ такимъ веществомъ, коего части не могутъ входить одна въ другую, такимъ образомъ, чтобъ потѣряли онѣ совершенно свое количество, или протяженіе. Супротивленіе противополагается симъ веществомъ, когда внутренность пузыря, или инаго какого сосуда, совершенно онымъ наполнится, доказываетъ, что части матеріи не могутъ взаимно проницаться, или поглощаться другъ въ друга; слѣдовательно непроницаемость есть еще одно изъ свойствъ матеріи. Должно такъ же примѣтить, что воздухъ не могъ перейти въ мѣхъ и изъ мѣха въ пузырь, не перемѣняя мѣста, и не двигаяся, и что, слѣдовательно, сія матерія подвижна или удободвигательна. Слѣдовательно *движимость* есть такъ же свойство матеріи. Наконецъ легко можно понять, что воздухъ, наполнившій пузырь, не весь вдругъ въ него вошелъ, но что

онъ долженствовалъ раздѣлиться, дабы по частямъ войти въ отверстіе пузыря; слѣдовательно не льзя сомнѣваться, чтобъ и *дѣлимость* не была одно изъ свойствъ матеріи.

Слѣдовательно мы удостовѣрены, что матерія есть существо *протяженное*, *непроницаемое*, *дѣлимое* и *подвижное*; но сіе есть все то, что мы о ней знаемъ; мы не можемъ никакимъ образомъ примѣтить сего начала въ немъ самомъ, его сущность отъ насъ совершенно сокрыта, и мы не вѣдаемъ даже и того, не имѣетъ ли матерія еще иныхъ свойствъ, кромѣ тѣхъ, кои чувства наши могутъ ясно и во всякое время примѣтить.

О МОРЯХЪ.

По многократнымъ наблюденіямъ всѣхъ мореходцовъ достовѣрно стало, что Океанъ имѣетъ постоянное движеніе

отЪ Востока кЪ Западу. Сіе движеніе чувствуется не только между поворотными кругами, такЪ, какЪ Восточной вѣтерЪ; но еще и во всемЪ пространствѣ умѣренныхЪ и холодныхЪ поясовЪ, вЪ коихЪ плавали. ИзЪ сего достовѣрнаго примѣчанія слѣдуетЪ, что тихое море дѣлаетЪ безпрестанное усиліе противЪ береговЪ Китая и Индіи; что Индѣйскій океанЪ дѣйствуетЪ такимЪ же образомЪ противЪ всѣхЪ Восточныхъ береговЪ Америки; и такЪ море долженствовало, и всегда долженствуетЪ подвигаться на землю сЪ ВосточныхЪ береговЪ, и сливаться сЪ оной на ЗападныхЪ берегахЪ. Сего одного довольно вЪ доказательство возможности перемѣны земли вЪ море и моря вЪ землю; и ежели дѣйствительно перемѣна сія произошла отЪ сего движенія водЪ отЪ Востока кЪ Западу, какЪ то весьма вѣроятно; то не можно ли основательно догадываться, что древнѣйшая страна свѣта есть Азія,

и весь Восточный материкъ? Что, на противъ того, Европа и часть Африки, а особливо Западные берега сихъ материковъ, какъ Англія, Франція, Гишпанія, Мавританія и проч. суть земли новѣйшія? Исторія, кажется, согласуется здѣсь съ Физикою, и подтверждаетъ сію небезъосновательную догадку.

Но есть множество иныхъ причинъ, кои, купно съ безпрестаннымъ движеніемъ моря отъ Востока къ Западу, споспѣшествуютъ къ произведенію помянутаго дѣйствія. Коликое число есть странъ, коихъ горизонтъ ниже моря, и кои защищаются отъ онаго или однимъ перешейкомъ, или плотинами, еще того слабѣйшими? Усиліе водъ истребитъ по немногу сіи преграды, и тогда земли сіи наводнятся и потопятся. Сверьхъ того извѣстно, что горы безпрестанно становятся ниже отъ дѣйствія дождей, кои смываютъ съ вершинъ ихъ землю, и влекутъ оную въ долины.

Извѣстно такъ же, что ручьи влекутъ землю съ полей и съ горъ въ большія рѣки, кои несутъ сію лишную землю въ море. Такимъ образомъ мало по малу дно морское наполняется, поверьхность материковъ опускается, и сравнивается съ поверьхностію моря: слѣдовательно, со временемъ море заступитъ мѣсто земли.

Я не говорю о тѣхъ удаленныхъ причинахъ, кои на однихъ только догадкахъ основаны, то есть, о сихъ потрясеніяхъ природы, коихъ малѣйшее дѣйствіе могло бы разрушить вселенную: удареніе или приближеніе Кометы, отсудствіе Луны, присудствіе новой планеты, и проч. Все сіе суть одни только умоположенія, такія причины могутъ произвести все то, что плодовитость воображенія человѣческаго представить можетъ, и изъ одной изъ сихъ догадокъ извлекается множество Физическихъ романовъ, кои авторы ихъ называютъ Ѳеоріею земли.

Поелику движеніе морей отъ Востока къ Западу есть самое большое, общее и неизмѣнное, то по сему и дѣйствія онаго должны быть сильнѣе, и сообразивъ все вмѣстѣ, выйдетъ, что море со временемъ долженствуетъ податься къ Западу, и слить съ Восточныхъ земель, хотя и можетъ случиться, что на тѣхъ берегахъ, гдѣ Западный вѣтръ дуетъ большую часть года, какъ во Франціи и въ Англіи море подвигается къ Востоку, но еще разъ сіи частныя исключенія не опровергаютъ дѣйствія всеобщей причины.

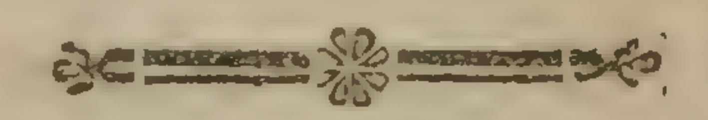
Всѣ тѣ озера, изъ коихъ вытекаютъ рѣки, всѣ тѣ, чрезъ кои рѣки протекаютъ, или близь оныхъ находятся, и вливаютъ воду свою въ нихъ, всѣ такія озера не солоны; на противъ же того, всѣ тѣ, въ кои впадаютъ рѣки, а изъ нихъ ни одна не вытекаетъ, суть солоны. Что и подтверждаетъ то мнѣніе, что причина солености моря есть соль, со-

влекаемая съ земли рѣками, и безпрестанно въ море наносимая; ибо выпареніе не въ силахъ извлещи изъ моря постоянныхъ солей, и слѣдовательно, соль наносимая рѣками остается въ морѣ, и хотя рѣчная вода и кажется намъ сладкою, но извѣстно, что сія сладкая вода содержитъ въ себѣ небольшое количество соли, и море въ теченіе многихъ вѣковъ пріобрѣло большую степень солености, которая должна отъ времени до времени умножаться. Такимъ-то образомъ, по мнѣнію моему, Черное море, Каспійское, Аральское, Мертвое и проч. учинилися солеными; рѣки, впадающія въ сіи озера, нанесли во оныя всѣ соли, увлекаемыя водами ихъ изъ земли, а выпареніе не могло ихъ извлещи изъ оныхъ. Что касается до тѣхъ озеръ, кои подобны прудамъ, въ кои ни одна рѣка не впадаетъ, и изъ коихъ такъ же ни одна не вытекаетъ, то они бываютъ или пресны, или солоны; и сіе по тому, что

одни изъ нихъ сдѣлались отъ морскихъ наводненій, а другія произошли отъ ключей пресной воды, кои не имѣя свободнаго истеченія, составляютъ великое пространство воды.

Старожилами Астраханскими примѣчено, что вода въ Каспійскомъ морѣ тритцать лѣтъ прибываетъ и потомъ тритцать лѣтъ убываетъ.

Галлей вычислилъ и опытомъ узналъ, что въ каждый лѣтній день изъ Средиземнаго моря испаряется пять биліоновъ двести восемдесятъ миліоновъ бочекъ воды.

О НАСѢКОМЫХЪ.

Всякое насѣкомое, такъ, какъ и всякое животное, происходитъ отъ сѣмяни, въ которомъ содержалося оно въ малѣйшемъ видѣ. Сіе сѣмя съ начала бываетъ обернуто одинакою или двойною перепонкою, которая развер-

зается, когда маленькое содержащееся въ немъ творенiе сдѣлается довольно сильно для разорванiя ея. Естьли животное разрываетъ свою обертку родяся, и выходитъ на свѣтъ въ настоящемъ своемъ видѣ, и подобно матери своей, то сiю самку называютъ живородящею. Сего рода суть мокрицы и вши многихъ травъ. Когда же самка родитъ своихъ дѣтей, обернутыхъ въ твердую скорлупу, называемую яицомъ, въ коей они еще нѣсколько времени должны пробыть, то такихъ называютъ яицаносящими.

Малѣйшiй червякъ, малѣйшiй сырный червь, малѣйшее изъ сихъ насѣкомыхъ, кои посредствомъ микроскопа примѣчаются въ уксусѣ, словомъ сказать, малѣйшее изъ сихъ невидимыхъ простыми глазами насѣкомыхъ, плавающихъ въ разныхъ иныхъ жидкостяхъ, имѣютъ тѣло организованное, снабденное глазами, сердцемъ и внутренностiю, однимъ словомъ,

всѣмъ тѣмъ, что составляетъ животнаго. Онъ сворачиваетъ въ сторону, когда встрѣтитъ кого на дорогѣ; онъ ходитъ, ищетъ своей пищи, ѣстъ и испражняется. Ему надобно въ маломъ количествѣ то, что намъ въ большомъ.

Въ жалѣ пчелы находится маленькое отверстіе, чрезъ которое пчела выпускаетъ два копейца непонятной тонкости, но кои не взирая на то, весьма крѣпки и дѣйствительны: такимъ образомъ то, что мы видимъ, выходящее изъ тѣла пчелы, не есть въ самомъ дѣлѣ само жало, но только футляръ онаго, и какъ родъ такого орудія, которымъ приготовляетъ она отверстіе для впущенія помянутыхъ копейцовъ, чтобъ онѣ далѣе проникли.

Сія мука, находящаяся на крыльяхъ бабочекъ, есть великое множество малыхъ перьевъ, изъ коихъ каждое имѣетъ съ одной стороны стволокъ, а съ другой округлено и укра-

шено кистями, подобно перьямъ птичьимъ. Конечность однихъ покрываетъ начало другихъ. Они такъ, какъ въ птицахъ помѣщены съ удивительнымъ порядкомъ: когда же ихъ отнимешъ, то крыло есть ничто иное, какъ тонкая и прозрачная кожица, на коей видны скважины, въ коихъ стволъ каждаго перышка былъ помѣщенъ. Сей порошокъ сбираютъ и разсматриваютъ въ микроскопъ.

Есть родъ блудящаго паука, которой собою малъ, черенъ и удивительнѣе прочихъ. Въ Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ, а въ холодныхъ климатахъ гораздо ранѣе, разстилаютъ они свою паутину всюду по лугамъ и по полямъ; иныя же нити оставляютъ на воздухѣ, и вѣтеръ оныя уноситъ; часто весь воздухъ оными бываетъ наполненъ: сіи нити соединяются, растягиваются и за все задѣваютъ. Пауки, встречающіе ихъ, такъ скоро по нихъ бѣгаютъ, какъ будто лѣтаютъ, и съ помощію ихъ восхо-

дятъ на верьхи башенъ и высочайшихъ зданій.

Изъ паутины сдѣланы были перчатки. Члены Монтпеліерской Академіи послали сіи перчатки на разсмотрѣніе Господамъ членамъ Парижской Академіи наукъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того сдѣлали изъ паутины чулки, кои были поднесены Герцогинѣ Бургонской. Г. Реомюръ попытался собрать множество въ одно мѣсто сихъ насѣкомыхъ. Онъ ихъ кормилъ мухами, и концами молодыхъ голубиныхъ свѣжихъ перьевъ, по тому, что на нихъ находится кровь, до которой они чрезмѣрно лакомы. Но вскорѣ увидѣлъ онъ, что какъ бы ни старались ихъ кормить тѣмъ, что наиболѣе они любятъ, но они столь злобны, когда ихъ посадишъ вмѣстѣ, что оставляютъ все, дабы истребить другъ друга. Слѣдовательно сихъ животныхъ не льзя заставить жить въ обществѣ. Но естьли бы и былъ способъ держать ихъ вмѣстѣ; то над-

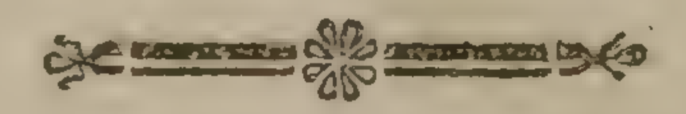
лежало бы имѣть для сего весьма пространное мѣсто, и великіе труды, дабы кормить довольное количество оныхъ; сверьхъ того ихъ нитки въ пятеро тонѣ шелковыхъ червей; и по вычисленію нашлось, что, дабы составить фунтъ шелку, потребно шестдесять тысячь пауковъ. Но и тутъ еще не вѣрно, можно ли употреблять обыкновенныя ихъ нитки; ибо употреблялася до сего только та паутина, въ которую обертываютъ они свои яица, и которая въ трое и въ четверо толще обыкновенной.

Матка или царица пчельная весьма плодуща. Г. Реомюръ счелъ, что она родитъ отъ 30 до 40 тысячь дѣтей; въ семъ числѣ мало бываетъ самокъ, но и тѣ всѣ становятся послѣ матками и начальницами ульевъ. Въ семъ числѣ находится около двухъ тысячь самцовъ, и великое множество средняго рода пчелъ не имѣющихъ никакого пола. Сіи послѣднія дѣла-

ютъ медъ, кормятъ молодыхъ пчелъ, и словомъ, исправляютъ всю работу. Но иногда онѣ взбунтовавшись, истребляютъ всѣхъ самцовъ.

Травныя вши суть обоепольны, и раждаютъ живыхъ дѣтей безъ всякаго совокупленія. Г. Реомюръ одно такое насѣкомое держалъ нѣсколько времени въ глиняномъ сосудѣ, и видѣлъ пять порожденій онаго безъ всякаго совокупленія; и что болѣе удивительно, что сіи вши иногда и совокупляются.

Левенгокъ примѣтилъ, что двѣ мухи, менѣе, нежели въ три мѣсяца, народили семь сотъ тысячь другихъ мухъ.

О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ.

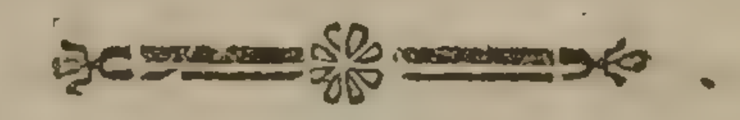
Когда ты грѣешъ руку; то безъ сомнѣнія чувствуешъ нѣкоторое удовольствіе. Естьли въ самое то же время поднесутъ къ твоему носу

пріятной какой нибудь духЪ; то ты почувствуешЪ другова рода удовольствіе. Естьли спросятЪ у тебя, котоое изЪ сихЪ двухЪ удовольствій тебѣ наиболѣе нравится; то ты назовешЪ то или другое. Слѣдовательно, ты сравниваешЪ вмѣстѣ сіи два удовольствія, и судишЪ обЪ нихЪ обѣихЪ вЪ то же самое время. Естьли послѣ того, какЪ ты согрѣешЪ руку, и понюхаешЪ духовЪ, покажу я тебѣ прекрасную Рафаелеву картину; естьли услышишь ты прекрасной голосЪ; естьли станешЪ ѣсть какое либо сЪ отмѣннымЪ вкусомЪ изготовленное кушанье; то не правда ли, что ты можешЪ сказать, которое изЪ всѣхЪ сихЪ удовольствій наиболѣе тебѣ понравилось. Для сего, слѣдовательно, надлежитЪ, чтобЪ имѣющее вЪ тебѣ способность судить, чувствовало все сіе. Сей самой ты, которой судишЪ, знаешЪ пріятнѣе ли чувственное удовольствіе умственнаго, и избираешЪ одну изЪ сихЪ ве-

щей. Слѣдовательно, то же самое начало, которое чувствуетъ удовольствія чувственныя, чувствуетъ такъ же и духовныя, судитъ и хощетъ. Сіе есть неоспоримое доказательство, что не носъ твой чувствуетъ запахъ, и что не рука твоя чувствуетъ теплоту и проч. Но какъ рука и носъ суть двѣ вещи, совершенно между собою различныя, то такъ же не возможно, чтобъ одна изъ нихъ чувствовала то, что чувствуетъ другая, какъ не возможно и то, чтобъ мы въ сей комнатѣ чувствовали то, что чувствуютъ тѣ, кои находятся теперь въ театрѣ; слѣдовательно должно, чтобъ не только сей ты, чувствующій и запахъ и теплоту вмѣстѣ, не былъ ни носъ ни рука; но такъ же, чтобъ ето была такая вещь, которая бы не была составлена изъ многихъ частей; потому, что естьли бы много было частей, то необходимо одна бы часть чувствовала теплоту, а другая за-

пахЪ; и такЪ ни чего бы такого не нашлось, которое бы могло чувствовать вдругЪ теплоту и запахЪ; ни чего такова, которое бы могло ихЪ сравнить и разсудить, что одно пріятнѣе другова. Слѣдовательно необходимо должно заключить, что душа твоя начало всѣхЪ твоихЪ чувствій, должна быть существо простое. Естьли она существо простое, то по сему и недѣлимое, естьли же недѣлимое, то слѣдственно безсмертное; ибо разрушеніе какой либо вещи не можетЪ послѣдовать иначе, какЪ чрезЪ отдѣленіе частей, кои составляютЪ цѣлое. Не говори мнѣ, что каждая часть души получаетЪ то, что всѣ другія получаютЪ; ибо естьли по сему положенію заключить, что душа имѣетЪ двѣ части, то было бы вЪ тебѣ двѣ вещи, кои бы чувствовали, судили и хотѣли, а изЪ того бы тебѣ ни какихЪ лишнихЪ выгодЪ не происходило. ИзЪ сего слѣдуетЪ, чтобЪ одна изЪ сихЪ

частей была бы совершенно безполезна; кромѣ того, что существо, могущее чувствовать вдругъ два удовольствія, или удовольствіе и скорбь, два сужденія и двѣ воли должно быть необходимо недѣлимо.

О ПАМЯТИ.

Я раздѣляю память на два рода, до безконечности между собою различные по своимъ причинамъ, и кои могутъ однакоже по дѣйствіямъ нѣкоторымъ образомъ быть сходны; перьвая есть слѣдъ нашихъ понятій, а вторая есть только возобновленіе нашихъ ощущеній, или лучше сказать, сотрясенія ихъ причинившаго: перьвая истекаетъ отъ души, и слѣдовательно гораздо совершеннѣе другой; послѣдняя, на противъ того, происходитъ единственно отъ возобновленія потрясеній внутренняго вещест-

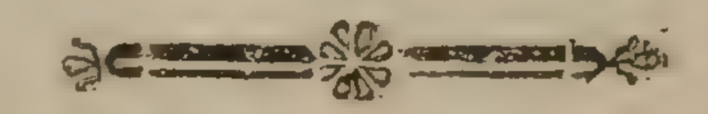
веннаго чувства: и сію-то только память имѣютъ животныя и безщотные дураки; ихъ внутреннія ощущенія возобновляются настоящими ощущеніями, они возбуждаются со всѣми сопровождавшими ихъ обстоятельствами, главный же предметъ и настоящій призываетъ прежніе предметы со всѣми ихъ обстоятельствами, они чувствуютъ такъ, какъ чувствовали; слѣдовательно дѣйствуютъ такъ, какъ дѣйствовали, они видятъ вмѣстѣ настоящее и прошедшее, но не различая оныхъ и не сравнивая, и слѣдовательно не имѣя о нихъ свѣдѣнія.

Память въ одномъ осмилѣтнемъ рабенкѣ, была столь подвержена перемѣнамъ воздуха, что во время большихъ лѣтнихъ жаровъ забывалъ онъ почти совершенно все имъ выученное; когда же наступала холодная погода, и продолжалася два или три дни, то онъ паки получалъ всю свою память: но послѣ того естьли

опять жары наступали, то сей ѳермометрической мозгъ чрезъ забвеніе назначалъ наступленіе жаркаго времени.

Гермогенъ Тарсійскій, жившій во второмъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, обучалъ Риторикѣ пятнатцати лѣтъ отъ рожденія, и осмнатцати сочинилъ тѣ книги, кои мы отъ него имѣемъ; дватцати же четырехъ лѣтъ забылъ онъ совершенно все что зналъ. Открывъ трупъ его, нашли, что сердце его было мохнато и чрезмѣрной величины.

Философъ Сенека говоритъ о себѣ, что онъ въ состояніи былъ повторять двѣ тысячи безъ всякой связи словъ, въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ ихъ при немъ произносили, и сіе безъ всякой хитрости, съ помощію чрезвычайной только памяти.

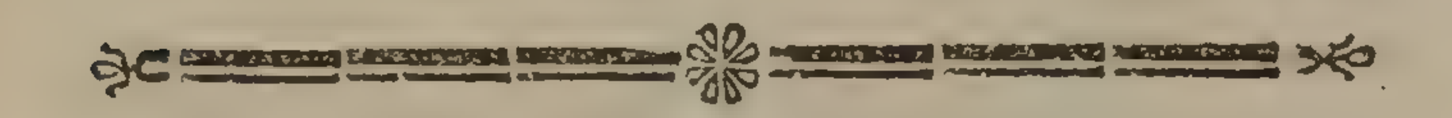
О ПРЕСЕЛЕНІИ ДУШЪ.

Философъ Пиѳагоръ вѣрилъ метампсихозѣ, или переселенію душъ изъ одного тѣла въ другое, а иногда въ тѣло какого либо животнаго. Надлежитъ еще примѣтить, что древніе не вѣрили всегда, чтобъ то души самые, но только тѣни умершихъ, то есть призраки нисходили во адъ, а души по мнѣнію ихъ входили въ другіе тѣла, или возвращалися въ тѣ мѣста, отколѣ произошли, то есть на небеса. Такимъ-то образомъ говорятъ о томъ Помноній, Сабиній и Сенека; но единому Христіянскому закону предоставлено было исправить понятія наши о душахъ и о жребіи, ожидающемъ ихъ по смерти.

Одинъ весьма недалекаго ума полуученый, находясь однажды съ нѣкоторыми учеными людьми, вздумалъ изъяснять имъ систему душепреселенія. Но какъ онъ забрался, и самъ

не зналЪ что говоритЪ, то Гасендій, хотя отЪ природы человѣкЪ весьма кроткій и скромный, не утерпѣлЪ, чтобЪ не сказать ему: ПиѳагорЪ говорилЪ, что души человѣческія преселяются по смерти вЪ тѣла животныхЪ; но я не думалЪ до сего времени, чтобЪ душа животнаго могла преселиться вЪ тѣло человѣческое.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ О ГОРЯЧКАХЪ И ЛИХОРАДКАХЪ.

Гнилая горячка.

Сію болѣзнь, сопровождаемую всегда гнилостію соковъ, раздѣляютъ на безпрестанную, или горячку, и на перемѣнную, или лихорадку. Мы теперь говоримъ только о безпрестанной. Она познается по жестокому жару и по пульсу, которой силенъ, частъ и обыкновенно неравенъ; по сырости мочи, по тошнотѣ, рвотѣ, тягости въ

головѣ и во всѣмъ тѣлѣ; больной чувствуетъ великую разстройку; языкъ его желтъ, калъ и потъ безмѣрно зловонный, и больному приключаются частые обмороки.

Лѣченіе.

Начни однимъ или двумя кровопусканіями, смотря по жестокости болѣзни и силамъ больнаго. Непосредственно послѣ того дай ему рвотнаго въ водѣ. Потомъ дай больному одинъ день отдохнуть. На завтра дай ему слабительное изъ двухъ унцій тамарину, одной драхмы древесной губки, и двухъ драхмъ глауберовой соли, настоявъ сіе въ горячей золѣ въ продолженіе четырехъ часовъ, въ кипящей водѣ, потомъ смѣшавъ съ двумя унціями манны, и съ сокомъ изъ одного лимона, процѣди хорошенько, и дай принять больному въ два раза по стакану, чрезъ полтара часа отъ пріема до другаго.

Въ такомъ же случаѣ, естьли

горячка будетъ надмѣру сильна, такъ, что опасно больному давать слабительное; то вмѣсто онаго можно употребить черносливной наваръ, прибавя къ оному двѣ унціи съ половиною тамариновъ и галенокъ воды, и пить сего по стакану чрезъ два часа.

Обыкновенное же питье можетъ быть или цыплячій жидкій бульонъ, или ячменной наваръ, на каждую бутылку коего должно прибавлять по немногу солодковаго корня, и по двадцати капель сѣрнаго спирта, естьли болѣзнь сильна, и въ больномъ видна будетъ великая растройка; 3е, сухарная вода съ подбавленіемъ къ оной не много лимоннаго или барбарисного сиропа.

Не должно въ то же самое время забывать о промывательныхъ, въ которыхъ надлежитъ вскипѣтить корень латуковой, на четверо разрѣзанный, и прибавить къ тому драхму соли.

Съ тѣхъ поръ, какъ начнутъ больному давать слабительное, надлежитъ повторять оное чрезъ каждые два дни, и постараться чрезъ то отвратить и выгнать изъ тѣла низомъ гнилыя мокроты.

Естьли мокрота ударится въ голову, и причинитъ завалъ въ мозгу, бредъ и усыпленіе; то должно къ затылку поставить Шпанскую муху; можно такъ же съ пользою ставить ноги въ теплую воду. Когда же сіи пособія не причинятъ головѣ облегченія; то можно прикладывать къ ней тряпки, намоченныя въ холодной водѣ.

Въ тотъ день, какъ больной приметъ слабительное, не худо дать ему одинъ гранъ опіума, или полдрахмы Ѳеріаку, для успокоенія его. Но поелику сіи средства имѣютъ свойство остановлять испражненія; то надлежитъ употреблять ихъ съ великою разсмотрительностію и осторожностію, и тогда уже, какъ больной довольно низомъ очистится.

Чахотная лихорадка.

Симъ именемъ называется хроническая лихорадка, снѣдающая по немногу тѣло.

Признаки ея суть: слабый, крѣпкій и частый пульсъ, яркая и обыкновенная краснота въ лицѣ, которая умножается, когда послѣ сварѣнія желудка новый питательный сокъ крови сообщаеmся. Больной чувствуетъ безпрестанный жаръ, кожа его суха и горяча; сей жаръ обыкновенно послѣ кушанья наиболѣе ощутителенъ въ рукахъ, въ подошвахъ и близъ біющихся жилъ. Моча зловонна, пѣнится, имѣетъ осадку, и поверьхъ ея всплываетъ легкое и жирное облачко темнаго цвѣта. Часто сею болѣзнію одержимые предпочитаютъ холодную пищу всякой иной. Во рту у нихъ сохнетъ, чувствуютъ безпрестанную жажду, непомѣрную слабость и томкость во всемъ тѣлѣ. Ночный сонъ ихъ нимало не облегчаетъ: ибо во

время онаго истощаетъ ихъ изобильный потъ.

Послѣ сей степени болѣзни наступаетъ харканіе клѣйкой и пѣнистой мокроты, тягость и боль въ ипохондрахъ, круженія, испражненіе гнилыхъ и злововонныхъ матерій. Больной становится весьма чувствителенъ ко всѣмъ перемѣнамъ погодъ. Признаки же перьваго состоянія болѣзни въ семъ еще сильнѣе становятся, и больной впадаетъ въ сухотку.

Болѣзнь, день отъ дня умножаясь, производитъ дрожаніе членовъ, страшную худобу, пятны и небольшіе чирьи на тѣлѣ, и цвѣтъ въ лицѣ дѣлается тусклый и помертвелой. Глаза съ трудомъ могутъ растворяться, такъ, что часто подумаешь, что больной спитъ, хотя онъ и ни мало не можетъ успокоиться, частыя головокруженія, обмороки, брѣдъ, опухоли, удушье, поносы, съ жестокимъ рѣзомъ сопряженные, доводятъ наконецъ до смерти.

Сія болѣзнь, всегда опасная въ молодости и въ людяхъ горячаго сложенія, есть дѣйствіе всеобщей испорченности соковъ. Она часто слѣдуетъ послѣ горячки, или безпрестанной лихорадки, послѣ нарыва въ легкомъ, послѣ рожи, часто послѣ Венерической гонореи, не во время оставленной, или послѣ всякаго лѣченія другихъ Венерическихъ болѣзней. Въ сей болѣзни такъ же часто бываетъ нарывъ во внутренности.

Лѣкарства.

I. Естьли болѣзнь достигнетъ до третьяго состоянія, то нѣтъ почти никакой надежды къ исцѣленію. Того ради, дабы не допустить ее до втораго состоянія, надлежитъ больнаго, въ продолженіе мѣсяца, или шести недѣль, купать сперьва не много въ теплой водѣ, а подъ конецъ пріучить его постепенно къ нѣсколько холодноватой. Вмѣсто сего можно дѣлать сильныя тренія по животу и

по поясницѣ, по два или по три раза въ день, тряпками, въ теплую воду обмоченными.

2. Днемъ надлежитъ употреблять бульонъ изъ телятины и цыпленка, съ портулакомъ, латукомъ и огурешнымъ духомъ. Естьли болѣзнь сія приключится въ то время, какъ поспѣютъ дыни, то давать оныхъ ѣсть больному; равно какъ и тыквы, огурцовъ вареныхъ въ похлебкѣ, или иначе, но только не сырыхъ. Можно такъ же дозволить ѣсть нѣсколько и сырыхъ плодовъ.

3. Пить больному должно полпиво, или отрубную воду, яблочной квасъ, ключевую воду съ небольшимъ количествомъ винограднаго вина, ячменной наваръ, подмѣшавъ въ него не много солодковаго корня и изюма.

4. Въ обѣдѣ и въ ужинѣ ѣсть умѣренно; лучше въ день по четыре или по пяти разъ кушать, нежели одинъ разъ много, что великой можетъ вредъ причинить желудку боль-

наго, по причинѣ слабости и недостатка теплоты естественной. Пища ихъ должна состоять изъ сорочинскаго пшена, изъ киселя, каши, иногда ячной кашицы и ершей. Коровье и козье молоко такъ же могутъ служить пищею и лѣкарствомъ.

Безпрестанная горячка, или многокровная огневица.

Сія болѣзнь продолжается много дней, не покидая ни на малое время больнаго, какъ уже къ концу своему.

Горячка раздѣляется на два рода: одна простая, причиняется нѣсколько испорченною кровью; а другая, происходящая отъ крови, болѣе испорченной.

Простая обыкновеннō приключается молодымъ распутнымъ людямъ, хотя они и здороваго сложенія. Она начинается краснотою въ лицѣ, полнотою и какъ бы опухлостію кровяныхъ жилъ, тягостію въ головѣ,

охотою къ спанью, біеніемъ висковъ, затруднительнымъ дыханіемъ, силою и скоростію пульса, которой однако же равенъ и правиленъ, моча густа и красновата.

Сія горячка обыкновенно продолжается четыре, семь, или одиннатцать дней. И ежели въ продолженіе сего времени не кончится потомъ, или кровотеченіемъ, то превращается въ гнилую горячку.

Лѣкарства отъ простой горячки.

Поелику опасно, чтобъ болѣзнь сія не бросилася въ легкое, и не причинила воономъ воспалѣнія, или нарыва, или чтобъ не превратилася она въ другой родъ горячки, какъ то часто случалось отъ излишняго откладыванія сихъ предосторожностей; то должно пустить изъ правой руки кровь, въ какомъ бы то часу дня не случилося. При семъ должно также соображаться съ поломъ, возрастомъ и сложеніемъ больнаго, ежели нужда потребуетъ, чтобъ кровопусканіе повторять нѣсколько разъ.

Отъ кровопусканія до другова надлежитъ больному ставить промывательныя, сдѣланныя изъ навару всякихъ огородныхъ травъ и небольшаго количества меду. Не много давать ему больону, и запретить всякую твердую пищу, какъ то, яица и мясо; не давать ничего пить, кромѣ обыкновеннаго декокта, или свѣжей воды, лишъ бы только у больнова не было заваловъ, слабости и ничего испорченнаго во внутренности.

Когда кокція, или созрѣніе болѣзни начнется, что можно видѣть по мочѣ больнаго, (которая перемѣнитъ цвѣтъ) то должно все продолжать ту же діету.

Когда горячка уменшитъ нѣсколько свою жестокость, то должно дать больному слабительное изъ полторы унціи кассіи, распущенной въ двухъ стаканахъ сыворотки, или изъ полторы унціи сиропа персиковыхъ цвѣтовъ, въ наварѣ изъ двухъ унцій тамариновъ.

Горячка злая или гнилая, которая есть слѣдствіе гораздо испорченной мокроты, познается по гораздо жесточайшему жару, по скорѣйшему пульсу, которой неравенъ и безпорядоченъ; сверьхъ того моча гораздо краснѣе, гущѣ, мутнѣе, безъ осадки и зловонна. Сія горячка обыкновенно приключается весною молодымъ людямъ, наполненнымъ соками и испорченною кровью. Она ни на малое время не покидаетъ; хотя по утрамъ и кажется, что больной покойнѣе.

Лѣкарство отъ сей горячки.

Съ начала должно поставить клистиръ, сваренный изъ просвирокъ, фіялокъ и латука, примѣшавъ къ тому четыре унціи обыкновеннаго меду, и двѣ или три ложки оливковаго масла, или унцію очищенной кассіи, съ двумя унціями фіялковаго масла. Когда оной изъ больнаго выйдетъ, то должно больному пустить кровь. Во время сильнаго пароксизма надле-

житъ давать больному пить декоктъ, свареный изъ щавельныхъ кореньевъ, изъ листовъ и корней дикой цикореи.

Должно остерегаться, чтобъ съ начала не давать больному ничего надмѣру холодительнаго, какъ то, чистой воды, лимонаду, или унсомеду: сіи же напитки давать не прежде, какъ соки болѣзненные начнутъ созрѣвать. Однако же естьли горячка будетъ очень жестока, то можно дать нѣкоторыя емулзіи изъ холодныхъ сѣмянъ съ фіялковымъ сиропомъ; и приложить къ сердцу не много ѳеріаку, или Орвіетану, намазавъ онаго на лоскутъ сукна или фланели.

Чрезъ каждые три часа давать больному бульонъ изъ телятины, живности и баранины, изготовленнаго съ тремя ложками соку изъ травы огурешнымъ духомъ называемой. Когда увидятъ, что горячка уменшается, и матерія, низомъ выпражняющаяся,

перемѣнитъ цвѣтъ; то должно тогда дать слабительнаго изъ навару щавельнаго корня, цихорнаго и травы собачьяго зуба, въ которомъ настоять полъунціи Александрійскаго листу, съ полутора драхмою ребарбару и драхмою корицы. Процѣдивъ сей наваръ, распустить въ немъ полторы унціи сиропа изъ чистяку (*) и цихорея. Сіе лѣкарство раздѣливъ на двѣ части, дай одну принять по утру натощакъ, а другую на завтра въ томъ же часу; давая больному, чрезъ два часа по принятіи, бульону, приправленнаго съ сокомъ огурешной травы. Сіе слабительное можно и повторять, смотря по надобности.

Безпрестанная лихорадка.

Сія есть вообще лихорадка ни на малое время не покидающая съ самаго своего начала до совершеннаго окончанія.

Иногда не преставая она отъ

(*) Fumaria.

времени до времени, не много отпускаетъ, а потомъ въ двое усиливается.

Сіи усугубленія лихорадки бываютъ или періодическія, кои возвращаются въ обыкновенные часы; или неправильныя и безпорядочныя. Періодическія бываютъ безпрестанныя, ежедневныя, трехдневныя и четверодневныя.

Ежедневная безпрестанная всякой день по одному разу приходитъ съ усугубленіемъ. Она бываетъ двойная, или тройная, когда всякой день приходитъ по два или по три раза въ продолженіе осмнатцати часовъ; и вмѣсто того, чтобъ сіи шесть часовъ, отъ одного лихорадочнаго припадка до другова, подавали больному какое либо облегченіе, на противъ больной столь же въ то время утомленъ и слабъ, какъ и въ самый сильный припадокъ.

Сія лихорадка не всегда отъ испорченности желудка произходитъ, иногда приключается она отъ

гнилыхъ мокротъ: чувствуется сперва въ крайностяхъ тѣла, то есть, въ ногахъ и въ рукахъ ознобъ, которой мало по малу разливается по всему тѣлу, учиняетъ его холоднымъ, но не производитъ большаго дрожанія. Потомъ наступаетъ жаръ, нежестокой; больной чувствуетъ въ желудкѣ слабость, во рту дурно, и боль въ лѣвомъ боку. Пульсъ слабъ и частъ; но неравенъ и безпорядоченъ, когда приходитъ лихорадка. Моча съ начала бываетъ свѣтла, потомъ мутна, красна, густа и изобильна: тогда ознобъ уменшается, и жаръ умножается. Часто потъ только подъ конецъ болѣзни появляется.

Сія болѣзнь продолжается иногда осмнатцать дней въ равномъ градусѣ, и уменшается въ такое же время, становясь день отъ дня слабѣе. Она обыкновенно приключается дѣтямъ, старикамъ, женщинамъ, лѣнивымъ, жаднымъ, или тѣмъ, кои надмѣру много пьютъ пива, или иныхъ ка-

кихъ клѣйкихъ напитковъ, или тѣмъ, кои много ѣдятъ сырыхъ плодовъ. По тому-то она чаще приключается осенью и въ началѣ зимы, нежели лѣтомъ и весною.

Тридневная безпрестанная имѣетъ свои сугубыя припадки чрезъ день. Она бываетъ двойная или тройная, смотря по числу припадковъ, кои въ лихорадочный день приключаются.

Четверодневная безпрестанная приходитъ чрезъ четыре дни включительно. Ее называютъ двойною, или тогда, какъ припадокъ ея продолжается два дни сряду, и оставляетъ только одинъ день отдыху, или когда въ четвертый день два припадка оной приключаются. Естьли бываетъ три припадка, то называютъ ее тройною

Почти всякаго рода безпрестанная лихорадка приключается въ самые жаркіе лѣтніе дни людямъ худощавымъ, питающимся безсочными

мясами, кои на тѣлѣ имѣютъ много волосовъ, у коихъ жилы толсты, руки всегда горячи, и чувствуютъ въ нихъ маленькое колотье, кои весьма дѣятельны, и выпражняютъ низомъ много желчи.

Какъ скоро почувствуешъ сію болѣзнь; то цвѣтъ въ лицѣ перемѣняется, сонъ прерывается, человѣкъ чувствуетъ боль во всемъ тѣлѣ, а особливо въ животѣ; паха бываютъ тверды, натянуты и болѣзненны; больной чувствуетъ великую тоску, подверженъ обморокамъ, трудному дыханію, отвращенію отъ пищи, съ великою во всей машинѣ растройкою; моча его сыра.

Можно сказать, что нынѣ разныя роды лихорадокъ сближилися, и такъ сказать, смѣшалися съ горячками, кои обнаруживаются почти всегда слѣдующими признаками: безмѣрная тягость во всемъ тѣлѣ, усыпленіе, бредъ, сопровождаемый частымъ вздрагиваніемъ; часто за часъ или

два до перелома дѣлаются судороги, и во все время онаго не покидаютъ больнова.

Лѣкарства отъ ежедневной лихорадки.

Съ первыхъ дней должно употреблять самую легкую пищу. Послѣ чего въ четвертый или пятый день можно прибавить къ сей пищѣ по одному яицу, потомъ не много похлебки, приправленной небольшимъ количествомъ мушкатнаго орѣха и капарцовъ. Иногда можно ѣсть оливки, или изюмъ, или бисквиты съ Шпанскимъ виномъ, или съ другимъ какимъ горячительнымъ напиткомъ, но неимѣющимъ въ себѣ остроты.

Обыкновенное питье должно состоять изъ двухъ частей воды, и одной доли бѣлаго вина.

Надлежитъ за четыре часа до прихода лихорадки лучше чѣмъ нибудь веселымъ заниматься, нежели спать, или ничего не дѣлать. Въ началѣ припадковъ какъ можно надобно

стараться, чтобъ не заснуть; естьли же больной непреодолимую наклонность ко сну почувствуетъ, то можно даже попытаться его разсердить; тѣмъ полезнѣе сіе будетъ, что приведенные уже въ движеніе соки болѣе могутъ споспѣшествовать къ сваренію мокротъ. Въ концѣ припадка надобно ставить больному клистиры, составленные изъ ромашки, мелилота, фіялокъ, укропнаго и анисна10 сѣмя, краснаго сахара, фіялковаго меда и Александрійскаго листа. Послѣ седьмаго или осьмаго припадка должно прибавлять въ клистиры по полуунціи сабуру.

Хотя кровопусканія и не нужны въ сей болѣзни, однако же для выпражненія нѣкоторой части гнилости, содержащейся въ сосудахъ, не худо около четвертаго или пятаго припадка пустить кровь: и естьли случится остановленіе почечуя, или мѣсячныхъ кровей, или боль въ задней части головы; то можно безъ вся-

каго опасенія пустить кровь изъ ноги, особливо же ежели увидятъ, что моча красна.

Послѣ того, какъ больной испоражнитъ клистиръ; то дать ему драхму Өеріаку въ небольшемъ количествѣ вина.

Не должно давать больному рвотнаго прежде седьмаго или осьмаго дня болѣзни; естьли не примѣтишь какого либо знака зрѣлости мокротъ или наклонности къ тому.

Послѣ осьмаго или девятаго дня можно безъ опасенія дать больному слабительнаго изъ табличекъ diacarthami, и полъунціи діафеника, разведенныхъ въ стаканѣ настоя Александрійскаго листа, и щепоти полыни, или руты.

1. Сіе лѣкарство надлежитъ часто повторять, смотря по силамъ больнаго; и уменшать количество онаго, или прибавлять, смотря по возрасту.

2. Многіе принимая въ срединѣ

припадка слѣдующее лѣкарство, въ короткое время излѣчилися.

Разведи драхму ѳеріаку, столько же митридату, и полъунціи сахару, въ полустаканѣ воды благословеннаго волчца (*), или бѣлаго вина.

3. Иные излѣчились принимая по рюмкѣ полыннаго вина за часъ до окончанія припадка.

4. Хорошо такъ же пить, за нѣсколько времени до припадка, соку буквицы и подорожника, или двѣ драхмы буквицы и драхму подорожника въ порошкѣ, въ большомъ стаканѣ теплой воды.

5. Совѣтуютъ пить каждое утро, наливъ на три или на четыре пальца въ стаканъ навару изъ кореньевъ петрушки, редьки, спаржи, листьевъ буквицы, краснаго гороха и средней бузинной корки.

6. Зиденгамъ говоритъ, что опасно въ сей лихорадкѣ производить

(*) Carduus Benedictus.

потъ, что кровопусканіе и слабительное такъ же безполезны, и что хину употреблялъ онъ всегда съ великимъ успѣхомъ.

Есть такая ежедневная лихорадка, въ припадкахъ коея больной чувствуетъ равно и въ одно время ознобъ и жаръ. Поелику въ сей лихорадкѣ гораздо болѣе находится гнилости и жара; то надлежитъ запретить больному совершенно вино, употреблять декоктъ изъ травы вольяго зуба, земляничника и солодковаго корня. Сверьхъ того надлежитъ употреблять тѣ же лѣкарства, и наблюдать ту же діету, какъ и въ преждепомянутой.

Общія лѣкарства отъ безпрестанныхъ лихорадокъ.

1. Дай больному во время озноба проглотить два сырыхъ яичныхъ желтка, снесенныхъ въ тотъ самой день, и разведенныхъ въ трехъ ложкахъ пахтанья. Чрезъ четверть часа

послѣ того, дай ему большой стакань свѣжаго и преснаго молока не-вареннаго: и повтори сіе лѣкарство такимъ же образомъ чрезъ три дни.

2. Возми лѣтучей змѣиной соли, смѣшанной съ опіумомъ.

3. Обожжь надъ ухомъ больнаго пучокъ волосовъ, столько, чтобъ они тягостью были противъ полушки, положи ихъ на желѣзную лопатку, и сунь къ огню, чтобъ волосы полегоньку истлѣли. Потомъ истолки ихъ сколько можно въ порошокъ, и дай выпить больному въ бульонѣ.

Сіе лѣкарство производитъ жестокія дѣйствія, которыя могутъ быть опасны. Но естьли больной можетъ выдержать сей переломъ; то въ нѣсколько часовъ изцѣлится отъ своей болѣзни. Удивительныя дѣйствія сего лѣкарства многократно были видимы въ жесточайшихъ лихорадкахъ.

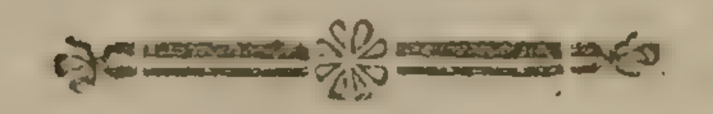
4. Многіе искусные Врачи утверждаютъ, что сего рода лихорадки

должно лѣчить безъ кровопусканія. Ибо кровопусканіе рѣдко бываетъ полезно, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда больной съ лишкомъ полнокровенъ, или когда получитъ онъ сію болѣзнь отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ, или ежели когда приключилась она женщинѣ отъ остановленія мѣсячныхъ кровей, или отъ излишней толщины; въ такихъ случаяхъ кровопусканіе необходимо нужно: вмѣсто того, что оно всегда почти усиливаетъ злыя горячки, особливо заразительныя, или съ пятнами, подобными укушенію блохъ. Чѣмъ злѣе лихорадка, тѣмъ болѣе кровопусканіе препятствуетъ испаренію дурныхъ мокротъ; ежели только крови не слишкомъ много.

На противъ того рвотное, принятое съ начала болѣзней сихъ всякаго рода, даже и заразительныхъ, часто бываетъ вѣрное и необходимое средство: и опасно не употреблять

оннаго; особливо въ разсужденіи молодыхъ людей, или когда болѣзнь приключилася отъ внѣшней заразы, которая нападаетъ на желудокъ, и причиняетъ въономъ вредъ.

Продолженіе впредь.

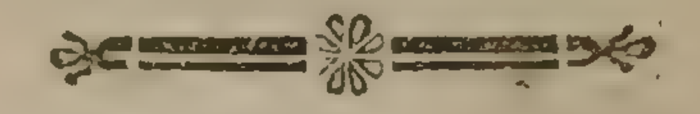
ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЯ ПОЛЕЗНЫЯ ПРЕДПИСАНІЯ, ВООБЩЕ ДО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА КАСАЮЩІЯСЯ.

КАКЪ МЫТЬ ВСЯКІЯ СИЦЫ.

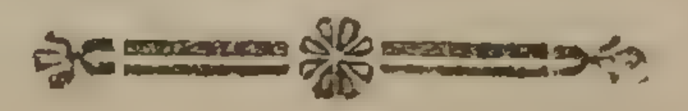
Должно сперьва сицъ на четверть часа положить въ холодную воду. Потомъ два раза намыливать его теплою водою; сіе надлежитъ учинить слѣдующимъ образомъ: изрѣжь мыло на мелинькіе кусочки, брось ихъ въ теплую воду, и сбѣй чѣмъ нибудь, чтобъ мыло хорошенько распустилось. Когда сицъ два раза будетъ намыленъ въ такой водѣ, то выполощи его въ холодной водѣ, потомъ подсуши на подобіе бѣлья; и когда высохнетъ, то накрахмаль такимъ образомъ: подмѣшай въ крахмалъ полдрахмы или не много поменше полузолотника адраганту толченаго, на-

крахмаль сицЪ съ изнанки, и старайся ровнѣе размазать крахмалЪ рукою. Когда сицЪ высохнетЪ, то вылощи его стекломЪ. Естьли желаешЪ, чтобЪ сицЪ былЪ совершенно бѣлЪ и чистЪ; то по выполосканіи онаго, какЪ выше сказано, надлежитЪ на нѣсколько часовЪ разослать на травѣ вЪ тѣни (ибо Солнце съѣдаетЪ краски). Надобно такЪ же беречься, чтобЪ не надмѣру долго оставлять его вЪ теплой водѣ; по тому, что отЪ того краски могутЪ нѣсколько полинять.

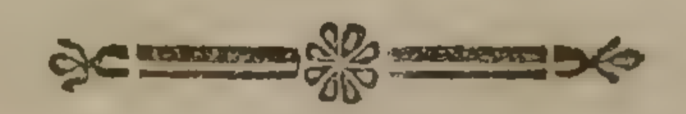
СПОСОБЪ ВЫВОДИТЬ ИЗЪ БѢЛАГО СУКНА ПЯТНА.

Возми четыре унціи толченыхЪ квасцовЪ, вскипети ихЪ вЪ бутылкѣ простой воды, пока три четверти укипитЪ, подбавь кЪ тому унцію мѣлко истолченныхЪ квасцовЪ, и скобленаго мыла. Оставь на двое сутокЪ настаиваться; и потомЪ употребляй.

КАКЪ ВЫВОДИТЬ ПЯТНА ИЗЪ СУКНА, КАКОГО БЫ ОНО ЦВѢТА НИБЫЛО.

Возми съ Грецкой орѣхъ величиною квасцовъ, смѣшай сей порошокъ съ полуфунтомъ сыраго меда, и съ однимъ свѣжимъ яичнымъ желткомъ. Положи нѣсколько сего состава на пятно, и чрезъ нѣсколько времени потомъ смой чистою водою. Сіе съ равномѣрнымъ успѣхомъ можно употреблять и надъ шелковыми матеріями.

КАКЪ ДѢЛАТЬ ЗАМШУ ИЗЪ КОЗЬИХЪ И ПРОЧИХЪ КОЖЪ.

Надлежитъ кожи положить на сутки или на двои мокнуть въ водѣ; потомъ какъ можно чище ихъ выполоскать. Послѣ того положи въ чанъ извести съ водою; наблюдая, чтобъ на всякое ведро воды класть по четыре фунта извести: когда вода про-

стынетъ, то смѣшай горздо известь съ водою, и клади кожи по одной, и оставь такъ на трое сутокъ; въ третьи сутки вынь кожи изъ чана, и дай имъ стечь, поставя подъ нихъ какую нибудь посуду, дабы сберечь вытекающую изъ нихъ воду, для смѣшанія оной въ чану съ другою. Когда кожи хорошенько стекутъ, то положи ихъ опять по прежнему мокнуть на пять или на шесть дней, или до того времени, пока шерсть удобно будетъ отставать.

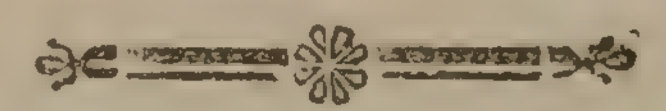
Тогда разославъ кожи на подставку, ножевымъ обухомъ щищай съ нихъ шерсть; потомъ зболтавъ еще извести съ водою, положи въ нихъ кожи на трое сутокъ: послѣ чего вынь ихъ оттуда за уши и за ноги, и повѣсь такимъ же образомъ; стряхнувъ ихъ хорошенько, выполощи въ свѣжей водѣ, потомъ разославъ ихъ по прежнему, соскобли остальную шерсть говяжьею костью, дабы ножевымъ обухомъ какъ нибудь не разо-

драть кожу. Учинивъ сіе, держи въ запасѣ другой чанъ, въ которомъ разболтай пшеничныхъ отрубей съ известковою водою, вытекшею изъ кожь; и сдѣлай такъ, чтобъ сія смѣсь имѣла въ себѣ нѣкоторую густоту. Положи кожи въ сей чанъ, и оставь въ ономъ на сутки; потомъ вынувъ, дай имъ стечь, и выполощи много разъ въ вытекшей изъ нихъ водѣ. Потомъ изомни ихъ ногами, и размягчи; наблюдая, чтобъ при всякомъ разѣ полоскать ихъ въ чистой водѣ, которую должно изъ нихъ выжимать: и такъ продолжать до тѣхъ поръ, пока выжимаемая изъ нихъ вода будетъ чиста. Потомъ налѣй воды въ котелъ столько, сколько потребно будетъ, чтобъ кожи оною покрылись; сію воду надлежитъ свѣсить, и на каждый фунтъ оной положить восемь золотниковъ простой соли, и двѣ унціи квасцовъ; воду сію разогрѣй, дабы соль и квасцы въ ней распустились; послѣ чего снявъ ее съ огня,

и когда она сдѣлается только не много тепла, то влѣй ее въ чанъ, и растели кожи одна по одной, чтобъ дать имъ мокнуть въ немъ сутки; послѣ чего вынь ихъ изъ чана, и дай высохнуть въ тѣни, естьли то лѣтомъ, а зимою на Солнцѣ. Когда онѣ до половины просохнутъ, то вытягивай ихъ со всѣхъ концовъ, дабы онѣ хорошенько растенулись; потомъ возми воды, вытекшей изъ нихъ во время просушиванія, свѣсь оную, и на каждой фунтъ прибавя по унціи посного масла; разогрѣй сей составъ, и немедленно снявъ его съ огня, разведи въ немъ величиною съ Грецкой орѣхъ дрождей, на каждой фунтъ воды, съ такимъ же количествомъ или не много поболѣе крупичатой муки, такимъ образомъ, чтобъ сія смѣсь была такъ густа, какъ самой жидкой кисель. Оставь ее такимъ образомъ съ часъ времени постоять: потомъ влѣй туды остальную воду нѣсколько тепловатую; и на каждой

фунтъ воды прибавь по четыре золотника муки и по яицу. Изомни хорошенько кожи въ семъ составѣ, и дабы онѣ лучше онымъ напиталися, то оставь ихъ такъ на двое сутокъ.

Послѣ сего времени вынь ихъ, и разославъ, какъ выше сказано, дай имъ хорошенько высохнуть; когда онѣ сдѣлаются совсѣмъ сухи, то наливъ въ чанъ чистой воды, и намочивъ въ ней, вымой хорошенько. Потомъ разославъ на мокромъ столѣ, изомни гораздо, и растяни ихъ еще на часъ времени; потомъ вытри хорошенько, и постарайся, какъ можно, посредствомъ мятья, учинить ихъ мягкими. Симъ образомъ поступя, получишъ совершенную замшу.

О ДѢЛАНІИ РАЗНЫХЪ ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ ВИНЪ.

Вино для страждущихъ удушьемъ.

Возми двѣ добрыя горсти крапивы,

налѣй на нее два галенка бѣлаго вина, и кипети, пока половина только останется. Потомъ процеди сквозь холстину, и пей по рюмкѣ по утрамъ натощакъ. Сіе лѣкарство прохлаждаетъ кровь, и умѣряетъ остроту мокроты, на легкое упадающей.

Вино петрушечьное.

Завяжи девять унцій петрушечьнаго сѣмя, самаго свѣжаго и спѣлаго, въ узелъ изъ рѣдкой холстины, и опусти въ бочку, наполненную бѣлымъ молодымъ виномъ.

Сіе вино укрѣпляетъ желудокъ, изгоняетъ вѣтры, въ немъ находящіеся, и кои часто приключаютъ тошноту. Оно возбуждаетъ позывъ на пищу, очищаетъ грудь, гонитъ мочу и производитъ спокойный сонъ.

Вино шалфейное.

Какимъ бы образомъ не было сдѣлано шалфейное вино, вскипетивъ ли сію траву съ виномъ, или опус-

тиръ въ оное узелъ такъ, какъ выше сказано о петрушечьномъ винѣ, но дѣйствія его будутъ всегда одинаковы. Оно весьма полезно въ такомъ случаѣ, естьли у кого десны ослабѣютъ, болятъ зубы и трясутся, отъ нервяныхъ болѣзней, какъ то: отъ разслабленія, отъ судороги, трясенія и проч. Оно укрѣпляетъ нервы, кто его пьетъ, или теплымъ онымъ трется. Оно также помогаетъ отъ падучей болѣзни, когда оная отъ засоренія желудка произходитъ; сіе вино полезно весьма отъ боли въ почкахъ и въ пузырѣ, отъ кровохарканія, отъ кашля, отъ судорогъ и отъ остановленія мѣсячныхъ кровей.

Вино анисовое.

Положи въ бочку вина девять унцій аниснаго сѣмя, завязавъ оное въ узелъ изъ рѣдкой холстины. Надлежитъ, чтобъ сѣмя было свѣжее и спѣлое. Сіе вино излѣчаетъ отъ заваловъ, изгоняетъ вѣтры, утоляетъ

кислую отрыжку, испражняетъ желудокъ, возбуждаетъ апетитъ, утоляетъ желудочную боль, и излѣчаетъ отъ жесточайшей колики. Но наипаче служитъ оно къ умноженію женщинамъ въ грудяхъ молока, естьли онѣ нѣсколько дней сряду станутъ употреблять сіе вино съ сахаромъ. Оно утоляетъ боль въ поясницѣ и прочія почечныя болѣзни, происходящія отъ вѣтровъ; изгоняетъ песокъ посредствомъ мочи.

Вино розовое.

Положи въ виноградное вино листьевъ красныхъ дикихъ розовъ сушеныхъ, смѣшавъ ихъ съ одною долею аниса и меда, и не много шафрана.

Сіе вино хорошо для желудка, и отъ нарывовъ внутри.

Можно сдѣлать оное гораздо скорѣе, хотя оно и не столь дѣйствительно будетъ: стоитъ только въ извѣстное количество вина влить столько розовой воды, чтобъ вино

получило отъ того духъ и вкусъ розовой, не потерявъ и своего собственнаго.

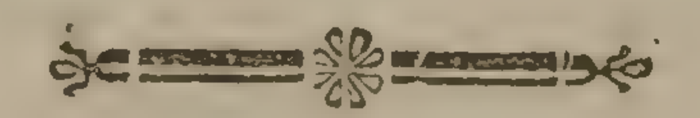
Вообще розовое вино полезно для утоленія сильнаго внутренняго жара, для подкрѣпленія тѣлесныхъ силъ, когда оныя уменшаются, для унятія поноса, исправленія ослабѣвшаго и даже весьма испорченнаго желудка, для остановленія надмѣру изобильнаго пота, и предохраненія отъ всякой гнилости и заразы. Оно излѣчаетъ отъ кроваваго поноса, отъ тошноты, рвоты, обмороковъ: и часто въ него подмѣшиваютъ дождевую воду, погасивъ въ оной раскаленное желѣзо. Кто полощетъ онымъ ротъ, то оно укрѣпляетъ десны и зубы, и дѣлаетъ пріятный изъ роту духъ. У кого зрѣніе слабо, то весьма хорошо симъ виномъ промывать глаза.

Вино укропное.

Возми девять унцій укропнаго свѣжаго и спѣлаго сѣмя, завяжи въ

рѣдкую холстину, и опусти въ молодое виноградное вино.

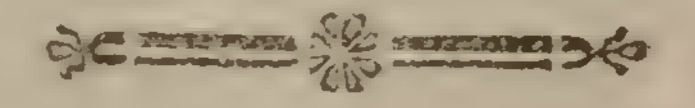
Сіе вино возбуждаетъ апетитъ, утоляетъ боль въ желудкѣ, гонитъ мочу, и дыханіе учиняетъ свободнѣйшимъ.

СПОСОБЪ, ЧТОБЪ ВИНО НЕ ПАХЛО ПЛЕСЕНЬЮ.

1. Возми кусокъ стали, раскали ее въ огнѣ, и раскаленную брось въ бочку; то вино чрезъ дватцать четыре часа опять придетъ въ прежнее состояніе.

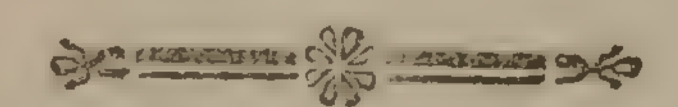
2. Скатай родъ палки изъ пшеничнаго тѣста, и испеки оную до половины въ печи; потомъ натыкай въ нее гвоздики, положи опять въ печь, и допеки совсемъ: повѣсь послѣ ее въ бочку, такъ, чтобъ до вина она не касалася.

СПОСОБЪ, ЧТОБЪ ВИНО ИЛИ ВСЯКОЙ ИНОЙ НАПИТОКЪ НЕ ПОРТИЛСЯ КАКЪ НА МОРѢ ТАКЪ И НА ЗЕМЛѢ.

Возми двѣ унціи салсепарели, свяжи се и повѣсь въ вино, которое никогда не испортится, и сверьхъ того получитъ еще врачебное свойство.

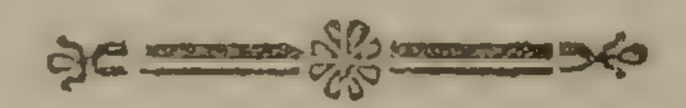
Или возми въ мѣльчайшій порошокъ истолченныхъ квасцовъ, смѣшай оныя съ яичными бѣлками, такъ, чтобъ не было кусковъ. Потомъ положи сію смѣсь въ бочку, и мѣшай сильнѣе палкою, расколотою на трое или на четверо; нужды нѣтъ, что дрожди смѣшаются. Послѣ сего должно заткнуть бочку слегка, а чрезъ три дни закупорить по обыкновенію.

СПОСОБЪ СДѢЛАТЬ ХОРОШІЙ УКСУСЪ ВЪ ЧАСЪ ВРЕМЕНИ.

Разведи ячной муки на крѣпкомъ уксусѣ, замѣси изъ того лѣпешку, и

испеки ее въ печи. Когда она поспѣетъ, то истолки въ порошокъ, разведи опять на уксусѣ, и замѣси опять лѣпешку, которую по прежнему испеки въ печи. Сдѣлай то же самое и въ третій разъ: и когда лѣпешка такъ поспѣетъ, то положи ее въ боченокъ винограднаго вина, которое начинаетъ уже окисать.

КАКЪ ДѢЛАТЬ УКСУСЪ ЧЕТЫРЕХЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

Возми свѣжихъ верьхушекъ малой и большой полыни, розмарина, шалфѣю, мяты и руты, каждаго по полуторы унціи, двѣ унціи сухихъ лавандовыхъ цвѣтовъ, чесноку, корицы, гвоздики, мушкатнаго орѣха, каждаго по двѣ драхмы, и восемь фунтовъ хорошаго уксуса. Наливъ оной въ бутыль на всѣ помянутые припасы, заткни плотнѣе, и поставь на двенатцать дней на Солнце или въ горячій песокъ;

потомъ процѣди уксусъ, выжимая крѣпко травы и проч. Послѣ сего пропусти сквозь хлопчатую бумагу, и подбавь полъунціи виннаго камфарнаго спирта.

ДОСТОВѢРНЫЕ ПРИЗНАКИ ДОЖДЯ.

По Солнцу.

Въ лѣтнѣе время признаки дождя предвѣщаютъ небольшую только сырость воздуха: по тому, что жаръ и сухость суть господствующія свойства сего времени.

Солнце предвѣщаетъ дождь, когда при восхожденіи покрыто оно облакомъ, или будто пятнами, или когда половина его круга отъ насъ скрывается, или когда при восхожденіи многіе лучи его проницаютъ сквозь покрывающія его облака.

2. Когда Солнце при восхожде-

ніи своемъ бываетъ красно; то будетъ дождь.

3. Когда Солнце восходящее кажется разноцвѣтно; то сіе такъ же есть знакъ дождя.

4. Всякой разъ, какъ Солнце при восхожденіи бываетъ окружено совсемъ, или частію, синеватымъ кругомъ; то можно сказать, что дождь скоро будетъ.

5. Естьли восходящее Солнце красно и кажется широко, и естьли вскорѣ послѣ того начнутъ собираться облака; то дождь не замедлитъ: и чѣмъ воздухъ тогда бываетъ жарчае, тѣмъ скорѣе пойдетъ дождь.

6. Красныя облака, окружающія иногда Солнце при восхожденіи, предзнаменуютъ дождь на другой день.

7. Когда Солнце кажется во весь день блѣдно, или кажется мало и кругло какъ шаръ; то сіе предзнаменуетъ дождь и громъ.

8. Какъ скоро увидятъ около Солнца темные круги; то сіе знакъ дождя.

9. Должно равномѣрно ожидать дождя, естьли Солнце въ продолженіе дня кажется тускло, а садится въ черное облако.

10. Когда Солнце садяся, бросаетъ длинные лучи къ землѣ; то ожидай на завтра дождя.

11. Естьли Солнце садяся окружено бываетъ желтымъ или красноватымъ облакомъ; то сіе есть признакомъ дождя.

12. Когда Солнце при восхожденіи своемъ грѣетъ болѣе обыкновеннаго; то можно навѣрное сказать, что дождь не задлитъ. Оно то же дѣйствіе производитъ, когда при захожденіи такъ же сильно печетъ; и часто днемъ, когда лучи онаго надмѣру горячи.

Признаки по Лунѣ.

1. Когда Лунные рога темны; то сіе служитъ знакомъ продолжительнаго дождя.

2. Естьли Луна при восхожде-

нїи своемъ, особливо въ третїй день по новомѣсячїи, или при началѣ первой четверти, покажется темною, тусклою, блѣдною, синеватою, или зеленоватою; то будетъ дождь.

3. Когда полная Луна окружена чѣмъ либо постороннимъ; то надлежитъ ждать дождя.

4. Мы видимъ иногда Луну, окруженную двумя или тремя кругами. Когда сїи круги черны или темны, и при томъ сїя планета не ясна; то сїе знакъ дождя.

5. Примѣчаютъ, что естьли во время новомѣсячїя соберутся облака; то обыкновенно будетъ ненастье.

6. Случается иногда, что около четвертаго дня по новомѣсячїи Луны еще не видно; то можно безъ сомнѣнїя сказать, что будетъ дождь.

7. Говорятъ, что естьли вскорѣ по новомѣсячїи Лунные рога бываютъ темны, но при томъ верьхнїй темнѣе нижняго; то при ущербѣ мѣсяца будетъ дождь; естьли же нижнїй

рогъ темнѣе верьхняго; то въ перьвую же четверть будетъ дождь.

Къ сему еще прибавляютъ, что ежели Луна, будучи въ перьвой четверти, покажется въ срединѣ темна; то будетъ дождь въ полнолуніе.

8. Естьли полумѣсяцъ наклоняется къ Западу; то будетъ дождь.

О признакахъ дождя по Неподвижнымъ звѣздамъ.

Когда сіи звѣзды кажутся больше обыкновенной своей величины; то сіе есть знакъ дождя; равно какъ и тогда, ежели онѣ покажутся туманны и тусклы, хотя небо и безоблачно.

По воздуху.

Одинъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ дождя по воздуху есть тотъ, когда воздухъ бываетъ теплѣе, нежели время того требуетъ; а особливо естьли онъ при томъ и тяжелъ.

2. Когда увидятъ бѣлыя облака, несущіяся къ Востоку; то знакъ дождя.

3. Естьли соберется на Западѣ къ вечеру множество небольшихъ облаковъ; то на другой день будетъ дождь.

4. Естьли ввечеру покажутся облака на подобіе горъ и прочаго; то можно ожидать большаго дождя и грома.

5. Естьли послѣ великой засухи покажется радуга; то предвѣщаетъ много дождя.

6. Когда радуга на Востокѣ покажется весьма яркою; то послѣ того обыкновенно бываетъ много дождя.

7. Черныя и густыя облака, кои долго бываютъ на горизонтѣ безъ дождя, и Солнце иногда изъ заннхъ показывается, предвѣщаютъ краткое ведро, послѣ коего вскорѣ будетъ дождь. Хотя въ такое время и пойдетъ небольшой дождь; но для сего не должно прерывать полевыхъ ра-

ботъ: ибо безъ сомнѣнія будетъ хорошая погода прежде изобильнаго дождя.

8. Естьли на Западѣ поутру покажутся облака, и не разойдутся по мѣрѣ восхожденія Солнца на горизонтѣ; то будетъ дождь.

9. Постоянный Полуденный или Западный вѣтръ наноситъ дождь.

10. Естьли послѣ дождя подымется пронзительный и холодный вѣтръ; то дождь опять пойдетъ еще сильнѣе прежняго.

11. Естьли колокольный звонъ громчае и далѣе обыкновеннаго слышится; то предвѣщаетъ дождь.

12. Ежели соль отсырѣетъ, нужники болѣе обыкновеннаго воняютъ, естьли марморъ отсырѣетъ, естьли сосновое дерево разбухнетъ, трилистникъ какъ сдѣлается прямъ и стволъ его станетъ толще и крѣпче обыкновеннаго; то сіе также служитъ признаками дождя.

По огню.

1. Когда огонь покажется синеватъ; то знакъ дождя.

2. Когда онъ самъ собою раздувается; то также предвѣщаетъ дождь.

3. Когда уголья трещатъ и бросаются искры; то знакъ дождя.

4. Когда дымъ поднимается не прямо; то также будетъ дождь.

5. Многіе замѣтили, что когда горшокъ варится на огнѣ, и къ нему съ исподи пристанутъ уголья; то будетъ дождь.

6. Естьли свѣтильна въ лампадѣ или свѣчѣ не скоро загарается и трещитъ, или когда дымъ въ разныя стороны расходится и не прямо подымается; то можно навѣрно ожидать ненастья.

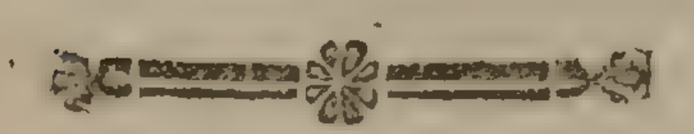
По тѣлу человѣческому.

Часто случается, что человѣка клонитъ сонъ, и онъ чувствуетъ чрезвычайную усталость; то сей ус-

талости и охоты къ сну нѣтъ никакой иной причины, кромѣ тягости воздуха: естьли кто сіе почувствуетъ; то можетъ навѣрное сказать, что будетъ дождь.

2. Боль въ составахъ, ломъ въ изломленныхъ прежде членахъ, боль въ мозоляхъ на ногахъ, и всякія иныя немощи, коимъ тѣло было прежде уже подвержено, суть достовѣрныя знаки ненастья.

Окончаніе будетъ впредь.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ, ПРОДОЛЖЕНІЕ О КУШАНЬЯХЪ.

I.
УТКА СЪ РѢПОЮ.

Возми утку, опали, выпотроши, и вложи ноги во внутрь. Когда она хорошо вычищена будетъ; то положи небольшой кусочекъ масла въ кастрюльку и ложку муки, поджарь масло гораздо румянѣе, и размочи бульономъ; потомъ положи туда утку съ пучкомъ мѣлкихъ травъ, солью и цѣльнымъ перцомъ; послѣ сего возми рѣпы, порядочно нарѣзанной, которую и свари съ уткою; естьли рѣпа будетъ тверда, то клади ее въ одно время съ уткою; естьлижъ мягка, то положи ее когда уже утка до половины сварится. Когдажъ твой рагу поспѣетъ, и жиръ снятъ съ него будетъ; то влѣй не много уксусу и подавай съ немногимъ соусомъ.

2.
КОЛБАСЫ ИЗЪ ГУСИНЫХЪ КИШОКЪ.

Возми свинаго мяса, искроши очень мѣлко, подлѣй не много ренскаго уксусу, положи кардамону, мушкату, перцу, начини оныя кишки, которыя можно хранить нѣсколько недѣль въ ренскомъ уксусѣ.

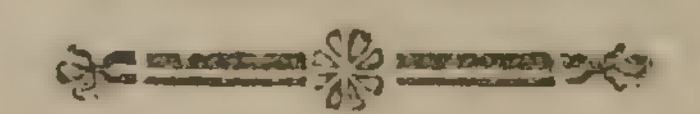
3.
РЯБЧИКИ.

Вели рябчиковъ четырехъ изжарить, потомъ обрѣзать у оныхъ бѣлое мясо въ кусочки, и положить въ соусникъ прежде свѣжаго Чухонскаго масла полфунта, и распустить; въ оное масло влить бѣлаго вина стаканъ, и выдавить два лимона; потомъ въ сей соусъ положить нѣсколько рябчиковъ, и дать довольно кипѣть накрывши.

4.

СОУСЪ, СЛУЖАЩІЙ ДЛЯ ДИЧИНЫ И ДВОРНЫХЪ ПТИЦЪ.

Влѣй въ кастрюльку стаканъ бѣлаго вина, положи половину лимона, изрѣзаннаго въ ломтики, не много терпой лимонной корки, двѣ столовыя ложки Прованскаго масла, пучокъ петрушки, цибули, двѣ головки гвоздики, двѣ головки чесноку, не много естрагону, не много хорошаго бульону, соли и цѣльнаго перцу; вари все вмѣстѣ на маленькомъ огнѣ четверть часа, потомъ сними жиръ и процѣди свой соусъ сквозь сито, употребляй его съ чемъ захочешь, съ дичью ли, или съ дворными птицами.

5.

КАКЪ ЗАГОТОВЛЯТЬ ВЪ ПРОКЪ КЕРВЕЛЬ, ЩАВЕЛЬ, БУ. ЧКИ И ПРОЧІЯ ТРАВЫ.

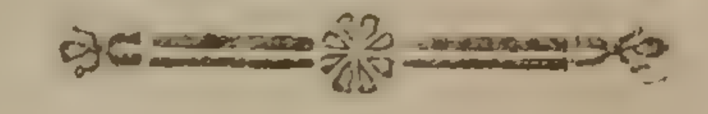
Возми бураковъ, кервелю щавелю, портулаку огурцовъ, и естьли будетъ, петрушки и цибули, положи всѣхъ сихъ травъ по пропорціи, вычиставши ихъ и нѣсколько разъ вымывши, дай имъ скапать, потомъ изкроши ихъ, и выжми хорошенько изъ нихъ воду; возми кастрюльку, въ которую бы вложились всѣ сіи травы, положи туда хорошій кусокъ масла, а сверьху травы положи столько соли, сколько нужно, чтобъ травы твои просолились, вари ихъ на маленькомъ огнѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ хорошенько сварятся, и какъ не останется уже ничего воды; а когда онѣ нѣсколько простынутъ, то положи ихъ въ опредѣленные для нихъ горшки. Чѣмъ меньше будешь ихъ употреблять, тѣмъ горшки должны быть менѣе; ибо когда однажды ихъ начнешь, то сіи травы не болѣе, какъ чрезъ три недѣли попортятся; когдажъ травы совершенно простынутъ въ горшкѣ, то возми масла, растопи,

и давъ ему нѣсколько простынуть, полѣй имъ травы; когда масло хорошенько осядетъ, то покрой горшки бумагою, и поставь ихъ въ мѣсто не весьма сырое, и не слишкомъ сухое; и такимъ образомъ сохраняются сіи травы чрезъ всю зиму. Самое удобнѣйшее время для заготовленія такимъ образомъ травъ есть въ концѣ лѣта.

6.

КАКЪ ВАРИТЬ ТЫКВУ ВЪ УКСУСѢ, ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ СЪ ЖАРКИМЪ.

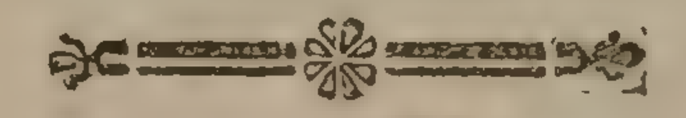
Нарѣзать тыкву кругленькими кусочками, и натыкавши пряными кореньями, положить въ уксусъ, и варить съ солью; а какъ поспѣетъ, то простудивши, вылить въ банку, и залить Прованскимъ масломъ; потомъ закупоривши и засмоливши, поставить въ песокъ. — Цвѣтная капуста въ уксусѣ варится такимъ же образомъ.

7.

КАКЪ ДѢЛАТЬ ОТМѢННЫЕ МАЛОСОЛЫЕ ОГУРЦЫ.

Взять большую тыкву, и вырѣзать въ ней кружокъ вверьху, чтобъ можно было положить въ нее огурцы; потомъ положить въ нее рядъ огурцовъ, а другой рядъ черной смородины листу, нѣсколько укропу, вишневаго листу; и какъ всю тыкву наполнишь огурцами, то влѣй въ нее обыкновеннаго разсолу, закрой срѣзанною верхушкою, замашь тѣстомъ и повѣсь тыкву въ погребѣ.

8.

КАКЪ СВѢЖІЕ ГРИБЫ ВЪ ПРОКЪ ЗАГОТОВЛЯТЬ.

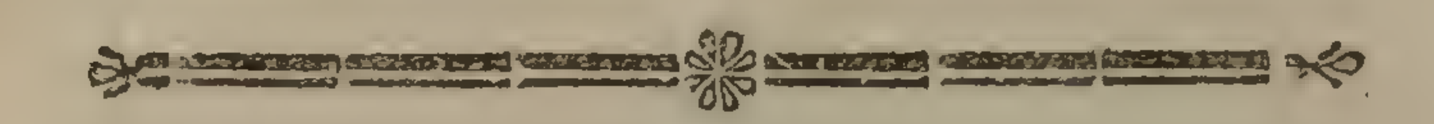
Возми какихъ пожелаешь грибовъ, отбери, которые изъ нихъ помоложе и тверже, перечисти хорошенько однѣ шляпки, а не перемывай; взвари ихъ

въ свѣжемъ топленомъ и нѣсколько соленомъ коровьемъ маслѣ, а вынувъ оттуда, класть въ горшокъ, и заливать чистымъ масломъ, которое бы растоплено было безъ грибовъ, класть въ горшокъ слой грибовъ и слой масла; и такимъ образомъ накласть цѣлой горшокъ: отъ сего будутъ они свѣжи во всю зиму. Такимъ же образомъ можно приготовлять грибы для постныхъ дней въ Прованскомъ или въ орѣховомъ маслѣ, и они будутъ всегда свѣжіе.

Продолженіе впредь.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

ПИСЬМО ОДНОЙ ДѢВИЦЫ КЪ АГЛИНСКОМУ ЗРИТЕЛЮ.

Г. М.

Мнѣ прошедшаго Ноября 9 числа минуло 13 лѣтъ: слѣдовательно пора уже мнѣ помышлять о вступленіи на театръ свѣта. Но я бы желала, чтобъ вы сдѣлали милость, подали мнѣ вашъ совѣтъ, какъ мнѣ поступить съ Г. Подлипаловымъ, которой съ нѣкотораго времени отъ меня не отстаетъ. Онъ ужасть какъ собою пригожъ, имѣетъ прекрасные черные глаза, и такіе бѣлые зубы, что я подобныхъ отъ роду не видывала. Хотя онъ и небогатъ; однако же одѣвается какъ знатной Господинъ, и никто такъ ловко не

умѣетъ войти въ собраніе. Я знаю; что онъ отказалъ многимъ богатымъ невѣстамъ для меня, и божится, что ни на комъ не женится, естьли меня не получитъ. Но какъ ему на прошедшей недѣлѣ вздумалось прислать ко мнѣ стихи: ибо онъ перьвый *бельеспри* въ городѣ; то мой батюшко не велѣлъ ему впередъ ходить къ намъ въ домъ. Причиною тому, говорятъ мнѣ, моя большая сестра, которая должна прежде меня вытти замужъ, и которая меня почитаетъ дѣвченкою. Сверьхъ того она такъ безстыдна, что говоритъ, будто Г. Подлипаловъ надо мною смѣется, и что онъ меня съ ума сведетъ. Но какъ бы то не было, я намѣрена за него вытти, хотя для того, чтобъ ее взбѣсить. Однако же, какъ при всемъ томъ, не хочется мнѣ сдѣлать ничего противъ благоразумія; то покорно васъ прошу, дать отвѣтъ на приложенные при семъ мои вопросы, и помѣстить ихъ въ вашихъ листахъ.

Я не сомнѣваюсь, чтобъ они не были въ мою пользу, и впредь уже увѣрена, что должно мнѣ поступать сообразно съ ними:

„Когда Г. Подлипаловъ глядитъ „на меня битой часъ не спуская „глазъ, и называетъ меня своимъ „Ангеломъ; то не ясное ли ето до„казательство, что онъ влюбленъ „въ меня смертельно?„

Отвѣтъ: Нѣтъ.

„Не должно ли мнѣ надѣяться, „что онъ всегда будетъ противъ „меня нѣженъ и великодушенъ, по „тому, что онъ обѣщалъ мнѣ дать „половину моего приданаго на булав„ки и на карету въ шесть лошадей?„

Нѣтъ.

„Не лучше ли я могу судить о „его достоинствахъ, я, которая его „почти уже цѣлой годъ знаю, не„жели отецъ мой и мать, которые „слыхали только, какъ онъ гово„ритъ за столомъ?„

Нѣтъ.

„Не въ такихъ ли я уже лѣ-

„тахъ, чтобъ избирать самой себѣ
„жениха?„

Нѣтъ.

„Не великое ли бы я сдѣлала
„невѣжество противъ его, естьлибъ
„отказала принять колечко, изъ его
„волосовъ сплѣтенное?„

Нѣтъ.

„Не самая ли была бы я безче-
„ловѣчнѣйшая тварь, естьли бы не
„чувствовала сожалѣнія къ человѣку,
„которой безпрестанно обо мнѣ
„вздыхаетъ?

Нѣтъ.

„Не присовѣтуете ли вы мнѣ
„уйти съ симъ бѣднымъ человѣкомъ?„

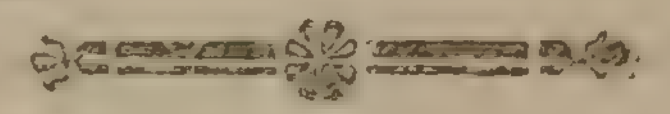
Нѣтъ.

„Недумаете ли вы, что онъ
„умретъ съ отчаянья, естьли я ево
„оставлю?

Нѣтъ.

„Что мнѣ ему сказать въ пер-
„вой разъ, какъ онъ спроситъ у меня,
„хочу ли я за него замужь?

Нѣтъ.

СЛѢДУЮЩЕЕ ПИСЬМО НЕ ИМѢЕТЪ НУЖДЫ НИ ВЪ ПРЕДИСЛОВІИ НИ ВЪ ОТВѢТѢ.

Гнъ Зритель!

Въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся нынѣ дѣла, удивляюсь я, какъ вы можете писать что нибудь кромѣ новостей. И дѣйствительно, есть ли хотя одинъ человѣкъ, которой бы о чемъ другомъ помышлялъ? Удовольствіе, пріобрѣтать новыя свѣдѣнія, и слышать ежеминутно что либо новое, весьма достойно разумной твари. У меня слухъ весьма хорошь для полученія тайны, и поелику я человѣкъ весьма обходительной, то могу вамъ оказать важные касательно сея услуги. Дабы въ ономъ успѣть, то я по утру, чъмъ свѣтъ, втираюсь въ прихожія знатныхъ господъ, или въ самыя большія толпы народа на рынкѣ, и тамъ-то ловлю я новости еще горяченькія. То подслушиваю подъ окнами, и изъ

смѣшанныхъ доходящихъ до меня звуковъ, составляю связныя новости, хотя то и великаго труда мнѣ стоитъ; а чего не дослышу, то дополняю изъ своей головы. Иногда же, уставши стоять на ногахъ, хожу я въ одинъ сосѣдственной шинокъ, гдѣ просиживаю по цѣлому дню, и гдѣ имѣю ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, такъ сказать, *смаковать* свѣженькія новости. Однимъ словомъ, не щажу я ни трудовъ, ни стараній, чтобъ узнать, въ какомъ положеніи находится свѣтъ. Новость весьма много теряетъ своего вкуса и запаха, когда хотя часъ на вѣтру пробудетъ. Я люблю, такъ сказать, срывать ее съ вѣточки, и подносить моимъ пріятелямъ прежде, нежели она завянетъ. Но за то дорого мнѣ это и стоитъ; ибо я разорился почти нанимая карету и лошадей. Вы повѣрите тому Г. м. что я во весь опоръ скачу изъ одного кафейнаго дома въ другой, и что всегда двумя часами

опереживаю вечерніе Газеты. Есть нѣкоторой Господинъ, которой у меня раза два изъ подъ носу вырывалъ новости, и предупреждалъ меня. Но теперь я въ состояніи отплатить ему за то съ лихвою. Да будетъ вамъ извѣстно, что я купилъ на сихъ дняхъ пару лучшихъ каретныхъ лошадей, какихъ только можно достать за деньги. И пускай ко онъ впередъ попытается меня предупредить и обскакать. Еще разъ говорю я вамъ, Г. Зритель, разсказывайте намъ новости, а я вамъ въ томъ беруся помогать. Но не прогнѣвайтесь, я не имѣю больше времени продолжать: ибо мнѣ надобно написать болѣе дватцати писемъ. Я есмь съ великою поспѣшностію

Вашъ покорный слуга

Фома Площадотопталовъ.

Не давно получилъ я слѣдующее письмо, которое, можетъ быть, не непріятно Читателямъ, одареннымъ чувствительною душею.

Г. Зритель!

На прошедшей недѣлѣ одинъ изъ пріятелей моихъ умеръ горячкою, которую получилъ онъ отъ простуды, прогуливаясь въ деревнѣ по холодной росѣ. Я долженъ васъ увѣдомить, что онъ весьма любилъ земледѣліе и садородство, и почиталъ то пріятнѣйшимъ своимъ упражненіемъ. Онъ имѣлъ однако же нѣкоторыя странности, кои, казалося, не сообразны были съ здравымъ его, во всемъ прочемъ, разсудкомъ. Хотя онъ былъ весьма вѣжливъ и хорошо воспитанъ, но не могъ преодолѣть себя, чтобъ не показать нѣкотораго смятенія въ бесѣдѣ съ женщинами; стараніе же, съ каковымъ убѣгалъ онъ нѣкоторой въ саду его дороги, наиболѣе прежде имъ учащаемой, подало поводъ къ

разнымъ толкамъ и неосновательнымъ догадкамъ въ той деревнѣ, гдѣ онъ имѣлъ жительство. Когда же по смерти его, стали мы разбирать его бумаги, то узнали тому причину, которой онъ никогда не ввѣрилъ лучшимъ своимъ друзьямъ. Онъ въ молодости своей былъ страстно влюбленъ, какъ-то можно видѣть изъ множества оставленныхъ имъ писемъ. Я посылаю вамъ копію съ послѣдняго такого письма; и вы увидите, что онъ воономъ скрываетъ имя своей любовницы, называя ее Зелиндою.

„Продолжительная разлука цѣлаго мѣсяца была бы мнѣ несносна, естьли бы упражненіе мое, для Зелинды предпріятое, не напоминало мнѣ ее ежеминутно. Я убралъ домъ по твоему вкусу, или лучше сказать, по моему собственному; поелику давно уже мнѣ нравится то, что тебѣ пріятно. Комнаты, назначенныя для тебя, совершенно подобны тѣмъ, въ которыхъ ты те-

„перь живешь; я самъ, вошедъ въ „нихъ, забываюсь, и думаю, что во„шелъ къ тебѣ; но вздыхаю горестно, не находя тамъ той, которая „обитать въ нихъ будетъ. Изъ ок„на твоего кабинета ты будешъ и„мѣть самый пріятный видъ во всей „Англіи. По крайней мѣрѣ, я бы почиталъ его таковымъ, естьли бы пространство и разнообразность сей живой картины не приводили мнѣ на „мысль разстоянія между нами, те„перь находящагося.

„Сады прекрасны, по всѣмъ угламъ подѣланы бесѣдки; я сдѣлалъ „изъ нихъ небольшой рай земной; „но подобно первому человѣку въ „его прелестномъ уединеніи, я не „могу быть счастливъ безъ милой „подруги, съ которою бы могъ я „дѣлить мое блаженство. Я велѣлъ „сдѣлать алею для двухъ только „человѣкъ, въ которой ласкаю я се„бя вкусить тьму удовольствій, на„слаждаясь несравненными твоими раз-

„говорами. Я уже въ ней каждой вечеръ прохаживаюсь, и сдѣлалъ небольшую тропинку близь той, по которой я хожу, въ тѣхъ сладостныхъ мысляхъ, что и ты со мною ходила. Я многократно разговаривалъ съ тобою въ семъ уединенiи, гдѣ утомясь отъ гулянья, сѣли мы съ тобою въ ясминной бесѣдкѣ. Радостные восторги, въ которые прихожу я отъ сихъ мнимыхъ разговоровъ, съ нѣкотораго времени учинили меня предметомъ разговоровъ всей деревни.

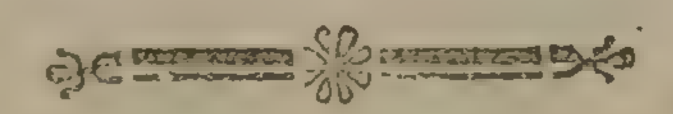
„Что касается до плодовитыхъ деревьевъ, то я не забылъ любимыхъ твоихъ персиковъ. Я велѣлъ насажать вязовой прешпективъ по берегу рѣки, и велѣлъ посѣять тамъ незабудковъ, надѣясь, что они тебѣ столько же удовольствiя принесутъ, какъ и тѣ, коими ты такъ много утѣшалась въ деревнѣ твоего батюшки; о чемъ я отъ тебя много разъ слыхалъ.

„О! Золинда, какое начертаніе „блаженной жизни учинилъ я въ моемъ воображеніи! Какимъ пріятнымъ снамъ предаюсь я во время „бодрствованія! — Когда сіи шесть „недѣль, находящіяся между мною и „счастіемъ, коимъ я ласкаю себя, „протекутъ?„

„Какъ могла ты прервать столь „поспѣшно послѣднѣе твое ко мнѣ письмо? И сказать мнѣ, что тебѣ пора одѣваться ѣхать въ комедію? О естьли бы ты подобно мнѣ любила, „то не болѣе бы нашла собесѣдованія въ безчисленной толпѣ, сколько „я нахожу въ моемъ уединеніи. Я „есмь и проч.„

На оборотѣ сего письма покойникъ написалъ слѣдующее произшествіе: „Дожидавшись цѣлую недѣлю „отвѣта на сіе письмо, поскакалъ я „въ городъ, гдѣ узналъ, что моя „вѣроломная вышла за моего соперника. Я постараюсь снести сіе несчастіе, какъ благоразумному чело-

„вѣку прилично, и постараюсь быть „счастливымъ въ семъ уединеніи, ко„торое украсилъ было я съ такимъ „раченіемъ, для вѣроломной и небла„годарной.„

СВОЙСТВА ДВУХЪ НЕМИЛОСЕРДЫХЪ ГОВОРУНОВЪ, И ОДНОГО СКРОМНАГО УЧЕНАГО МУЖА.

Одно изъ пріятнѣйшихъ упражненій умнаго человѣка состоитъ въ томъ; чтобъ размышлять о всемъ, что говорится въ бесѣдахъ, о всѣхъ нелѣпостяхъ тамъ разсказываемыхъ, и о странныхъ обычаяхъ нѣкоторыхъ людей, относительно къ сему. Сіе-то заставляетъ меня учащать нѣкоторыя небольшія бесѣды, въ коихъ каждой членъ мнѣ особливо нравится. Я часто вкушаю тамъ несравненное удовольствіе, наблюдая совершенной *неутралитетъ*, и выбирая ессенцію изъ рѣчей каждаго, составляю послѣ изъ

оныхъ связной разговоръ. Для сего я написалъ лице каждаго, подобно, какъ дѣлаютъ Актеры въ театральныхъ піессахъ; каждому оставляю я его мысли, и даже собственныя его изрѣченія, и по сему я гораздо удобнѣе могу разсудить, къ какому обществу каждой изъ нихъ можетъ быть способенъ.

Дабы позабавить Читателей наблюденіями моими сего рода, опишу я имъ трехъ Господъ, съ коими случилось мнѣ недавно быть вмѣстѣ. Они всѣ трое стараются показаться учеными во всѣхъ частяхъ; и хотя всѣ трое стремятся къ одной цѣли, но каждой изъ нихъ избралъ особливую дорогу къ достиженію оной, смотря по склонностямъ каждаго.

Первый есть Г. *Метафоринъ*, которой хотя не много говоритъ, но совсемъ тѣмъ наскажетъ много лишняго, когда почти и ничего не скажетъ. Ибо какъ скоро онъ раскроетъ ротъ, то непремѣнно должно

ожидать какого либо округленнаго періода, или нравоучительнаго предписанія весьма малосмысленнаго, но за то изобилующаго тропами, фигурами, надутыми и несвойственными изрѣченіями. Кажется, что сей человѣкЪ весь состоитЪ изЪ ушей, и что только и утѣшается произношеніемЪ звучныхЪ словЪ. ОнЪ подобенЪ тѣмЪ скрыпачамЪ, кои играютЪ по харчевнямЪ, и восхищаются слушаніемЪ ушеобдирательныхЪ тоновЪ проклятаго своего смычка; ни мало не меньше, какЪ бы восхищался искусный и нѣжнымЪ слухомЪ снабденный знатокЪ, при слышаніи очаровательныхЪ звуковЪ неподражаемаго *жерновика*. ОнЪ не говоритЪ ничего иначе, какЪ вЪ фигурномЪ смыслѣ, и вЪ прочемЪ столь глубокЪ, что мнѣ не возможно никакЪ его разумѣть, хотя я и не вЪ числѣ дураковЪ полагаюсь: естьли бы я былЪ невѣжда, то могЪ бы много воспользоваться разсужденіями Г. *Метафорина*. По тому, что не смотря

на мое природное любопытство, понуждающее меня къ прилѣжанію ко всѣмъ наукамъ, онъ излѣчилъ бы меня отъ охоты достигнуть до того, чтобъ сдѣлаться невразумительнымъ, и что я бы радъ былъ говорить такъ, чтобъ всѣ меня разумѣли.

Второй изъ сихъ знаменитыхъ людей, есть Г. *Бормотулинъ*, которой говоритъ безъ отдыху, естьли когда раскроетъ ротъ, языкъ его находится въ безпрерывномъ движеніи; и нѣтъ способа его остановить иначе, какъ развѣ поставить ему между зубовъ распорку.

Третій есть человѣкъ умной, хорошо воспитанный, весьма скромный и мало говорящій. Въ послѣдній разъ, какъ я былъ съ ними, случилось мнѣ съ нимъ часто говорить тихо; но никогда не удалось намъ коснуться до какого либо мѣста древней или новѣйшей Исторіи, чтобъ Г. *Метафоринъ*, прилѣжно насъ подслушивающій, не услышалъ насъ, и сдѣлавъ

усиліе воображенію, не вмѣшался бы въ нашъ разговоръ, и не объявилъ бы намъ своего мнѣнія отборнѣйшими словами, которыя намъ столько же трудно было понимать, какъ ему выдумывать. Потомъ Г. *Бормотулинъ* тутъ же присталъ, и опровергнулъ тьмою глупостей все то, что сказано было справедливаго. Услыша слово Риторику Г. *Метафоринъ* описалъ намъ Цицерона, то есть подъ его видомъ описалъ самъ себѣ живѣйшими красками.

О! сказалъ онъ, что касается до Римскаго Витіи, то *сентенціи* его суть медоподобны, *дикція* его *преавгустѣйшая*, онъ весь *превыспрененъ*. Онъ не такъ, какъ прочіе люди, преподаетъ свои *предначертанія*; онъ превыше человѣчества, его *делинеаціи* превосходятъ человѣческую *интеллигенцію*. Тотчасъ послѣ сего Г. *Бормотулинъ* поподчивалъ насъ своимъ разсужденіемъ: онъ намъ сказалъ, что Цицеронъ былъ лучшій стихотворецъ

и величайшій ГуберпаторЪ вЪ Аѳинахъ; что Іюлій Косарь былЪ славнѣйшій Витія изЪ всѣхЪ когда либо предЪ лицемЪ Цицерона говорившихЪ; что изЪ всѣхЪ РимскихЪ Императоровъ знаменитѣйшій былЪ ДемосѳенЪ; что МаркЪ Аврелій и ТитЪ были тираны, а НеронЪ и Калигула святые.

ПослѢ сего попросилЪ я настоящаго ученаго, чтобЪ онЪ прочиталЪ мнѣ нѣсколько разговора его вЪ стихахЪ, которой онЪ мнѣ обѣщалЪ сообщить. Но Г. *Метафоринъ* вдругЪ началЪ прочитывать намЪ цѣлыя страницы изЪ Клевеланда; а Г. *Бормотулинъ* поподчивалЪ насЪ цѣлою статьею изЪ Телемахиды. Я боялся, чтобЪ ему не вздумалось прочитать всю книгу отЪ доски до доски; но они оба еще хуже того сдѣлали: ибо начали читать стихи своего сочиненія. Лишенный удовольствія поговорить нѣсколько времени сЪ умнѣйшимЪ изЪ троихЪ, вознамѣрился я показать мое человѣчество, и доказать симЪ бол-

тунамъ, что ежели человѣкъ есть тварь разумная, то за то и смѣшная. Такъ, что я захохоталъ во все горло, что столь хорошее возъимѣло дѣйствіе, что заградило уста симъ немилосердымъ говорунамъ, и заставило ихъ со мною вмѣстѣ смѣяться.

Въ сію счастливую перемѣну, въ которую мы не много отдохнули, началъ я опять просить третьяго, и сказалъ ему, что и ему должно въ свою очередь проговорить нѣсколько своихъ стиховъ. Онъ отказался отъ того весьма учтивымъ образомъ, и сдѣлалъ весьма тонкую насмѣшку надъ двумя другими. Я не желаю спѣшить, сказалъ онъ, удостовѣрить васъ; что Поезія не есть мой талантъ. Естьли бы мнѣ должно было дѣлать тотъ же договоръ, которой древній стихотворецъ Херилъ учинилъ съ Александромъ Великимъ, посвятя ему свои стихи, условясь съ нимъ получать за всякой хорошій стихъ по монетѣ, а за всякой худой

по пощечинѣ; то я бы опасался, чтобъ мои щеки не учинились столь же горячими, какъ и того несчастнаго, и чтобъ мнѣ то не стоило столь дорого, чтобъ всего моего имѣнія не достало на избавленіе меня отъ того. Какъ бы то ни было, онъ сунулъ мнѣ въ руку копію съ своего разговора, и послѣ сего мы разсталися.

ПИСЬМО ОДНОГО ОПЕКУНА О НѢКОТОРОЙ ДѢВУШКѢ, ЕГО ПИТОМСТВУ ВВѢРЕННОЙ,

съ пріобщеніемъ разсужденія о кровосмѣшеніи.

Г. М.

Одна изъ моихъ воспитанницъ, есть дѣвушка весьма пригожая, и великая охотница до книгъ. Мнѣ часто случается безъ церемоніи заглядывать къ ней черезъ плечо въ книгу, что никогда не бывало ей противно. Я находилъ безмѣрное удовольствіе ви-

дѣть, что она читала всегда какую либо хорошую книгу, удобную укрѣплять ее въ добродѣтели, и обогащать умъ полезными свѣдѣніями. На сихъ дняхъ, какъ я надѣвъ очки, съ большимъ обыкновеннаго вниманіемъ смотрѣлъ на нее, и какъ она со всемъ того не примѣтила, что безъ сомнѣнія должно дѣлать ей удовольствіе: ибо ничего нѣтъ столь пріятнаго, какъ быть нечаянно найдену въ добродѣтельномъ упражненіи; я весьма удивился, увидя, что она читаетъ письма Сильвіи и Филандра. Вскорѣ послѣ того, нѣкто позвалъ ее не знаю за чѣмъ; она бросила книгу на столъ, и пошла съ поспѣшностію внизъ. Тогда я осмѣлился раскрыть сію книгу, и нашелъ въ заглавномъ листѣ сіи слова, собственною ея рукою написанныя: *подарокъ моего дядюшки.* Сей дядюшка есть весьма пригожій дворянинъ, не болѣе, какъ пятью годами старѣе ее, и которому бы я съ удовольствіемъ и безъ всякаго подозрѣнія поз-

волилъ имѣть съ нею кроткое обращеніе, какъ въ разсужденіи близкаго родства, такъ и по тому, что онъ всегда мнѣ очень добродѣтельнымъ казался. Сверьхъ того, перебирая листы въ книгѣ, нашелъ я въ ней нѣкоторыя замѣтки, въ щекотливыхъ, живыхъ и нѣжныхъ мѣстахъ наполненныхъ ложнымъ краснорѣчіемъ, для уменьшенія ужаса кровосмѣшенія. Чрезъ нѣсколько страницъ нашелъ я письмо сего дядюшки, въ которомъ онъ изъяснялъ своей племянницѣ такую же страсть, какую въ семъ мѣстѣ книги братъ ощущалъ къ сестрѣ, и въ которомъ дядюшка дѣлаетъ прелестное описаніе одной бесѣдки въ моемъ саду, назначенной для ихъ свиданія, которое обѣщавало имъ верховное блаженство.

Такой недостойной поступокъ возбудилъ во мнѣ противъ его негодованіе, и я съ нѣжнымъ прискорбіемъ отца оплакивалъ участь моей питомицы, прежде пригожей и добро-

дѣтельной, но нынѣ почти погибшей и обезображенной. Я спрятавъ книгу, написалъ письмо къ отцу сего дядюшки, то есть, къ дѣду моей питомицы, въ которомъ открылъ ему все сіе дѣло. Ето былъ самъ ея любовникъ, которой вызвалъ ее съ такою поспѣшностію, что симъ вся тайна ихъ мнѣ открылась, и я учинилъ его доношикомъ на самого себя, попросивъ вручить письмо мое къ его отцу. Когда онъ ушелъ, то я позвалъ мою питомицу прогуляться въ садъ, и привелъ ея въ то самое мѣсто, которое назначено было къ ея погибели. Я говорилъ съ нею довольно долго о постороннихъ вещахъ, и скрылъ, сколько могъ, печаль свою, хотя часто внутренно воздыхалъ, и примѣчалъ въ ея лицѣ нѣкоторую, въ разсужденіи меня, заботливость и принужденность, которыя до того были ей необыкновенны, и тайное желаніе видѣть, вмѣсто меня, съ собою дядюшку своего. Помолчавъ нѣсколько

минутъ, дабы лучше примѣтить, что въ душѣ ея происходило, сказалъ я ей: дочь моя, читаешь ли ты когда Газеты? Очень рѣдко, отвѣчала она мнѣ съ усмѣшкою. Въ Тюллерійскомъ дворцѣ, примолвилъ я, случилось странное приключеніе. Послѣ сего далъ я ей прочитать то произшествіе, въ которомъ пишутъ, что одна госпожа потеряла въ томъ саду честь свою соблазнительнѣйшимъ и безчестнѣйшимъ образомъ. Ахъ! сказала она, какъ это скверно и безчестно. Книга, которую ты читала, сказалъ я, еще въ десятеро хуже, по тому, что въ ней къ преступленію присоединено и кровосмѣшеніе. Сердце мое едва не разорвалось на части, когда я увидѣлъ, что она отъ сихъ словъ только что покраснѣла, и хотѣла даже оправдываться. Ахъ! Г. Зритель, какова же должна быть горячность роднаго отца къ своей дочери, когда моя столь далеко простирается къ моей питомицѣ? Покорно прошу

подать намъ ваше о семъ мнѣніе и совѣты, какъ для общей, такъ и для частной пользы

Вашего покорнаго слуги

Добросердова.

Я не знаю лучшаго способа удовлетворить желанію Господина опекуна, какъ переписавъ здѣсь одно приключеніе, находящееся въ писаніяхъ Перкинса. Вотъ оно:

Одна знатная Госпожа овдовѣвъ, занялася съ крайнимъ раченіемъ воспитаніемъ сына своего у себя въ домѣ. Сей сынъ достигнувъ юношескаго возраста, почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ любострастію, и неотступно просилъ горнишную дѣвушку своей матери, чтобъ она удовлетворила его хотѣнію. Она не только не соглашалася на его прозьбу, но еще наскучивъ его безпрестаннымъ приставаньемъ, пожаловалася Госпожѣ своей, которая, будучи въ намѣреніи удержать стремительность

своего сына, сказала ей, чтобъ она назначила ему въ слѣдующую ночь свиданіе на своей постелѣ; что она сама вмѣсто ее ляжетъ; и что такимъ образомъ будетъ имѣть случай учинить ему строгій выговоръ. Приказаніе было исполнено со всякою точностію. — Сколь повѣсть сія ужасна! Діяволъ искусилъ мать: и сколь ни ужасна сія мысль, но она предалась лобызаніямъ своего сына; и отъ него обрюхатѣла. Когда беременность ея увеличилась; то, дабы скрыть оную, удалилась она съ великимъ стыдомъ и отчаяніемъ въ деревню, гдѣ и родила дочь, которую велѣла тамъ воспитывать съ великимъ стараніемъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, разсудилось ей выписать ее къ себѣ подъ именемъ родственницы. Молодая сія дѣвушка возрастала въ красотѣ и добродѣтели такъ, что сынъ, которой былъ еще не женатъ, и не имѣлъ болѣе тритцати двухъ лѣтъ отъ роду,

страстно въ нее влюбился. Однимъ словомъ, онъ женился на собственной своей дочерѣ, не вѣдая того. Но мать знавъ все, ощущала, такъ сказать, геенну въ душѣ своей, такъ, что не въ состоянiи будучи сносить угрызенiй совѣсти, которая часъ отъ часу болѣе ее терзала, прибѣгнула она къ одному ученому Богослову, (которой оставилъ сiю повѣсть письменную,) и требовала его совѣтовъ: спрашивая, не должно ли ей открыть сiю тайну, и тѣмъ пресѣчь продолженiе злодѣянiя. Богословъ отвѣчалъ, что поелику они живутъ щастливо въ своемъ невѣжествѣ, то ей должно скрывать отъ нихъ сiе дѣло, и въ тайнѣ раскаяваться въ гнусномъ своемъ кровосмѣшенiи.

И дѣйствительно, какое отвращенiе почувствовали бы они послѣ такого открытiя къ тѣмъ самымъ дѣтямъ, кои прежде сего составляли ихъ блаженство, и были залогомъ ихъ взаимной нѣжности. Но

сей предметъ столь печаленъ и ужасенъ, что я не могу болѣе о немъ распространиться. При томъ и недумаю, чтобъ то было очень нужно въ разсужденіи тѣхъ, кои имѣютъ хотя искру совѣсти, Христіянства и чести.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

Невинность и таинственность никогда не обитали вмѣстѣ.

Терпѣніе горько; но плоды его сладки.

Истинное воспитаніе болѣе должно состоять въ примѣрахъ, нежели въ предписаніяхъ.

Разумъ насъ чаще обманываетъ, нежели природа.

Молчаніе придаетъ вѣсу мыслямъ, и вѣроятности словамъ.

Великія мысли происходятъ изъ сердца.

Сомнѣніе есть училище истинны.

Истинная учтивость состоитъ въ оказываніи людямъ благоволенія.

Мы жалѣемъ о ближнемъ только въ тѣхъ его бѣдствіяхъ, коимъ сами почитаемъ себя удобоподверженными.

Никто не можетъ быть щастливъ, естьли не наслаждается собственнымъ своимъ уваженіемъ.

Надлежитъ имѣть здравую душу, дабы умѣть наслаждаться прелѣстями уединенія.

Дружба жалѣетъ о напастяхъ

ближняго, но любовь оныя чувствуетъ.

Истинная любовь есть цѣломудреннѣйшій союзъ.

Сердце отверзаяся страстямъ, отверзается скукѣ и печалямъ жизни сей.

Блаженство есть богатство человѣческое; но безъ добродѣтели оно существовать не можетъ.

Страсть къ игрѣ, плодъ скупости и скуки, раждается только въ умахъ и сердцахъ пустыхъ.

Всякая злость произходитъ отъ слабоумія.

Звѣрство свойственно невѣжеству, которое не вѣдаетъ никакого права, кромѣ силы.

Скромность, въ разсужденіи души, есть то, что стыдливость въ разсужденіи тѣла; ибо избытокъ откровенности есть непристойность, подобная совершенной наготѣ тѣла.

Любовь къ отечеству, есть страсть въ народѣ; но въ мудромъ она добродѣтель.

Люди прощаютъ иногда ненависть, но презрѣнія никогда.

Нещастнѣйшій изъ всѣхъ людей есть тотъ, кто таковымъ себя почитаетъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ОПРЯТНОСТИ.

Изъ Зрителя.

Нѣсколько дней тому назадъ, будучи принужденъ за надобностію отъѣхать нѣсколько миль отъ Лондона

въ почтовой коляскѣ, имѣлъ я въ сотоварществѣ весьма неопрятнаго щоголя, и молодую пригожую и очень чистоплотную Квакерку. Послику не былъ я тогда въ духѣ много разговаривать, то сѣвъ на противъ, сталъ я ихъ прилѣжно разсматривать съ тѣмъ, чтобъ учинить ихъ предметомъ моихъ разсужденій. Ихъ разные виды привлекли мое вниманіе. На дворянинѣ былъ кафтанъ, которой, казалось, былъ съ начала черный, какъ я то примѣтилъ по небольшимъ промежуткамъ, избѣгнувшимъ отъ пудры, въѣвшейся во всю остальную часть кафтана. Парикъ его, по видимому, весьма дорогой, кудрился по плечамъ столь не бережливо, что можно было, увидя его, сказать, что онъ по крайней мѣрѣ три года уже былъ не направленъ. Все его бѣлье и камзолъ были покрыты съ верьху до низу Шпанскимъ табакомъ; бриліянтовый же перстень, на рукѣ его находящійся,

(которой видно боялся воды,) заставилъ меня вспомнить о томъ блескѣ, которой имѣлъ онъ въ землѣ, изъ коей былъ извлеченъ. Съ другой стороны пригожая Квакерка являлась мнѣ во всемъ блескѣ опрятности. Продолговатое и чистое ея лице, окруженное маленькимъ камартковымъ чепчикомъ съ мѣлкими складками, великую выгоду получало отъ тѣни, накинутаго съ верьху не большаго чернаго тафтянаго капера, равномѣрно и бѣлизна ея рукъ усугублялася отъ смиреннаго цвѣта ея одежды. Простота ея наряда согласовалася съ простотою ея рѣчей; и хотя все сіе взятое вмѣстѣ не подало мнѣ выгоднаго мнѣнія о правилахъ ея, касательно религіи, но послужило наполнить меня почтеніемъ къ ея невинности.

Сверьхъ того, сія противообразность подала мнѣ поводъ къ размышленіямъ объ опрятности, почитаемой мною въ числѣ тѣхъ полу-

добродѣтелей, о коихъ Аристотель намъ говоритъ, и заставила меня разсмотрѣть ея подъ сими тремя выгодами: 1е, что опрятность есть знакъ вѣжливости, 2е, что она раждаетъ любовь, 3е, что она имѣетъ нѣкоторое сношеніе съ правильностію ума.

Во первыхъ, говорю я, что она есть знакъ вѣжливости. Весь свѣтъ въ томъ согласенъ, что человѣкъ, неукрашенный симъ свойствомъ, не можетъ появиться въ собраніи, не возбудивъ негодованія всей бесѣды. Чѣмъ человѣкъ достаточнѣе, тѣмъ болѣе обязанъ онъ исполнять сію должность. Разные просвѣщенные народы столь же отличаются опрятностію, какъ науками и художествами. Чѣмъ болѣе народъ просвѣщенъ, тѣмъ болѣе имѣетъ онъ уваженія къ сей части вѣжливости. Пускай для сего сравнятъ Готентотку, съ одною изъ нашихъ Аглинскихъ красавицъ, тогда почувствуютъ истинну моихъ словъ.

Второе: можно сказать, что опрятность есть мать любви. Правда, что обыкновенно красота раждаетъ сію страсть въ сердцѣ; но опрятность поддерживаетъ ее и сохраняетъ. Дѣвушка весьма посредственнаго лица, но всегда опрятно одѣвающаяся, гораздо болѣе привлекаетъ къ себѣ сердецъ, нежели запачканная красавица. Самая старость даже имѣетъ нѣчто привлекательное и любезное, когда сопровождается она чистотою и опрятностію. Подобно куску чистаго и свѣтлаго металла, мы взираемъ на нея съ большимъ удовольствіемъ, нежели на новый сосудъ, снедаемый ржавчиною.

Я могъ бы присовокупить къ сему и то, что опрятность дѣлая насъ другимъ пріятными, подаетъ и собственно намъ великое удовольствіе; что оно есть одно изъ лучшихъ средствъ къ сохраненію здоровья; и что многіе пороки, стремящіеся къ погубленію души и тѣла, не могутъ

существовать съ сею похвальною привычкою. Но я оставляю дѣлать сіи разсужденія на досугѣ моимъ Читателямъ, дабы сдѣлать третіе замѣчаніе о томъ, что опрятность имѣетъ еще великое сношеніе съ чистотою души, и возбуждаетъ въ насъ естественнымъ своимъ дѣйствіемъ благородныя чувствія и страсти.

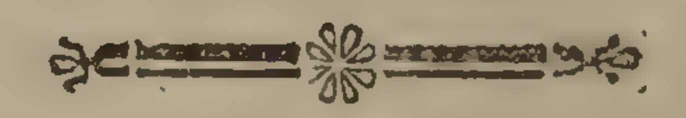
Опытъ научаетъ насъ, что сила привычки познакомливаетъ насъ съ ужаснѣйшими преступленіями, и уменьшаетъ мерзость оныхъ. На противъ же того, тѣ, кои имѣютъ всегда въ глазахъ хорошіе примѣры, убѣгаютъ немедлѣнно отъ всего того, что хотя мало противно честности покажется. Поелику же чувства наши суть каналы, чрезъ кои всѣ предметы преносятся къ душѣ, не могутъ иныхъ видовъ сообщить ей, кромѣ тѣхъ, кои обыкновенно насъ окружаютъ; то естьли сіи предметы одарены скромностію и красотою въ своемъ родѣ, возбуждаютъ оня въ насъ благородныя и непорочныя мысли.

У Восточныхъ народовъ, гдѣ жаръ климата учиняетъ опрятность нужнѣйшею, нежели въ Сѣверныхъ странахъ, она составляетъ часть ихъ духовнаго закона: законъ Еврейской, такъ какъ и Магометанской, подражающій въ семъ ему, требуетъ многихъ омовеній, очищеній и прочихъ тому подобныхъ обрядовъ. Но кромѣ Физической тому причины, здѣсь приведенной, нѣтъ сомнѣнія, чтобъ главная цѣль всѣхъ сихъ омовеній не стремилась къ внушенію намъ внутренней чистоты сердца. Мы видимъ въ Библіи многія предписанія, подтверждающія сію истинну, и нѣкоторые толковники, сказующіе, что они учреждены были въ пустынѣ для одной только Физической выгодности, кажутся мнѣ неосновательными.

Я окончу сіе разсужденіе нѣкоторою историческою чертою, или лучше сказать, Магометанскою повѣстію, читанною мною въ нѣкоторомъ описаніи ихъ суевѣрныхъ обрядовъ.

ВЪ одно утро, одинЪ дервишь, прославившійся святостію своей жизни, по нещастію уронилЪ на землю хрустальную чашу, посвященную пророку, и разбилЪ ее на мѣлкія части. Вскорѣ послѣ того, сынЪ его вошелЪ вЪ его комнату, и когда отецЪ простиралЪ руки, дабы дать ему благословеніе, по обыкновенной своей похвальной привычкѣ; то сей отрокЪ побѣжавЪ отЪ него, зацѣпился за порогЪ, упалЪ, и переломилЪ руку. Между тѣмЪ, какЪ старикЪ, испуганный, размышлялЪ о сихЪ печальныхЪ приключеніяхЪ, прошелЪ чрезЪ то мѣсто караванЪ, возвращающійся изЪ Мекки. ОнЪ побѣжалЪ просить благословенія у сей блаженной толпы; но желая не терпѣливо облобызать одного изЪ священныхЪ верблюдовЪ, получилЪ отЪ него столь сильной ударЪ ногою, что упалЪ на землю почти безЪ памяти. Горесть его и удивленіе усугубились; но наконецЪ вспомнилЪ онЪ, что или отЪ заб-

венія, или отъ поспѣшности вышелъ онъ изъ дома своего не вымывъ рукъ.

О ТОМЪ, ЧТО ДОБРОДѢТЕЛЬ СОСТОИТЪ ВЪ ПОДРАЖАНІИ БОГУ.

Языческіе Философы обыкновенно превозносилися тѣмъ, что ихъ наставленія служили къ учиненію людей подобными божеству. Какое бы заблужденіе ни находилося въ средствахъ, употребляемыхъ ими къ достиженію сей цѣли; но должно признаться, что намѣреніе ихъ было благородно и похвально. Самыя лучшія изобрѣтенія человѣческія весьма маловѣсны, естьли положить ихъ на вѣсы съ тѣмъ, что служитъ къ утончанію ума. Лонгинъ весьма замысловато извиняетъ Омира, говоря, что сей стихотворецъ учинилъ своихъ боговъ подобными человѣкамъ, дабы учинить человѣковъ подобными бо-

гамъ. Но должно согласиться въ томъ, что многіе изъ древнихъ Философовъ прилѣжали болѣе къ сему послѣднему, нежели къ первому предмету; сіе-то желалъ Цицеронъ, чтобъ учинилъ Омиръ.

Слѣдуя сему всеобщему правилу Философіи, нѣкоторые изъ нихъ старалися вознести людей къ сей вышшей точкѣ удовольствія, или по крайней мѣрѣ, безпечности, въ которой думали они неправильно, что состоитъ блаженство вышняго Существа. Съ другой стороны, самая добродѣтельнѣйшая секта сихъ Философовъ представляла себѣ химерическое понятіе о истинномъ мудрецѣ, безъ страстей, и слѣдовательно безъ страданій; что онъ долженствуетъ истреблять и ограничивать свои желанія, дабы малое только число имѣть нуждъ; и что ему надлежитъ наполнять душу свою добродѣтелями, удобными доставлять ему всегда новыя удовольствія.

Христіанство требуетъ отъ насъ, чтобъ мы содѣлавъ о Богѣ высочайшее и лучшее понятіе, по возможности старалися бы потомъ подражать ему, по колику то слабость наша намъ дозволяетъ. Я могъ бы привести тому въ примѣръ многія мѣста изъ Священнаго писанія, равно какъ и многія же нравоучительныя предписанія и наставленія, находящіяся въ Греческихъ и Латинскихъ писателяхъ.

Однако же я приведу тому одинъ только примѣръ изъ Іюліановыхъ Кесарей. Послѣ того, какъ сей знаменитый писатель приводилъ по очереди къ богамъ всѣхъ Римскихъ Цесарей съ Александромъ Великимъ, кои всѣ спорили въ первенствѣ; то оставя всѣхъ прочихъ, начинаетъ онъ говорить только о Александрѣ, о Юліи Цесарѣ, о Августѣ, Троянѣ, Маркѣ Авреліи и Константинѣ. Каждый изъ сихъ Героевъ древности говорилъ, по чему онъ думаетъ имѣть надъ

прочими преимущество; и для получения онаго, разсказывалъ о славныхъ своихъ дѣяніяхъ выгоднѣйшимъ образомъ. Но боги, вмѣсто того, чтобъ обольститься блескомъ ихъ подвиговъ, спрашиваютъ у нихъ чрезъ Меркурія, по какимъ правиламъ поступали они въ теченіе своей жизни, и во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ. Александръ донесъ имъ, что цѣль его состояла только въ томъ, чтобъ дѣлать завоеванія. Іюлій Цесарь призналъ, что его цѣль была въ томъ, чтобъ возвыситься на первѣйшее мѣсто чести своего отечества. Августъ сказалъ, что онъ старался хорошо управлять своими областями. Троянъ, что онъ имѣлъ то же честолюбіе, какъ и Александръ. Наконецъ, Маркъ Аврелій, вопрошенный о томъ же, отвѣчалъ съ великою скромностію: *что онъ всегда великое стараніе прикладывалъ къ тому, чтобъ подражать богамъ.* Сіе преклонило на его сторону большинство голоссовъ, и доставило почтеннѣйшее

мѣсто во всемъ собранiи. Когда спросили у него, въ чемъ онъ подражалъ богамъ; то онъ объявилъ, что въ употребленiи душевныхъ своихъ способностей, и что, сверьхъ того, старался онъ сколько можно меньше имѣть нуждъ, и дѣлать другимъ сколько можно больше добра.

Изъ всѣхъ способовъ, кои откровенiе употребило на улучшенiе нравовъ, одинъ изъ главныхъ есть тотъ, что оно подаетъ намъ правильоне понятiе о вышшемъ Существѣ, коему всѣ разумныя твари подражать должны. Молодой распутной человѣкъ могъ въ языческой комедiи извинять свои безпорядки Юпитеровыми; и почти ни одного злодѣянiя не было, которое бы не льзя было оправдать, смотря по понятiю языческаго народа о богахъ. Откровенiе предлагаетъ намъ предметъ достойный подражанiя, я разумѣю тотъ, которой есть образецъ и источникъ всѣхъ духовныхъ совершенствъ.

Во время сей жизни мы подвержены безчисленному множеству искушеній, кои, естьли мы ихъ послушаемъ, совратятъ насъ съ пути добродѣтели и разума, съ пути сихъ единыхъ вещей, въ коихъ мы можемъ подражать Владыкѣ вселенныя.

Но въ будущей жизни всѣ предметы будутъ достойны сихъ двухъ склонностей. И такъ я положу за правило, что наше щастіе въ сей жизни состоитъ въ умерщвленіи желаній, а въ той жизни въ полномъ оныхъ удовлетвореніи.

Я получилъ сію минуту письмо отъ одного дворянина, которой между прочимъ говоритъ мнѣ въ ономъ, что онъ примѣтилъ, съ истиннымъ огорченіемъ, что я рѣдко въ листахъ моихъ говорю о важнѣйшей вещи въ свѣтѣ, то есть, о любви: ибо сія матерія всегда хорошо бываетъ при-

нята обоими полами, естьли только умѣючи о ней предлагаешъ.

Онъ прибавляетъ къ тому, что ежели я по нещастію сообщилъ уже публикѣ все, что зналъ о сей страсти, то онъ будетъ мнѣ въ томъ помогать въ чинѣ толкователя любовныхъ *казусовъ*: къ сей должности онъ почитаетъ себя совершенно способнымъ; ибо главнѣйшею своею наукою всегда онъ поставлялъ любовь, и разсматривалъ сію страсть подъ всѣми ея видами, съ 15 лѣтъ до сорока пятилѣтняго возраста.

Онъ увѣряетъ меня, что въ состояніи дать разрѣшеніе на затруднительнѣйшія задачи, касательно любви, какъ на примѣръ:

Какое сжатіе пальцовъ потребно, дабы сказать, что дама пожала руку своему любовнику?

Что можно назвать прямо отказомъ со стороны дѣвушки, и въ чемъ такой отказъ состоитъ отъ вдовы?

Какія вольности любовникъ не оспоримо можетъ принимать, послѣ того, какъ его любовница ударитъ его тихонько по плечу вееромъ?

Позволено ли дамѣ при первомъ свиданіи позволить любовнику поцѣловать у нея руку?

Какого рода ласки надлежитъ оказывать горнишной дѣвушкѣ, для лучшаго успѣха въ любви къ госпожѣ ея?

Какія надежды можно основывать на улыбкѣ, и въ какомъ случаѣ строгій взглядъ ничего не значитъ?

Въ какихъ случаяхъ безхитростный видъ въ любви есть превосходная военная хитрость?

Дабы сильнѣе убѣдить меня въ способности своей, къ выполненію съ великою исправностію просимой имъ должности, прислалъ онъ мнѣ нѣсколько любовныхъ правилъ, кои выдаетъ онъ за плодъ безчисленнаго множества глубокихъ разсужденій его, изъ коихъ я долгомъ по-

читаю сообщить нѣкоторыя Читателямъ, по тому, что онѣ мнѣ показалися совершенно новыми, и мнѣ ни въ одной книгѣ ни попадалися.

Любовь производитъ въ свѣтѣ болѣе зла, нежели ненависть.

Любовь есть дочь лѣности и мать заботы.

Люди важнаго свойства (говоритъ Баконъ) суть отъ природы постоянны; по сему-то прекрасный полъ болѣе подверженъ перемѣнѣ, нежели нашъ, говоря вообще. Веселая часть рода человѣческаго влюбленнѣе, нежели другая, но важная часть любитъ больше въ самомъ дѣлѣ.

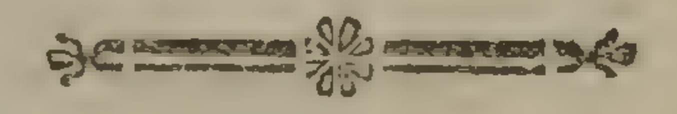
Кокетка часто теряетъ свою добрую славу, сохраняя добродѣтель.

Женщина же, противнаго тому свойства по наружности, часто соблюдаетъ добрую свою славу, а съ добродѣтелїю давно уже простилась.

Усилія, дѣлаемыя для воспламененія потухающей страсти часто во все оную погашаютъ.

Женщина, которая изъ неопрятной сдѣлается чистоплотою, или изъ чистоплотой неопрятною, навѣрное влюблена.

Я прибѣгну къ дарованiямъ сего дворянина, когда буду имѣть въ томъ нужду.

Г. ЗРИТЕЛЬ!

Вы доселѣ описывали многихъ родовъ невѣжества, каждое по одиначкѣ; но я бы желалъ, чтобъ вы разсудили заблаго изобразить ихъ соединенныя въ одномъ мѣстѣ. Случается часто, что въ публичныхъ собранiяхъ встрѣчается много такихъ безчинниковъ, кои играютъ ролю свою всѣ вмѣстѣ, и такъ шумятъ, что выводятъ изъ терпѣнiя находящихся около ихъ. Они говорятъ другъ другу на ухо, хотя и весьма громко, самыя обидныя и ругательныя вещи, о всѣхъ тѣхъ, кого только могутъ обозрѣть глазами.

Часто во все горло они столь безчинно и громко хохочутъ, что доказываютъ неуваженіе свое къ собранію. Сей родъ людей наиболѣе несносенъ на позорищахъ, или въ Театрахъ, они только что мѣшаютъ зрителямъ слушать, и обращаютъ ихъ вниманіе къ себѣ; и примѣчено, что шумъ гораздо бываетъ больше, когда шайка состоитъ изъ пяти или шести женщинъ, въ то время, какъ подскочитъ къ нимъ безмозглой щоголь.

Я не знаю, у кого такіе люди переняли такія поступки, развѣ не у слугъ ли своихъ?

Законы благочинія и справедливости требуютъ, кажется, естьли я не обманываюсь, чтобъ брать двойную плату съ тѣхъ, кои честнымъ людямъ мѣшаютъ слушать представляемую драму. Или лучше того, я желалъ бы, чтобъ отличенные рожденіемъ своимъ или чиномъ, знали, что такіе ихъ поступки учиняютъ ихъ въ глазахъ благоразумнаго человѣка презри-

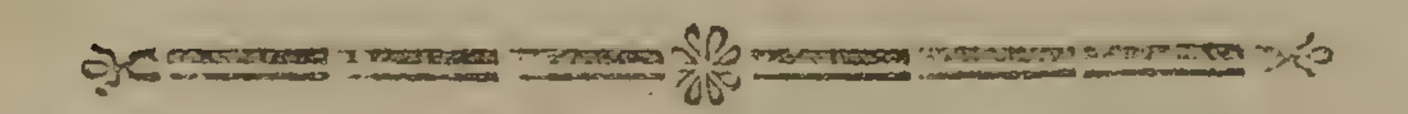
тельнѣе послѣднихъ ихъ конюховъ и чумичекъ, а наша братья, такимъ образомъ безчинствующіе, были бы увѣрены, что самый великолѣпнѣйшій фракъ есть ничто иное, какъ ливрея, когда носящій оную, имѣетъ душу и мысли лакейскія. Я есмь,

Г. м.

Вашъ покорнѣйшій слуга,

Правдобаевъ.

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Молли Сиблисъ, Агличанка.

Сія одаренная неслыханною красотою женщина, была осуждена на смерть за нѣкоторыя покражи, въ коихъ ея обвинили и уличили. Сіе признаніе сдѣлала она весьма не осторожно, съ нѣкоторымъ родомъ презрѣнія къ судьямъ, такъ, какъ бы красота ея долженствовала обезстрашить ес, и избавить отъ наказанія. И дѣйствительно, многіе знатные люди употребили всѣ свои силы для испрошенія ей помилованія; но столь вольное признаніе, купно съ ясными уликами, не

дозволяли Королевскому милосердію на нее излиться. И такъ смертный ея приговоръ былъ подтвержденъ Королемъ, и всѣ ожидали исполненія онаго, какъ весьма чрезвычайнаго зрѣлища. Имѣя столь мало надежды Молли Сиблисъ, была столь твердаго духа, что отнюдъ не предалася отчаянію. Она увидѣла свою неосторожность; но нимало не потѣрявъ отъ того своей бодрости, требовала поговорить нѣсколько минутъ съ главнымъ судьею на единѣ. Когда сіе было ей дозволено, то вмѣсто того, чтобъ запираться въ прежнемъ своемъ признаніи, повторила она его съ новыми подробностями; и признавъ себя достойною смертной казни, примолвила, что покража, за которую осудили ее на смерть, была послѣднѣйшею изъ ея преступленій, что въ продолженіе десяти лѣтъ, какъ она вдалась въ распутство, причинила она множество безпорядковъ, кои публикѣ нужно было знать, и отъ коихъ хотѣла она

облегчить совѣсть свою, умирая, что отечество и самая священная Королевская особа были въ томъ замѣшаны; наконецъ, что не смѣя болѣе просить помилованія, и почитая казнь свою неизбѣжною, была она увѣрена, что не откажутъ ей въ нужной отсрочкѣ, для выслушанія ея признанія. Многіе почли съ начала сію искренность хитростію. Однако же Дворъ будучи увѣдомленъ о семъ, приказалъ отложить ея смерть. Для выслушанія ея были посланы особые Коммисары. Она говорила съ ними съ удивительнымъ присутствіемъ разума и съ великою ясностію. Допросъ продолжался недѣлю, въ которое время разсказывала она повѣсть своей жизни, коея предлагаю я здѣсь любопытнѣйшія подробности. Пускай она сама разскажетъ сію цѣль мерзостей:

„Я родилась отъ честныхъ людей; но любовь и изобиліе утѣхъ, заставили меня презрѣть благородство моего произхожденія, по тому:

что родители мои, по причинѣ малаго ихъ имѣнія, не могли удовлетворить симъ двумъ моимъ склонностямъ. Не жалуюсь я, что мущины искусили мою невинность: ибо я рѣшилась уже на все прежде, нежели имѣла малѣйшую съ ними связь. Я была намѣрена предаться въ волю того, кто перьвый предложитъ мнѣ увезти меня въ Лондонъ, лишь бы только предсталъ онъ предъ меня съ тяжелымъ кошелькомъ, и позволилъ мнѣ почерпать изъ онаго сколько мнѣ хотѣлось. Я была пригожа, и то вѣдала. Такимъ образомъ проводила я полгода, ожидая случая къ исполненію моего желанія. Ни одна коляска, и ни одна карета не проѣзжали безъ того, чтобъ я не нашла способа показаться сидящимъ въ оныхъ Господамъ, и смертельно печалилася, когда оказывали они мнѣ одни только вѣжливости. Наконецъ счастіе привело одного такого, которой безъ обиняковъ предложилъ мнѣ свой ко-

шелекъ и сердце. Я съ радостію приняла его предложеніе, и въ слѣдующую ночь отправились мы въ Лондонъ, гдѣ проводила я съ нимъ нѣсколько мѣсяцовъ въ полномъ удовольствіи. По его издержкамъ могла я судить о его знатности, я почитала его какимъ нибудь Вельможею; но чрезъ три мѣсяца признался онъ мнѣ чистосердечно, что онъ только камердинеръ одного изъ знатнѣйшихъ Придворныхъ Господъ, и что намѣреніе его состояло въ томъ, чтобъ познакомить меня съ его Господиномъ. Онъ не скрылъ отъ меня и того, что для сего и предложилъ мнѣ ѣхать въ Лондонъ, хотя страсть, которую онъ ко мнѣ почувствовалъ, заставила его перемѣнить мысли, что Господинъ его посылаетъ часто въ дальнія мѣста искать удовлетворенія его любострастнымъ желаніямъ, что онъ надѣется получить отъ него великую сумму, за такую, какъ я, красотку, и что ежели я умѣю поль-

зоваться съ умомъ симъ щастіемъ, то вскорѣ буду щастливѣйшая тварь въ Лондонѣ. Я услышала сіе открытіе съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ. Дѣйствіе подтвердило мою надежду; я близь года жила, плавая во всѣхъ возможныхъ утѣхахъ; но по прошествіи того времени Господинъ сей скончался, и забылъ обо мнѣ при смерти. И такъ изъ всѣхъ богатствъ и удовольствій, коими наслаждалася я, не помышляя о будущемъ, осталась мнѣ одна только гордость и спѣсь. Я не хотѣла терпѣть, чтобъ камердинеръ заступилъ мѣсто своего Господина, хотя онъ то мнѣ и предлагалъ. Отъ сего онъ такъ разгнѣвался, что обругалъ меня жестоко; но я поклялась отмстить ему за сію обиду. Новый любовникъ, котораго не замедлила я сыскать, взялся мнѣ въ томъ помогать. Мы ожидали ввечеру въ глухомъ мѣстѣ моего непріятеля; мнѣ хотѣлось умертвить его собственною моею рукою; однако же первый ударъ

нанесъ ему мой секундантъ; но едва только увидѣла я его поверженнаго на землю отъ нанесенной ему раны, то схватя кинжалъ, которой при мнѣ былъ, я умертвила его, нанеся ему тысячу болѣзненныхъ и томительныхъ ранъ. Я должна признаться, что сіе есть одно изъ величайшихъ моихъ злодѣяній, по тому, что я оное съ большимъ противъ прочихъ удовольствіемъ учинила; сверьхъ того оно отверзло двери всѣмъ прочимъ. Новой мой любовникъ былъ игрокъ, коего великое богатство меня ослѣпило. Мы нѣсколько времени жили великолѣпно; но не имѣя другова капитала, кромѣ игры, оборотъ колеса фортуны низвергъ насъ въ бѣдность: надобно было жить. Я перьвая присовѣтовала ему обокрасть одного изъ его пріятелей, которой такъ же жилъ игрою, и посчастію умѣлъ пользоваться оною. Въ одинъ день, какъ онъ выходилъ изъ трактира, выигравъ великую кучу денегъ, то мой лю-

борникъ усильно звалъ его съ нами отъужинать. Намѣреніе наше состояло въ томъ, чтобъ напоить его до пьяна; но или отъ недовѣрчивости, или отъ природной крѣпости, онъ сохранилъ столько присутствія духа, что всѣ наши труды остались тщетны. Я признаюсь, что чувствуя крайную досаду, видя сію добычу отъ насъ похищенною, встала я изъ за стола безъ всякой робости, и столь проворно надѣла ему на шею мой поясъ, что стянувъ оной изъ всей силы, я въ минуту лишила его дыханія и памяти, потомъ мы довершили задушить его салфеткою. Мы взяли тотчасъ всѣ его деньги, съ тою предосторожностію, что оставили ему нѣсколько гвиней и часы. Все сіе столь проворно было исполнено, что когда позвали мы людей, то они ни малаго подозрѣнія не возъимѣли на насъ, и почли, что онъ умеръ отъ паралича. Не знаю, по какому ужасному ослѣпленію я безъ

ужаса проливала кровь, и убивала людей. Однако же сердце мое незлобно, или покрайней мѣрѣ небо попустило тогда, чтобъ оно было надмѣру чувствительно, дабы начать мое наказаніе, которое справедливость его готовитъ совершить теперь надо мною. Сынъ нещастнаго, погибшаго отъ нашихъ рукъ, продолжая почитать насъ лучшими друзьями своего отца, началъ часто насъ посѣщать, дабы вмѣстѣ съ нами утѣшаться въ такой потѣрѣ: я прежде многократно видала сего молодаго человѣка, не помысля никогда, удобенъ ли онъ внушить въ меня къ нему любовь; безчеловѣчной же мой поступокъ съ его отцомъ, не предвѣщалъ мнѣ ничего благосклоннаго отъ человѣка той же крови. Однако же я прельстилась его видомъ, которой дѣйствительно былъ весьма прелестенъ. Связи, кои имѣла я прежде того, были не страсти. И такъ я предалась со всѣмъ сладостямъ сего новаго для меня чувствія; но лю-

бовь долженствовала учинить меня еще болѣе преступницею и злосчастною, нежели ненависть. Я не нашла въ предметѣ моея горячности ни малѣйшей взаимной склонности, которой мое тщеславіе заставляло меня надѣяться. Коликихъ слезъ сіе мнѣ стоило! Наконецъ, забывъ весь стыдъ, рѣшилась я безъ всѣхъ обиняковъ открыть моему неблагодарному тѣ чувствія, кои я въ сердцѣ моемъ къ нему питала, и поелику почитала я его столь нечувствительнымъ къ моей страсти, единственно изъ уваженія къ моему любовнику; то я открыла ему съ начала, что не чувствовала къ нему никогда склонности, и что ожидаю только благосклоннаго случая, дабы его со всѣмъ оставить. Я продолжала говорить съ нимъ съ такою откровенностію, и изліяніемъ сердца, чтобъ всякой другой гораздо лучше меня понялъ; но дабы избавить себя отъ тягости, въ другой разъ начинать снова, то я призналась

ему наконецЪ, что люблю его страстно. Сіе объявленіе привело его вЪ смятеніе, онЪ сдѣлалЪ мнѣ вѣжливой отвѣтЪ, говоря мнѣ о слабости своихЪ достоинствЪ, и о чрезмѣрной благодарности; но я примѣтила вЪ немЪ такую холодность, что смертельную почувствовала отЪ того досаду. ВЪ тотЪ же самой вечерЪ нашла я великую перемѣну вЪ нравѣ и поступкахЪ со мною моего любовника. Я тотчасЪ догадалась, отЪ чего оное произходитЪ, и почувствовала великой страхЪ, предвидя, какія изЪ того выдутЪ слѣдствія: неблагодарной, коего я любила, счелЪ за долгЪ увѣдомить его о моей невѣрности. Бѣшенство мое дошло почти до изступленія. Я приняла твердое намѣреніе погубить того и другаго, хотя бы то мнѣ самой жизни стоило. На завтра пошла я кЪ Расправному судьѣ, и предлагала ему открыть ужаснѣйшее преступленіе, коего я была участницею, сЪ тѣмЪ, чтобЪ онЪ испросилЪ мнѣ

прежде прощеніе. Онъ увѣрилъ меня чрезъ два дни послѣ того, что испросилъ оное съ обыкновенными изключеніями. Я не требовала другихъ доказательствъ, и повѣрила его слову, и не только объявила ему всѣ подробности грабежа и смертоубійства; но желая, сверьхъ того, запутать въ ту же погибель и молодаго человѣка, обвинила я его въ участіи въ смерти его отца, и въ доказательство тому полагала тотъ тѣсный союзъ, которой онъ всегда имѣлъ съ его убійцами. Ихъ обѣихъ взяли немедлѣнно подъ караулъ, и посадили въ тюрьму, гдѣ и просидѣли они нѣсколько времени; но не смотря на всю мою ярость, не достало мнѣ безстыдства и смѣлости, когда потребовали отъ меня подтвержденія обвиненія моего на очной съ ними ставкѣ. Сверьхъ того, наши служители сговорилися всѣ утвердить предъ судомъ, что случившееся несчастіе произошло, по всѣмъ

обстоятельствамъ, отъ естественной причины; и какъ обвиненные продолжали съ твердостію запираться, то наконецъ успѣли они увѣрить всѣхъ, что я ничто иное, какъ раздраженная любовница, желающая несправедливо принести ихъ на жертву своей досадѣ. Я увидѣла себя въ постыднѣйшемъ положеніи, когда по полученіи любовникомъ моимъ свободы, принуждена я была бѣжать, дабы укрыться отъ его ярости. Послѣ толикихъ опытовъ слабости человѣческой удостовѣрилась я, что пригожая женщина можетъ все предпринять ненаказанно. Ужасное состояніе, изъ коего нашла я способъ выйти, вскорѣ изгладилось изъ памяти моей. Одни только долги мои меня безпокоили, и подвергали ругательствамъ многихъ заимодавцовъ. Для избѣжанія сего, рѣшилась я выйти за мужъ за солдата (*) взявъ съ него прежде обѣщаніе, ни-

(*) Въ Лондонѣ замужнихъ женщинъ нимало за долги не безпокоятъ.

когда не казаться мнѣ на глаза, что онъ съ помощїю двухъ гвиней, данныхъ ему мною, съ охотою мнѣ и обѣщалъ. Едва только имя мое осталось ему извѣстно. Я могу утвердить, что онъ во всю жизнь свою нигдѣ меня не видалъ, какъ только во время вѣнчанїя въ церквѣ. Гордясь правомъ входить въ новые долги ненаказанно, умножила я свои расходы, и учинила домъ мой зборищемъ всѣхъ молодыхъ развратныхъ людей въ Лондонѣ. Я была идоломъ сего нечестиваго храма, малѣйшїе знаки моей воли были законы, и благосклонности мои платилися полновѣсными червонными. Я не знаю, какїя мысли имѣли о моемъ поведенїи отрѣкающїеся отъ оныхъ; но мнѣ не пристойно было изъясняться съ моими невольниками. Въ сїе-то счастливое время моей жизни, познакомилася я съ молодымъ..... Онъ мнѣ понравился, а я заставила его себя боготворить. Его отецъ увѣдомясь о нашемъ

знакомствѣ, вознамѣрился, для пресѣченія онаго, его женить. Мнѣ не возможно было отвратить сего удара, и я съ великимъ огорченіемъ услышала, что жена его беременна. Онъ начиналъ обходиться со мною холодно. Но гордость моя не снесла сея перемѣны, я приняла намѣреніе отомстить за то надъ плодомъ новой его любви, составивъ нѣкоторой напитокъ, которой я нашла способъ поднести матерѣ. Онъ ей столь же былъ бѣдоносенъ, какъ и младенцу, коего носила она въ утробѣ. Я нѣсколько жалѣла, что мщеніе мое столь далеко простерлось: я не желала погубить совмѣстницу, которой я нимало не боялася, но не хотѣла, чтобъ она была матерью. Однако же, сіе привлекло опять ко мнѣ моего любовника. Страсть его взявъ новую силу, болѣе моей продолжилася. Переставъ его любить, вспомнила я о причиненной имъ мнѣ печали, и вознамѣрилась его за то наказать. Онъ имѣлъ

прекрасный домъ близъ Лондона, въ которой онъ часто меня важивалъ, и всегда нѣжно мнѣ выговаривалъ, что я не подолгу тамъ бываю. Я знала всѣхъ живущихъ въ томъ домѣ, а особливо примѣтенъ мнѣ былъ одинъ кабинетъ, въ которомъ лѣжали его деньги, со всѣми драгоцѣнными каменьями, принадлежавшими его женѣ. Я встала ночью тихонько, впустила въ домъ трехъ подговоренныхъ проворныхъ мною молодцовъ, кои приказаніе мое исполнили съ такою исправностію, что не только кабинетъ, но и большую часть прочихъ комнатъ очистили, и ободрали все, что ни было въ нихъ драгоцѣннаго. На завтра съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ смотрѣла я на горесть такого человѣка, котораго начинала я презирать, по тому, что переставъ его любить, открыла я глаза, и увидѣла всѣ его недостатки. Наконецъ я совершенно его оставила. Нѣсколько времени спустя, одинъ

Французъ, недавно въ Лондонъ пріѣхавшій, увидѣлъ меня на гуляньѣ, и взглядами своими далъ мнѣ знать, что чувствуетъ ко мнѣ великую склонность. Я подала ему случай со мною поговорить, что онъ и исполнилъ, какъ человѣкъ искуснѣйшій въ любовныхъ дѣлахъ. Поступки его были весьма пріятны; и хотя онъ худо говорилъ по Аглински, однако же разумѣть его было можно. Онъ мнѣ такъ понравился, что забывъ мое намѣреніе, состоявшее въ томъ, чтобъ его обмануть, вздумала я завести съ нимъ любовное знакомство. Онъ предложилъ мнѣ проводить меня домой; что я и приняла. Сочтя меня съ начала за потаскушку, весьма онъ удивился, увидя великолѣпный мой домъ, число слугъ и богатство уборовъ; изумленіе его при всякомъ шагѣ возрастало. Наконецъ я увидѣла, что онъ не владѣлъ самъ собою, отъ чрезмѣрной радости, и всѣ его рѣчи относилися только къ изобилію,

примѣчаемому имъ вокругъ себя. Изъ сего заключила я, что не смотря на благородный его видъ, не прiобыкъ онъ обращаться съ знатными людьми, и жить въ избыткѣ; сiя мысль учинила меня по скромнѣе. Хотя склонность моя къ нему и не уменьшилась; но мнѣ вздумалось его испытать, и удостовѣриться въ его любви, по тому, что въ томъ состояла единственная моя цѣль. Побѣда, которую подала я ему поводъ одержать въ тотъ же день, была отложена мною подъ нѣкоторыми предлогами. На завтра онъ пришелъ, и я продолжала принимать его съ нѣжностiю, но не перемѣняя принятаго мною намѣренiя, ничего ему, кромѣ пустыхъ вѣжливостей не оказывать. Мои обыкновенные любовники хотя и показывали отъ того ревность, но я принудила ихъ молчать. Мало по малу сiя новая связь учинилася для меня важнымъ дѣломъ, и по тщеславiю ли, или по склонности, непремѣнно я

хотѣла имѣть любовникомъ Француза, изъ любви къ самой себѣ. Однако же я не примѣчала въ его стараніяхъ, и даже въ знакахъ страсти, о коей онъ со мною изъяснялся, ничего такого, по чему бы могла почесть оную искреннюю. Первая моя мысль о его свойствѣ день отъ дня новыми доказательствами подтверждалася; онъ былъ корыстолюбивъ, жаденъ къ выигрышу въ малѣйшихъ и бездѣльныхъ играхъ, грубъ, когда щастіе ему не благопріятствовало, и въ такомъ случаѣ столь же мало снисходителенъ ко мнѣ, какъ и ко всѣмъ прочимъ: съ такими дурными свойствами не переставалъ онъ казаться мнѣ любезнымъ. Одинъ изъ его соперниковъ сказалъ мнѣ однажды, что освѣдомился о немъ у находящихся въ Лондонѣ Французовъ, и узналъ отъ нихъ, что онъ человѣкъ самой подлой и безчестной, который къ содержанію своему не имѣлъ другихъ способовъ, кромѣ смѣлости и

мошенничества, и что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ избѣгая наказанія за всѣ плутни, учиненныя имъ во Франціи. Все сіе почла я за сущую клевету, изобрѣтенную ненавистью ревниваго любовника. Сверьхъ же того моя собственная совѣсть была столько замарана, что я не могла надмѣру строго осуждать дурное поведеніе другихъ. Нѣсколько недѣль прошло между тѣмъ, я не могла болѣе бороться съ моимъ нетерпѣніемъ, и рѣшилась пренебречь всѣ причины, учинившія меня столь разборчивою, какъ одна изъ моихъ служанокъ прибѣжала сказать мнѣ, что другая изъ моихъ дѣвокъ завернула тайно въ узелъ все свое платье, и въ томъ числѣ множество вещей, мнѣ принадлежащихъ, и что судя по тѣсному знакомству ея съ Французомъ, которой былъ почти безъ выходно въ моемъ домѣ, можно было догадаться, что она собиралася съ нимъ уѣхать. Громовой ударъ не столько бы меня поразилъ, какъ сія

вѣсть. Я готовилась поступить съ симъ вѣроломнымъ, какъ съ обожаемымъ любовникомъ въ слѣдующую же ночь. Но тогда гнѣвъ мой дошелъ до бѣшенства, я велѣла призвать ту дѣвку къ себѣ, и сказала ей, что знаю о ея воровствѣ и намѣреніи, что я могу ея предать немедлѣнно въ руки правосудія; но что готова простить ея, съ нѣкоторымъ условіемъ, а имянно, чтобъ она искренно призналась въ своей винѣ. Страхъ наказанія понудилъ ее признаться, что Французъ склонилъ ее множествомъ обѣщаній, оставить съ нимъ Англію, что все къ отъѣзду ихъ было назначено завтрѣшній день, что она по совѣту его украла у меня все, что ей въ руки попалось, и что они не только уговорились въ слѣдующую ночь покрасть всѣ мои драгоцѣнные каменья, но и меня умертвить, естьли я проснусь, когда они войдутъ въ мою спальню, для отпиранія сундуковъ и шкафовъ. Учинивъ сіе при-

знаніе, бросилась она къ моимъ ногамъ, увѣряя меня, что она всегда меня любила, и что не понимаетъ, какою адскою хитростію могла быть приведена въ искушеніе. Я простила ее съ тѣмъ однимъ условіемъ, чтобъ она не открывала вѣроломцу, что мнѣ измѣна его извѣстна. Я приказала ей даже поступать съ нимъ по прежнему, и не показывать ни малѣйшаго вида, а сама заперлась одна, дабы выдумать, какъ ему отмстить. Я уже многія мщенія учинила, кои мнѣ не столь справедливыми казались. Презрѣнная моя любовь была причина, гораздо сильнѣйшая корысти: я заключила наконецъ умертвить сего измѣнника собственными моими руками. Однако же вспомнивъ все то, что я для него претерпѣвала, находила я несправедливымъ, чтобъ онъ умеръ, не удовлетворивъ моему желанію. Я вознамѣрилася проводить съ нимъ ночь, а по утру удавить его на моей постелѣ. Затрудненіе сто-

ило только въ томъ, какимъ бы образомъ скрыть мое злодѣйство; но я по щастію и въ томъ успѣла, съ помощію моей горничной дѣвки, которая давно уже была наперстницею всѣхъ моихъ таинъ, и помогала мнѣ во многихъ сего рода приключеніяхъ.,,

Таковы были отъ части признанія Молли Сиблисъ. Допросъ ея представленъ былъ Королю, и нѣсколько дней прошло въ разсматриваніи онаго. Весь городъ былъ въ великомъ нетерпѣніи видѣть конецъ сего произшествія, какъ услышали вдругъ безъ всякаго изъясненія, что приговоръ ея перемѣненъ, и что Молли Сиблисъ, вмѣсто висѣлицы, отправляется въ Америку на поселеніе. Столь мало ожидаемая перемѣна усугубила любопытство публики. Поелику же не видно было, чтобъ ея новой допросъ произвелъ какое либо другое дѣйствіе; то все и подумали, что друзья преступницы употребили сіе время для возобновленія при Дворѣ

своихъ прозьбъ, и что въ награду за чистосердечное раскаяніе ея, доказанное признаніемъ во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, Монархъ облегчилъ жестокость ея приговора. Но вдругъ новое происшествіе погрузило всѣхъ въ новое недоумѣніе. Въ скоромъ времени отправлялся корабль въ Америку, нагруженный Салцебургскими выходцами, и добровольно отправляющимися на поселеніе Агличанами, коихъ число было очень велико. Молли Сиблисъ посажена была на тотъ же корабль, чтобъ ѣхать съ ними. Но въ самую ночь того дня, въ которой пришла она на корабль, многочисленная толпа вооруженныхъ и маскированныхъ людей приплыли къ кораблю въ шлюбкѣ, и увезли ея съ корабля силою. Послику сія дерзость и насиліе не обошлися безъ кровопролитія; то одинъ изъ похитителей получилъ жестокую рану, которая не позволила ему удалиться съ прочими, такъ, что онъ остался

плѣнникомъ, а товарищи его того и не примѣтили. Всевозможное старание употреблено было вывѣдать отъ него о семъ дѣлѣ; но онъ столь твердо противился всѣмъ угрозамъ, что въ наказаніе, какъ за его упрямство, такъ и за сдѣланное преступленіе, отправили его вмѣсто Молли Сиблисъ на поселеніе. Послѣ сего разнесся слухъ, что онъ показывалъ видъ благороднаго человѣка, что судьи, приговорившіе его къ поселенію, вѣдали даже его имя, хотя и притворились, будто его со всѣмъ не знаютъ. Такимъ образомъ щастливая Молли получила и жизнь и свободу. Надъ чѣмъ женщины торжествовать не могутъ, будучи одарены прелестями красоты и разума? Молли не только избѣжала отъ строгостей правосудія; но даже преклонила въ свою пользу всю публику, такъ, что всѣ радовалися ея освобожденію. Сіе последнее чувствіе тѣмъ страннѣе дол-

жно казаться, что всѣмъ извѣстны были ея злодѣянія и безпорядочная жизнь.

Октай Ханъ, сынъ Чингисъ Хана, въ тритцатомъ столѣтіи.

1. Проходя чрезъ рынокъ своей Столицы, Октай Ханъ увидѣлъ продающіеся яблоки, и приказалъ одному чиновнику купить ему оныхъ. Офицеръ повиновался, и принесъ множество яблоковъ. Октай сказалъ ему: я сужу по количеству сему, что это стоитъ больше одного балиша. Офицеръ думая подслужиться, сказалъ, что они и четверти балиша не стоятъ. Октай съ гнѣвомъ отвѣчалъ: никогда моего сана покупщикъ не проходилъ мимо лавки сего купца; я тебѣ повелѣваю отнести ему десять балишей.

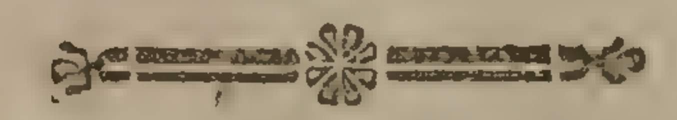
2. Нѣкоторой купецъ потерялъ кошелекъ, наполненный деньгами и довольнымъ числомъ драгоцѣнныхъ

камней; для скорѣйшаго же найденія онаго, обнародовалъ онъ, что обѣщается дать половину тому, кто ему оной принесетъ. Одинъ Магометанецъ нашедши тотъ кошелекъ, принесъ его къ нему; но онъ не хотѣлъ ничего ему дать, сказавъ, что многаго въ кошелькѣ не доставало. Дѣло сіе дошло до Октай Хана, которой захотѣлъ самъ разсудить оное, и велѣлъ призвать ихъ къ себѣ обѣихъ. Магометанинъ божился, что онъ изъ кошелька ничего не взялъ; а купецъ утверждалъ подъ клятвою, что въ немъ было больше денегъ и каменьевъ. Наконецъ Октай Ханъ рѣшилъ сей споръ такимъ образомъ: сказавъ Магометанину, возьми кошелекъ къ себѣ, и храни его до тѣхъ поръ, пока тотъ, кому оной дѣйствительно принадлежитъ, придетъ къ тебѣ за нимъ; а ты сказалъ купцу, ищи индѣ потерянная тобою кошелька; ибо ты самъ теперь признался, что кошелекъ етотъ не твой.

3. Нѣкоторой купецъ поднесъ ему богатую шапку, въ то время, какъ онъ былъ за столомъ немного разгоряченъ виномъ: шапка ему понравилася, и онъ тотчасъ велѣлъ написать записку купцу, для полученія двухъ сотъ балишевъ. Записка была немедлѣнно написана, и отдана купцу; но Казначеи, отъ которыхъ должно ему было получить сіи деньги, не заплатили ему оныхъ, видя, что того было чрезмѣрно много за шапку, и что видно Ханъ, будучи нѣсколько хмѣленъ, о томъ не разсудилъ. Купецъ на другой день пришелъ, а Казначеи подали записку Хану, которой очень твердо помнилъ, что онъ самъ приказалъ написать оную; но вмѣсто двухъ сотъ балишевъ велѣлъ онъ поставить три ста. Казначеи опять не исполнили его приказаніе; купецъ принесъ на нихъ жалобу Хану, которой приказалъ дать ему третью записку, для полученія шести сотъ балишей, кото-

рые. Казначеи принуждены уже были заплатить. Октай, весьма кроткій Государь, не разгнѣвался на нихъ за замедлѣніе выполнить его повелѣніе; но только спросилъ у нихъ: естьли что на свѣтѣ вѣчное? Они отвѣчали, что нѣтъ ничего. Вы ошибаетесь, отвѣчалъ Октай, добрая слава и напоминаніе благодѣяній должны вѣчно продолжаться. Но вы медленностью вашею, въ исполненіи благотвореній моихъ, думая, что я то дѣлаю отъ пьянства, показываете, что вы мои враги; поелику не хотите, чтобъ обо мнѣ въ свѣтѣ говорили.

Продолженіе впредь.

О ИГРАХЪ ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ.

Игры Олимпійскія торжествовалися въ Пизѣ, въ честь Юпитеру; игры Пиѳійскія въ Дельфахъ, въ честь Аполлону; Истмійскія въ Коринѳскомъ перешейкѣ; Панаѳинейскія въ Аѳинахъ, въ честь Минервѣ; Немейскія въ Аргосѣ; Олимпійскія такъ же въ Аѳинахъ; Панеллинскія, то есть всей Греціи, въ томъ же городѣ; Елевсинейскія, такъ же въ Аѳинахъ; Иракліанскія, въ честь Ираклу, или Геркулесу, въ Аѳинахъ; Трофонскія въ Левадіи; Елевѳерійскія въ Платеѣ; Пиѳійскія въ Милетѣ въ Іоніи, тѣ же въ Магнезіи, простыя или общія Азійскія въ Филадельфіи; игры Актіанскія, въ честь Аполлону, въ Никополѣ; Пиѳійскія въ Сидѣ, тѣ же въ Паргѣ, тѣ же въ Ѳессаловикѣ; Ескулапіанскія, въ честь Ескулапію, въ Епидаврѣ; Капитолинскія въ Римѣ; тѣ, кои называлися Евсевія, въ Пуцолѣ; игры въ честь Кесарей въ Неаполѣ.

Между сими различными играми, Греки отличали четыре изъ самыхъ древнѣйшихъ, и торжествовали оныя съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ: Олимпійскія, Пиѳійскія, Немейскія и Истмійскія. Игры Олимпійскія суть славнѣйшія, и можетъ быть древнѣйшія изъ всѣхъ, въ Греціи бывшихъ. Славу изобрѣтенія оныхъ приписываютъ Иракду Идеянскому, назвавшему ихъ Олимпійскими. Другія же говорятъ, что Юпитеръ, одержавъ побѣду надъ Титанами, самъ учредилъ сіи игры.

Не должно воображать, чтобъ сіи игры съ начала перьваго своего установленія были торжествованы безпрерывно по назначеннымъ временамъ: они часто прерывалися, и даже весьма на долгое время; потомъ опять возобновлялися, и опять оставлялися, пока наконецъ совершенно утвердилися. Торжествованіе оныхъ совершалося чрезъ каждые четыре года въ пятый, въ перьвый мѣсяцъ пятаго года: вотъ для чего щиталося по

пяти лѣтъ отъ одной Олимпіяды до другой, хотя въ самомъ дѣлѣ было между ими разстоянія только равно по четыре года.

Поелику большая часть сихъ игоръ, по крайней мѣрѣ въ Греціи, были установлены Ироями въ важныхъ случаяхъ, то они и сами въ оныхъ сражалися; а потомъ въ народѣ и разсѣялось преданіе, что Сатурнъ, Юпитеръ и прочіе боги оспоривали въ старину на оныхъ побѣду и владѣніе вселенною. Вельможи, и сами даже Цари на оныхъ препиралися, то скакали на лошадяхъ, то на колесницахъ, запряженныхъ въ двѣ или четыре лошади; между тѣмъ, какъ не столь благородныя упражненія, какъ то, борьба, кулачной бой и прочіе предоставлялися народу и Гладіаторамъ, кои изъ всѣхъ послѣднее занимали мѣсто, и сраженіе ихъ почиталося презрительнѣйшимъ.

Сіи упражненія раздѣлялися обыкновенно на три розряда: на риста-

нія, на сраженія и на позорища; отъ чего и произошло названіе оныхъ гимнастическими, коимъ обыкновенно всѣ онѣ назывались, и кои состояли изъ сраженій и борьбы, какъ между людьми, такъ и между пріобученными къ тому животными; и сіи побоища произходили въ Амфитеатрѣ, посвященномъ Марсу и Діанѣ. Слово *Гимнастикъ* есть Греческое, и значитъ *нагой*; ибо въ такомъ-то положеніи бойцы сражалися, по крайности съ тѣхъ поръ, какъ Оркипъ, славный боецъ, запутался въ платьѣ, что и воспрепятствовало ему одержать побѣду; сіе случилось въ тритцать вторую Олимпіяду. Игры Грековъ состояли въ разныхъ тѣлесныхъ упражніяхъ, кои всѣ способствовали оказывать силу, проворство и гибкость тѣла. Офманъ въ словарѣ своемъ простираетъ число сихъ разныхъ упражненій до пятидесяти пяти; но обыкновеннѣйшіе были: ристаніе, прыганіе, метаніе кружковъ, борьба, копье и

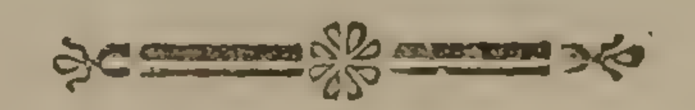
кулачной бой, и сіи упражненія сосшавляли шакъ называемый *Пентатлъ*. Въ позорищныхъ же играхъ было пѣніе, музыка и трагедіи, въ коихъ музыканты и стихотворцы старались каждой одержать побѣду. Сіе препираніе весьма есть древнее, поелику упоминаепіся объ ономъ въ играхъ торжествованныхъ Аргонавтами.

Въ послѣдствіи начали сооружать, а особливо въ большихъ городахъ, мѣста, удобныя къ торжествованію оныхъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ, и мѣста сіи называлися разными именами. Въ Пизѣ мѣсто игръ Олимпійскихъ называлося *стадія*, въ Римѣ *цирка*, въ Константинополѣ *ипподрома*. Мѣста сіи были пространны, и болѣе длинны, нежели широки, однимъ словомъ таковы, какія потребны для ристанія.

Для позорищныхъ игръ сооружалися театры; а для побоищъ Гладіаторовъ между собою и съ дикими звѣрями, дѣлалися особыя мѣста, на-

зываемыя лобными мѣстами, коллизеями и проч. Въ тѣхъ и въ другихъ зданіяхъ было надѣлано довольное количество ложей и иныхъ мѣстъ, въ кои зрители приходили по небольшимъ лѣстницамъ, въ стѣнѣ сдѣланнымъ. Мѣста сіи были раздѣлены по разнымъ состояніямъ и знатности людей, оныя занимающихъ. Стеченіе народа было всегда весьма многочисленно: ибо Греки и Римляне любили такія позорища; особливо же послѣднія охотники были смотрѣть на побоища Гладіаторовъ съ неизрѣченнымъ удовольствіемъ. Они ничего не щадили, дабы достать лютѣйшихъ и рѣдчайшихъ звѣрей, и привозили оныхъ иногда изъ средины Африканскихъ степей, хотя имъ то весьма дорого стоило. Послику въ нѣкоторыхъ изъ сихъ мѣстъ дѣлали Римляне иногда *навмахіи*, то есть позорища морскихъ сраженій, или *судоборство*; то приводили туда воду въ такомъ великомъ количествѣ, и

пространство, оною занимаемое, столь было обширно, что многіе галеры дѣлали на сихъ мѣстахъ всѣ свои обороты, такъ, что представляли со всякимъ правдоподобіемъ зрѣлище настоящаго морскаго сраженія.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ РАЗСУЖДЕНІЙ О НѢКОТОРЫХЪ НЕИМОВѢРНЫХЪ ДѢЯНІЯХЪ И СКАЗАНІЯХЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

Плиній и Валеръ Максимъ дали намъ понятіе о красотѣ нѣкоторыхъ древнихъ картинъ. Какъ-то: Зевксисовъ виноградъ, которой птицы прилѣтали клевать; Парразіевъ занавесъ, которой тотъ же Зевксисъ хотѣлъ отдернуть, кобыла, заставившая ржать лошадей, и собака, на которую живыя собаки лаяли. Я не смѣю увѣрить, что все то ложно, что повѣствуютъ намъ о сихъ картинахъ;

но кажется мнѣ, что многое къ тому и прибавлено. Еліянъ, говоря о началѣ сего художества, сказываетъ, что живописцы были въ то время столь неискусны, что должны были подписывать подъ своими картинами: *ето быкъ, а ето лошадь*, и проч. Свидѣтельство, подобное Еліянову, весьма рѣдко; ибо древніе безпрестанно превозносятъ чрезмѣрными похвалами науки и художества своего времени, или предшедшихъ вѣковъ, хотя сіи науки и художества были еще во всей слабости, и такъ сказать, въ пеленкахъ; они даже приписывали искуству и дарованіямъ людей то, что сдѣлалось отъ нечаянности. Сіи усердные ласкатели древности суть въ особливости, Плутархъ, Пливій и Валеръ Максимъ. Они-то предали намъ столь великое число любопытныхъ изысканій, въ числѣ коихъ суть и слѣдующія: Плутархъ разсказываетъ, что одинъ живописецъ написалъ лошадь совершенную въ статяхъ

и въ цвѣтѣ шерсти; но что пѣна, которая бываетъ на удилахъ, когда лошадь оныя грызетъ, и которая упадаетъ у нее изъ рота, когда она форкаетъ, не нравилась ему, то есть такъ, какъ онъ ее изобразилъ. Онъ смывалъ ее многократно, но наконецъ вышедъ изъ терпѣнія, бросилъ въ картину губкою, которая, будучи напоена всякаго цвѣта красками, попала въ ротъ лошадѣ, и изобразила совершенно хорошо то, что живописцу хотѣлось.

Плутархъ и Валеръ Максимъ не сказываютъ намъ о имени сего штукаря. Діонъ Хризостомъ говоритъ, что то былъ Апеллесъ. Плиній же называетъ его Неалкомъ, и повѣствуетъ, что то же самое случилось съ Протогеномъ, которой не могъ изобразить пѣну собаки такъ, какъ ему хотѣлось. Вотъ тутъ и выходитъ противорѣчіе, и слѣдовательно раждается сомнѣніе въ истиннѣ сего произшествія. Таковыя противорѣчія

обыкновенно встрѣчаются тогда, какъ Господа Историки уставъ писать дѣло, захотятъ позабавиться какою ни будь увеселительною сказочкою.

Кажется, слыша сихъ писателей, что столь же трудно изобразить пѣну собаки или лошади, какъ съѣздить въ Луну; и что не льзя больше похвалить живописца, какъ сказавъ о немъ: вотъ то-то прямо живописецъ, онъ умѣетъ совершенно представить пѣну лошадиную и собачью! Что до меня касается, то я увѣренъ, что нѣтъ нужды въ отмѣнномъ дарѣ для такого изображенія. Наши ученики въ живописи могутъ съ успѣхомъ оное учинить, не ломая себѣ голову и не бѣсясь. Я удивляюсь, какъ сіи Авторы не догадывались, что вмѣсто того, чтобъ подать намъ высокое мнѣніе о Неалкѣ, Протогенѣ и Апеллесѣ, представляютъ ихъ намъ полоумными, безъ воображенія, и неспособными къ простѣйшимъ и легчайшимъ вещамъ.

Замѣтимъ съ Плутархомъ и Валеромъ Максимомъ, что сія губка была напоена всякими красками; она была мокра, когда оставила на картинѣ довольно бѣлой краски, для изображенія пѣны. Вѣроятно ли что другія краски къ картинѣ не пристали? Я удивляюсь равномѣрно искуству живописца, что онъ, такъ сказать, приложился ко рту лошади, и выстрѣлилъ въ нее губкою. Вотъ то-то прямо были умные люди сіи древніе! Сколько они имѣли предъ нами преимуществъ! Природа, казалось, всѣми силами старалась отвратить отъ нихъ всѣ препятствія, и всѣ обстоятельства обращена въ ихъ пользу. Малѣйшія ея произведенія запечатлѣны были снисхожденіемъ ея къ древнимъ, и старалися вмѣстѣ съ нею имъ услуживать. Доказательство тому представляетъ намъ Страбонъ: онъ не Стихотворецъ, но Историкъ и Географъ, столь знаменитый, что не льзя опровергнуть по-

вѣствуемаго имъ. „У Локріянъ, гово-
„ритъ онъ, показывали статую Ев-
„нома, держащаго лютню, на кото-
„рой изображенъ былъ кузнечикъ;
„причиною тому, повѣствуетъ Ти-
„мей, что Евномъ Локріянецъ и А-
„ристонъ, родомъ изъ Калабріи, на
„Пиѳійскихъ играхъ спорили о пре-
„имуществѣ игранія на лютнѣ: Арис-
„тонъ просилъ Дельфіянъ быть ему
„благосклонными, тѣмъ паче, что вся
„его семья посвящена была Аполло-
„ну. Евномъ, однако же, одержалъ
„побѣду, и ему въ отечествѣ его
„воздвигнули статую, по тому, что
„во время игранія, струна на лютнѣ
„его порвалася; но кузнечикъ сѣлъ
„на лютню, и точно запѣлъ голо-
„сомъ порванной струны!„

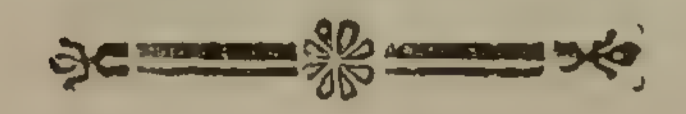
Вотъ прекрасная симфонія! Куз-
нечикъ сей видно былъ музыкантъ?
Но въ томъ нѣтъ никакого сомнѣ-
нія. Я не вѣдаю, на какомъ мѣстѣ
лютни сей музыкантъ сѣлъ? на кон-
цѣ ли, на колкахъ, или на струнахъ?

Сіе весьма бы нужно было узнать; но поелику умъ мой въ семъ случаѣ не столь проницателенъ, какъ сего насѣкомаго музыканта; то я ему и уступаю. Скажу только то, что я всегда остерегаюсь отъ желанія Г. древнихъ, позабавиться на щетъ нашего легковѣрія.

Еліянъ говоритъ, что въ Сардиніи, по сказанію Нимфодора, родятся козы, коихъ кожи служатъ одеждою жителямъ сего острова, что сіи кожи имѣютъ свойство зимою грѣть, а лѣтомъ холодить, и что шерсть бываетъ длиною въ аршинъ. Такимъ образомъ, употребляющіе оныя на одежду свою, могутъ по своему желанію, во время стужи оборачивать ихъ къ тѣлу шерстью, а когда жарко, то навыворотъ. „ Сардинія близко Италіи: слѣдовательно, можно испытать, справедливо ли сіе. Я удивляюсь, что Италіянскіе города не запасутся сими кожами, по край-

ней мѣрѣ, для чего бы не имѣть оныхъ знатнымъ Господамъ? Но они увѣряютъ насъ, что никогда оныхъ не видывали, и что сіи козы, кожи ихъ и шерсть, суть ничто иное, какъ прибавленіе къ Бовѣ Королевичу.

Продолженіе впредь.

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ О ГЛАВНѢЙШИХЪ ИЗОБРѢТЕНІЯХЪ ВЪ НАУКАХЪ И ВЪ ПОЛЕЗНЫХЪ ХУДОЖЕСТВАХЪ, СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ИМЯНЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ИЗОБРѢТАТЕЛЕЙ.

Аберрація, или кажущееся движеніе Неподвижныхъ звѣздъ. Симъ открытіемъ обязаны мы Г. Брадлею, которой далъ о томъ Ѳеорію въ 1727 году; а въ 1737 году онъ же открылъ перемѣнность наклоненія земной

оси къ плоскости екліптики, коея періодъ содержитъ девять лѣтъ.

Древесная губка. Вяжущее оное свойство было найдено Г. Бросаргомъ, Лѣкаремъ въ провинціи Берри. Король купилъ у него сей секретъ, и немедлѣнно обнародовалъ. Пріуготовленная древесная губка есть превосходное лѣкарство для остановленія кровотеченій въ отрѣзаніи членовъ и проч.

Магнитъ. Увѣряютъ, что ежели кто носитъ на себѣ оправленный магнитъ, то сіе препятствуетъ дрожанію нервовъ. Увѣряютъ также, что въ Вѣнѣ, Столицѣ Австрійской, производятъ удивительныя исцѣленія посредствомъ многихъ художественныхъ магнитовъ, прикладывая оные къ больнымъ мѣстамъ.

Г. *Кантонъ*, Агличанинъ, изобрѣлъ въ 1771 году искуство дѣлать

художественные магниты, и обнародовалъ сію тайну.(*)

Перегонятельной кубъ, посредствомъ горячаго пѣску, или кипящей воды, изобрѣтенъ въ 1765 году.

Минеральный алкали, или щелокъ: найдено, что онъ со всемъ готовый содержится въ растѣніяхъ, и нашли способъ извлекать его изъ оныхъ безъ сожиганія и изпепеленія, или преобращенія въ пепелъ. Симъ открытіемъ обязаны мы Г. Маргграфу въ 1773.

Алкали, лѣтучій Флуоръ. Употребленіе онаго въ *асфиксіи*, или въ величайшемъ степени обморока, открыто Г. Сажемъ, членомъ Французской Академіи наукъ въ Парижѣ, въ 1777.

Америка, четвертая часть свѣта. Христофоръ Колумбъ, Генуезецъ, от-

(*) Способъ, какъ дѣлать художественные магниты, сообщенъ будетъ впредь въ Ученой статьѣ.

крылъ оную въ 1492; а въ 1497 году, Америкъ Веспуцій, Флорентинецъ, приписалъ себѣ всю славу сего важнаго открытія, и неблагодарное къ Колумбу потомство назвало полсвѣта его именемъ. Однако же потомство *Бохейма* въ *Ниренбергѣ*, приписываетъ сію славу одному изъ предковъ своихъ, по имени *Мартыну Бохейму*, и утверждается на свидѣтельствѣ Пигафеты, современнаго Гишпанскаго писателя.

Анатомія, возобновилася въ Европѣ въ 1520 году, въ царствованіе Франциска I, и Карла V: ибо до того времени сія наука почиталася святотатствомъ; Андрей Вазалъ, урожденецъ города Брисели, есть перьвый возстановитель *Анатоміи*. Намъ остался запросъ Карла V, Саламанскимъ Богословамъ, въ которомъ онъ вопрошалъ ихъ: можно ли, не оскорбя совѣсти, разнимать тѣло человѣческое, для узнанія строенія онаго?

Кольцо Сатурново. Гукгенсъ открылъ оное.

Изчезаніе онаго было наблюдаемо 12 Сентября, въ 1773 году 61, Месіеромъ. Послѣ предсказано было появленіе его на Генварь 1774 года, и дѣйствительно оно появилось 11 числа того мѣсяца, въ 4 часа по утру; но свѣтъ его былъ весьма слабъ.

Ареографъ, инструментъ для начертыванія дуги и всякихъ круговъ, изобрѣтенъ Батедѣемъ, Французскимъ Инженеромъ.

Ареометръ, (влагомѣръ или влаговѣсъ), изобрѣтенъ въ 1768 году Господиномъ Парсіе.

Огнестрѣльное оружіе, изъ коего можно выстрѣлить осмнатцать или дватцать разъ въ минуту, изобрѣтено Г. Фастингомъ, изъ Бергена въ Норвегіи, Полковникомъ пѣхотнаго полку. Сіе оружіе не тяжелѣе обык-

новеннаго солдатскаго ружья, и можно употреблять его какъ и простое ружье. — въ 1776 году.

Искуство печатать картины разными красками изобрѣтено въ 1626 году *Лостменномъ*, и усовершенствовано *Христофоромъ Леблондомъ*, изъ Франкфурта при Мейнѣ.

Искуство дѣлать превосходное вино изъ дурнаго винограда изобрѣтено *Моленомъ*. Онъ написалъ о томъ книгу, напечатанную въ 1773 году.

Артиллерія морская, посредствомъ которой канониры не будутъ подвержены непріятельскому огню; заряжать должно съ зади, и можно стрѣлять пять разъ противъ двухъ, не разгоряча нимало пушки. Сей способъ заключаетъ еще въ себѣ многія другія выгоды.

Астрономія. Іоганнъ Миллеръ,

извѣстный подъ именемъ *Регіомонта-нуса*, родомъ изъ Кенигсберга, небольшаго городка Франконской округи, былъ перьвый, которой по возрожденіи наукъ, прилѣжалъ къ Астрономическимъ наблюденіямъ. Онъ умеръ въ Бернѣ, въ 1476 году.

Ему обязаны мы употребленіемъ Тангентовъ въ Тригонометріи. Онъ перьвый включилъ въ Календарь теченіе Солнца, Луны и Планетъ; ибо до того времени Календарь ничего болѣе не содержалъ, кромѣ церковныхъ праздниковъ и имянъ Святыхъ.

Астрономія новѣйшая. Николай Коперникъ изъ Торуна въ Пруссіи, Каноникъ Вармикской. Умеръ въ 1543. Онъ есть отецъ новѣйшей Астрономіи, и Зодчій истинной системы міра.

Бассо Туба, духовой бассъ, которой сходитъ столь же низко, какъ бассъ, и поднимаетъ столь высоко, какъ флейта Онъ устроенъ особли-

вымъ способомъ, изобрѣтенъ Г. Лопомъ, инструментальнымъ мастеромъ въ 1772 году.

Суда на колесахъ, посредствомъ коихъ можно плыть противъ теченія рѣки, дѣлая въ часъ по пяти верстъ, изобрѣтены Г. Фридерикомъ, искуснымъ Дресденскимъ Механикомъ въ 1771.

Безоардъ носороговъ, вѣсомъ 78 унцій, хранится въ Парижѣ, найденъ въ 1768 году.

Библіотеки, книгохранилища. Плиній называетъ ихъ Арсеналами мудрости.

По примѣру Аристотеля, которой первый собралъ Библіотеку, Птоломей Лагъ началъ, съ помощію Димитрія Фалерія, собирать ту, которая столь долгое время учиняла городъ Александрію славнымъ, и была пріумножена внукомъ его Птоломѣемъ Филадельфомъ; онъ употребилъ на то

безчисленную сумму, и украсилъ е картинами и статуями славнѣйшихъ Греческихъ художниковъ. Она была сожжена.

Бура. Мы получаемъ ее изъ Китая. Г. Боме испытывалъ дѣлать оную, и говоритъ, что въ томъ успѣлъ въ 1768 году.

Ботаника. Леонардъ Фуксъ, Профессоръ Анатоміи въ Тубингѣ, умеръ въ 1565 году, онъ возобновилъ въ Европѣ ученіе Ботаники, или травознанія.

Компасъ изобрѣтенъ Маркомъ Павломъ въ 1260 году. Онъ потомъ былъ приведенъ въ совершенство, и необходимо нуженъ для мореплаванія. Примѣчено, что склоненіе магнитной стрѣлки, съ 1550, до 1554 года, было Восточное, что въ 1666 году игла склонялась прямо къ Полюсу, съ

того же времени до нашихъ дней склоненіе было Западное.

Солнечные часы введены опять въ употребленіе въ началѣ шестагонадесять столѣтія Севастіяномъ Мунстеромъ, изъ Ингельгейма въ Германіи.

Кофе. Перьвый Кофе былъ привезенъ въ Марселію въ 1644 году. Употребленіе онаго было введено во Францію только въ 1669 году, Мустафою Феруго, посланникомъ Магомета IV, съ тѣхъ поръ употребленіе онаго сдѣлалось общимъ во всей Европѣ, и сіе растѣніе весьма хорошо разплодилося въ Американскихъ селеніяхъ. Мартиникской Кофе есть второй въ добротѣ послѣ Мокскаго, привозимаго къ намъ изъ Аравіи.

Алгебра. Франдискъ Віетъ, рожденный въ Фонтенѣ ле Комтъ, въ нижнемъ Поату, изобрѣлъ въ 1520

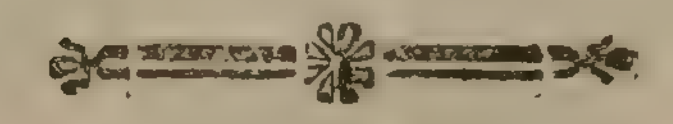
году Алгебру, которая иначе называется специальная Ариѳметика.

Пушки и ружья изобрѣтены въ 1338 году.

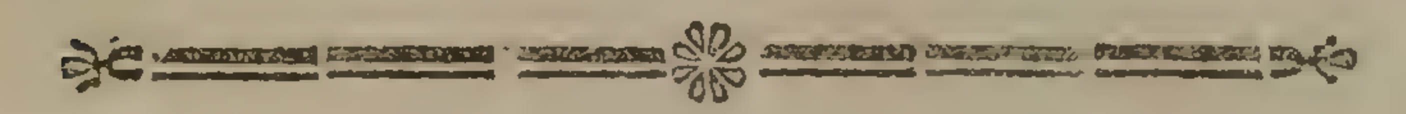
Карты игральныя изобрѣтены во Франціи Жакменемъ Грингонеромъ, живописцомъ, для увеселенія Короля Карла VI, въ болѣзни его, въ 1592 году, за десять лѣтъ до его смерти. Сія игра вошла въ великое употребленіе съ того времени во всей Европѣ.

Карты Лунныя или Селенографическія. Іоганъ Гевелій, Бургомистръ Данцигской, сдѣлалъ перьвый оныя въ 1747 году.

Продолженіе впредь.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

ОКОНЧАНІЕ АТАЛИДЫ.

Альманзина прежде побѣга своего оставила на столѣ, по среди бесѣдки находящемся, открытое письмо къ Султану. На завтра сей Государь пришелъ по обыкновенію видѣться съ Султаншею, но не нашедъ ея, велѣлъ искать по всему Сералю. Онъ вспомнилъ, что далъ ей ключь отъ бесѣдки, и думалъ, что она вѣрно тамъ; но не нашедъ ея, ужаснулся; смятеніе его еще болѣе умножилось, когда онъ увидѣлъ на столѣ бумагу, (то было письмо Альманзины). Оно было слѣдующаго содержанія:

Альманзина къ Государю и Повелителю своему Солиману.

,, Злощастная страсть, возгорѣвшаяся въ моемъ сердцѣ прежде, не-

„желій испытала я милости Вашего „Величества, воспрепятствовала мнѣ „отвѣчать вашей любви. Справедли- „вость требуетъ, чтобъ я предупре- „дила заслуживаемое мною наказаніе, „и которому бы вы имѣли право ме- „ня подвергнуть: сія причина побу- „дила меня броситься въ море. Над- „мѣру щастливою себя почту, есть- „ли симъ противъ самой себя пос- „тупкомъ могу доказать Вашему „Величеству, что вы не должны ви- „нить меня въ невольныхъ чувствi- „яхъ. Аталида съ своей стороны пред- „почитая смерть рабству, послѣдова- „ла моему примѣру. Прими, Госу- „дарь, послѣдніе знаки моего отчая- „янія, и той горести, что я долж- „на казаться неблагодарною противъ „величайшаго и любезнѣйшаго Госу- „даря въ свѣтѣ.„

Альмайзина.

Султанъ читавъ сіе письмо мно- гократно, не могъ подумать, чтобъ Альмавзина предпочла смерть щастію

ему нравиться. Перьвая мысль, которая ему пришла, состояла въ томъ, что конечно Визирская дочь имѣла съ отцомъ своимъ переписку, посредствомъ черныхъ невольниковъ, что сообщала оныя письма Альманзинѣ, и что онѣ обѣ вмѣстѣ приняли мѣры къ побѣгу изъ Сераля. Едва не приказалъ онъ мучить всѣхъ невольниковъ, столь жестокимъ образомъ, чтобъ они принуждены были признаться; но находя надмѣру жестокимъ поступокъ сей, чтобъ за одного виновнаго пожертвовать толикимъ числомъ правыхъ, разсудилъ онъ лучше послать въ домъ Визиря, и приказалъ привести его къ себѣ и съ сыномъ. Сіе повелѣніе было съ поспѣшностію исполнено; но Визирь находясь въ безпрестанномъ волненіи и безпокойствѣ, съ тѣхъ поръ, какъ сынъ его былъ въ Сералѣ, при перьвомъ шумѣ побѣжалъ въ садъ, и былъ столько счастливъ, что спасся бѣгствомъ прежде, нежели посланные

отъ Султана успѣли заградить ему путь. Султанскіе посланные нашли только одного мнимаго Ахмета, лежащаго на софѣ въ нижней галлереѣ; онъ выходилъ оттолѣ, дабы узнать, что было причиною шума, какъ его схватили, и повели къ Султану.

Какъ скоро Солиманъ услышалъ о побѣгѣ Визиря, то еще болѣе утвердился въ тѣхъ мысляхъ, что онъ бѣжалъ съ дочерью своею и съ Альманзиною, и что онъ-то доставилъ къ тому способы. Онъ приказалъ начальнику Евнуховъ отвести Ахмета въ тюрьму, и тамъ причинять ему всевозможныя мученія, до тѣхъ поръ, пока онъ объявитъ, гдѣ его отецъ и сестра.

Али пошелъ исполнять приказаніе Султанское; но какъ только хотѣлъ наложить руку на мнимаго Ахмета — не приближайся ко мнѣ, сказала она, я дѣвица; такія наказанія не приличны моему полу; представь меня Султану, я хочу съ нимъ гово-

рить, или умертви меня. Въ то самое время сняла она свою чалму, и длинные ея волосы разсыпались по плечамъ ея. Изумленный Евнухъ возвращался къ Султану съ симъ извѣстіемъ, и дабы спросить у него, что онъ прикажетъ дѣлать.

Сей Государь велѣлъ немедленно представить предъ себя сію нещастную дѣвицу: я хочу самъ, говорилъ онъ, изъяснить сіе чудное произшествіе. Али привелъ ее къ Султану.

Аталида, съ распущенными волосами, потупя глаза, съ кроткимъ и благороднымъ видомъ, предстала. Солиманъ, пораженный красотою ея, какъ молніею, не могъ обуздать перваго родившагося въ немъ движенія, и бросился къ ея ногамъ просить прощенія. Легко можно себѣ представить, каково было удивленіе сей любезной дѣвицы, когда она увидѣла въ семъ положеніи того, кто столь недостойно съ нею поступилъ; и

передъ коего привели ее какъ преступницу, ожидающую смерти, хотя она и не вѣдала своего преступленія. Единая довѣренность ея къ своей невинности, заставила ея просить позволенія говорить съ Султаномъ, не надѣяся, чтобъ онъ захотѣлъ ея слушать; но даже раскаевалася уже въ томъ, когда ее къ нему привели. Страхъ и смятеніе столько стѣснили ея сердце, что она упала въ обморокъ, и прекрасное ея лице покрылося смертною блѣдностію. Султанъ употребилъ всѣ нѣжнѣйшія старанія, для приведенія ея въ память; и мало по малу краска вступая въ ея губы, дала знать, что ей стало лучше.

Аталида открыла наконецъ свои прекрасные глаза; и пришедъ совершенно въ память, устыдилась нѣсколько, что она въ мужскомъ платьѣ. Султанъ велѣлъ принести ей великолѣпную одежду, и отвелъ ее самъ въ тѣ комнаты, гдѣ жила прежде Альманзина, прося ее успокоиться. По-

томъ притворился онъ, что идетъ въ свои комнаты, дабы ее не безпокоить; но остался съ Алiемъ въ ближайшемъ покоѣ.

Сколь она прекрасна! говорилъ Алiю Султанъ, какъ я пораженъ ею! и какъ боюсь, что сдѣлался ей противенъ чрезъ мой жестокой съ нею поступокъ! она станетъ меня бояться; а любовь и страхъ не бываютъ вмѣстѣ. Государь, говорилъ ему Али, вы не такъ любите, какъ Султану прилично; снисхожденiе ваше къ Альманзинѣ подало ей дерзость васъ оскорбить. Можетъ быть я и виноватъ, что такъ поступалъ съ Альманзиною; но съ сею поступая такъ, я правъ; она въ перьвый разъ увидѣла меня, какъ своего гонителя; я причиною ея жалобъ, и боюсь, чтобъ черные невольники не надмѣру много причинъ ей къ тому подали. Нѣтъ, Государь, она не дала намъ времени исполнить вашихъ повелѣнiй. Мои приказанiя, отвѣчалъ съ гнѣвомъ Сул-

танъ, касалися до Ахмета, а не до нее. Государь, сказалъ Али, теперь мы вѣдаемъ о вашихъ чувствіяхъ; и наше почтеніе къ ней будетъ равно нашему къ вамъ повиновенію.

Султанъ далъ знакъ Евнуху, чтобъ онъ удалился, и приказалъ ему дать знать, что онъ проводитъ ночь въ Сералѣ, въ комнатѣ невольницы Альманзины. Онъ не зналъ еще имени Аталиды; и хотя съ великимъ нетерпѣніемъ желалъ оное услышать; но страхъ, чтобъ ее не обезпокоить, принуждая много говорить, понудилъ его отложить до завтра удовлетвореніе своего любопытства.

Онъ говорилъ самъ въ себѣ: я былъ обманутъ Альманзиною отъ того, что я любилъ ее посредственно. Великая разница находится между страстью и простою склонностію; тотъ, кто не чувствовалъ тово и другова, не можетъ о томъ судить; мы слѣдуемъ склонности, но страсть насъ влечетъ; будучи не сильно по-

ражены, можемъ мы разсуждать, но сильная страсть заставляетъ насъ повиноваться, и ничто не можетъ ей прекословить. На примѣръ, не отъ меня уже зависитъ не быть здѣсь; смерть не столько люта мнѣ покажется, какъ удаленіе отъ сего мѣста. Но къ Альманзинѣ я сего не чувствовалъ, я видѣлъ ее съ удовольствіемъ; надежда, что ей понравлюсь, ласкала мнѣ; но я всякой день ее оставлялъ, и могъ заниматься дѣлами, въ ожиданіи того времени, какъ съ нею увижусь. Какая разность!

Между тѣмъ, какъ Султанъ занимался сими размышленіями, Аталида, волнуемая разными движеніями, не могла во всю ночь сомкнуть глазъ. Султанъ, коего она видѣла въ страхѣ, и почти не взглянула на него, безпрестанно въ умѣ ей представлялся; она съ удовольствіемъ приводила себѣ на память, что видѣла его у ногъ своихъ, и что онъ оказалъ сожалѣніе о ея состояніи. Она же-

лала на завтра его увидѣть, и найти любезнымЪ: вЪ сихЪ-то размышленіяхЪ прошла сія ночь.

КакЪ скоро начало разсвѣтать, то СултанЪ, которой не ложился, и не могЪ уснуть ни на минуту, услышалЪ встающую сЪ постели Аталиду, и идущую по своей комнатѣ, онЪ немедлѣнно вошелЪ кЪ ней. Аталида думая, что она одна, весьма испугалась почувствуя себя остановленною человѣкомЪ. Но СултанЪ сЪ нѣжностію ободрилЪ ее, и сказалЪ: что вы хотите дѣлать, сударыня? Кто можетЪ тревожить драгоцѣнный вашЪ сонЪ? Но вы отЪ меня идете прочь. Аталида узнавЪ его по голосу, отвѣчала на всѣ сіи вопросы, говоря: Государь, я не могу спать, и нетерпѣливо ожидаю дня, шла я открыть окно, чтобЪ посмотрѣть, не разсвѣтаетЪ ли, и прочитать утреннюю молитву; но откуда вы пришли? примолвила она; я думала, что кромѣ меня здѣсь никово

не было. Я не хотѣлъ никому ввѣрить старанія вамъ служить, отвѣчалъ Султанъ, и чтобъ не помѣшать вашему сну, я проводилъ ночь въ ближней комнатѣ; но любовь моя къ вамъ воспрепятствовала мнѣ болѣе удалиться. Государь, отвѣчала Аталида, я не долженствовала ласкаться, чтобъ вы въ меня влюбились; состояніе, въ которомъ вы меня видѣли, можетъ возбудить сожалѣніе, но кромѣ его, мнѣ кажется, не можетъ родить инаго чувствія. Я прошу васъ, сказалъ ей Султанъ, забыть, естьли можно, все прошедшее: вы возненавидите такого человѣка, которой причиня вамъ столько безпокойства и страха, немедлѣнно послѣ того говорить вамъ о любви. Мое невѣдѣніе извинительно, вы были взяты въ платьѣ человѣка меня оскорбившаго; я не могъ угадать, кто вы были; и теперь весьма любопытствую знать, что было причиною сего вашего переодѣванія. Государь, сказала Аталида,

я никогда не вѣдала тому причины, но донесу вамъ только, что отецъ мой велѣлъ мнѣ надѣть платье моего брата, и приказалъ мнѣ, тому уже многіе дни, пользоваться сходствомъ моимъ съ нимъ, и обманывать даже служителей нашихъ; знаю еще и то, что братъ мой одѣвшись въ мое платье, вышелъ изъ дому, не сказавшись мнѣ, и я съ тѣхъ поръ его не видала.

Такъ ты дочь Визирская? Такъ, Государь, я, отвѣчала Аталида, я думала, что вы это знаете. Черные спрашивали у меня отъ васъ, гдѣ невольница Альманзина; но я видѣла ее только одну ночь, и не могла ничего имъ о ней сказать. Я отдыхала на софѣ, когда ваши люди пришли въ домъ моего отца, взяли меня, и привели сюда какъ преступницу.

Я очень обязанъ, сказалъ Султанъ, Альманзинѣ за ея побѣгъ, которой доставилъ мнѣ щастіе видѣть

васЪ здѣсь; я желаю, чтобЪ сїе было вамЪ не противно, вы будете здѣсь самодержавною Повелительницею; все здѣсь, даже и самЪ я, вамЪ подвластно. Естьли ето такЪ, Государь, то сдѣлайте мнѣ милость, скажите, по какой причинѣ я здѣсь нахожусь, и за что вы прогнѣвались на меня, и столь недостойно со мной поступили.

СултанЪ разсказалЪ ей все случившееся, касательно ея, о сугубомЪ обманѣ Визиря, о побѣгѣ Альманзины сЪ мнимою Аталидою; потомЪ сказалЪ ей, что думалЪ, что Визирь ихЪ освободилЪ, что онЪ посылалЪ кЪ нему вЪ домЪ, чтобЪ его взять и удостовѣриться вЪ истиннѣ, что Визиря не нашли, но взяли ее, и привели вмѣсто брата ея Ахмета.

Визирь, сказала Султану Аталида, не имѣетЪ участїя вЪ побѣгѣ Альманзины; онЪ не выходилЪ сЪ двора сЪ того времени, какЪ вы ему опредѣлили домЪ его темницею, и я

удивляюсь, какъ посланные ваши его не нашли: но скажите мнѣ Государь, безъ сомнѣнія вы много любили Альманзину, когда съ такимъ старанiемъ ее искали? Я васъ тогда еще не видалъ, сударыня, отвѣчалъ Султанъ; но и кромѣ того, въ семъ поискѣ больше дѣйствовалъ гнѣвъ мой на Визиря, нежели любовь моя къ ней. Я думалъ даже въ ту минуту, какъ вы встали, сколько чувствуемое мною къ вамъ различествуетъ со склонностiю, которую имѣлъ я къ Альманзинѣ. Государь, сказала Аталида, развѣ можно переходить въ одну минуту отъ одной страсти въ другую? Нѣтъ, сударыня, не можно, отвѣчалъ Султанъ, когда бы страсти были равны; не льзя всякой разъ любить столько, сколько можно, хотя мы такъ и думаемъ; божимся въ томъ отъ чистаго сердца, но опытъ научаетъ насъ, что мы обмануты. И такъ вы думаете, Государь, сказала Аталида, что любите

меня гораздо болѣе, нежели любили Альманзину? Не только я такъ думаю, сударыня, отвѣчалъ Султанъ, но и увѣренъ въ томъ; сія то самая любовь, которую я къ вамъ чувствую, даетъ мнѣ знать, что я не любилъ Альманзину. Естьли это такъ, какъ вы говорите, Государь, то я буду очень щастлива; я почитала великою вѣтренностію столь частую перемѣну, и имѣла причину опасаться, что на другой же день найдется новый предметъ, которой изгонитъ меня изъ вашего сердца.

Я легко разсѣю ваши подозрѣнія, сударыня, отвѣчалъ ей Султанъ, естьли вамъ угодно, чтобъ я остатокъ дней моихъ посвятилъ на доказаніе вамъ, какія чувствія я къ вамъ имѣю.

Государь! Султанъ имѣетъ много иныхъ дѣлъ, отвѣчала ему Аталида, я буду весьма довольна и тѣмъ, чтобъ вы не отдавали другимъ тѣхъ часовъ, кои можете проводить въ Сералѣ. Султанъ отвѣчалъ на сіе нѣжное от-

крытіе живѣйшими увѣреніями. Аталида, пользуяся сими благосклонными минутами, начала говорить ему о Визирѣ, и стала просить ему прощенія. Султанъ радуясь, что можетъ дать ей сей знакъ власти ея надъ его сердцемъ, пожертвовалъ ей безъ всякаго труда своимъ гнѣвомъ, простилъ Визиря, и далъ ей позволеніе видаться иногда съ нимъ въ его присутствіи. Кромѣ сей милости, сей Государь присоединилъ къ чинамъ и титламъ Визиря должность Бостанжи Паши, то есть, Великаго садовника, которой даетъ входъ въ Сераль. Но оставимъ Султана и Аталиду наслаждаться ихъ блаженствомъ, и обратимся къ Альманзинѣ.

Она приплыла благополучно съ Ахметомъ къ хижинѣ рыбака, которой скрылъ ихъ обѣихъ въ одинъ маленькой чуланъ, куда клалъ онъ свои сѣти и прочія домашнія вещи, сказавъ имъ, чтобъ они не выходили оттуда, пока онъ по своему обык-

повелѣнію не продастъ въ городѣ рыбу свою; и самъ чрезъ нѣсколько часовъ по восхожденіи Солнца поплылъ въ городъ.

Альманзина начала тогда говорить слѣдующимъ образомъ: твоя правда Ахметъ, я не думаю, чтобъ мы были въ безопасности, и мнѣ кажется, что отсюда еще труднѣе вытти, нежели изъ Сераля. Ахметъ отвѣчалъ ей: нашъ великій пророкъ и твоя бодрость духа, доселѣ намъ руководствующіе, можетъ быть изведутъ насъ изъ сего опаснаго положенія.

Альманзина, подумавъ нѣсколько, продолжала: я помню, что видѣла у отца моего мазь, которую употребляли для невольниковъ, кожа у нихъ отъ того становилася чернѣе и свѣтлѣе; надлежитъ намъ оную сдѣлать: она можетъ скрыть насъ отъ тѣхъ, коихъ пошлютъ искать насъ; поелику же они будутъ насъ искать по одному только описанію, то посред-

стромъ сей мази никакъ они насъ не узнаютъ. Ето бы хорошо было, сказалъ Ахметъ, естьли бы мы и въ самомъ дѣлѣ были черны, и имѣли бы подобныя имъ черты; но цвѣтъ нашей кожи можетъ отъ того очень мало перемѣниться, и подастъ еще болѣе подозрѣнія; что до меня касается, то мое мнѣніе есть то, чтобъ намъ какъ можно больше скрываться. Естьли рыбакъ увидитъ кого нибудь идущаго къ нему насъ искать, то мы немедлѣнно сядемъ въ его лодку, и выплывемъ въ открытое море; только надлежитъ быть осторожнымъ, по щастію же нашему отсюда мы можемъ далеко видѣть, кто сюда плыветъ.

Естьли бы намъ можно было день и ночь быть въ лодкѣ, то ето было бы не худо, отвѣчала Альманзина но намъ необходимо надобно ночевать здѣсь, и насъ могутъ посланные дождаться; естьли же мы не можемъ придать себѣ цвѣтъ и черты

черныхъ, то по крайной мѣрѣ можемъ придать себѣ цвѣтъ народовъ живущихъ на берегахъ Коромандельскихъ, кои имѣютъ цвѣтъ смуглый, но притомъ хорошіе волосы и черты правильныя. Платья наши не примѣтны, ихъ бѣдность, соединенная съ симъ подкрашеніемъ, можетъ избавить насъ отъ строгихъ поисковъ. Альманзина позвала рыбакова сына, и послала его въ Константинополь за потребными къ составленію помянутой мази припасами. Между тѣмъ отецъ его возвратился изъ города, и сказалъ имъ, что онъ ни чего не слыхалъ, и что все было спокойно.

Онъ привезъ съѣстныхъ припасовъ; Альманзина и Ахметъ съ нимъ поѣли. Наконецъ пріѣхалъ сынъ рыбака весьма въ великомъ страхѣ, и разсказывалъ имъ, какое смятеніе происходитъ въ Константинополѣ: что гвардія Султанская окружила домъ Визиря, и что онъ видѣлъ, какъ вели его сына къ Султану, которой

въ ужасномъ гнѣвѣ находился; что онъ хотѣлъ его казнить, естьли не сыщетъ онъ ему Султаншу, которая съ помощію его бѣжала изъ Сораля. Потомъ обратясь къ Альманзинѣ, я думаю, сударыня, что это васъ ищутъ, и естьли пріѣдутъ сюда, то мы пропали.

Ахметъ при семъ извѣстіи почувствовалъ неизреченную горесть, онъ думалъ, что отецъ его и сестра претерпѣваютъ жесточайшее мученіе, и что ихъ пытаютъ, для узнанія такой вещи, о которой они нималаго не имѣютъ свѣдѣнія; онъ упрекалъ себя, что согласился на предпріятіе Альманзины. Пускай бы я тогда погибъ одинъ, говорилъ онъ, но не погубилъ бы съ собою Альманзину, отца и сестру.

Альманзина, съ своей стороны, почти то же думала. Любезной Ахметъ, говорила она ему, я не удивляюсь твоей печали, будучи на твоемъ мѣстѣ, я бы то же чувствовала;

но вотъ что болѣе меня огорчаетъ, что ты меня возненавидишъ, какъ виновницу всѣхъ бѣдствій твоего дому и твоихъ собственныхъ. Но разсуди, что все, что я ни сдѣлала, было для того, чтобъ быть твоею. Я ласкала себя, что Султанъ можетъ повѣрить, что я бросилася въ море, какъ то я къ нему и писала: не возможно было предвидѣть, чтобъ онъ взялъ подозрѣніе на Визиря, по тому, что мы не могли имѣть съ нимъ сообщенія. Но дѣло уже сдѣлано, и естьли только то надобно, чтобъ предать меня въ руки Султану, для отвращенія сего нещастія, то я охотно то учиню, и умерщвлю себя въ его глазахъ, лишъ бы только ты позволилъ мнѣ спасти твою жизнь. Такъ, я умерщвлю себя при немъ, ибо не могу рѣшиться попасть опять въ его власть, не взявъ нужныхъ предосторожностей, чтобъ онъ не могъ спасти мою жизнь, и простить мнѣ.

Я столько далекЪ отЪ того, чтобЪ тебя ненавидѣть, любезная Альманзина, продолжалЪ АхметЪ, что слова твои трепѣтать меня заставляютЪ; надлежитЪ покориться нашей судьбѣ, помышлять только о твоей безопасности, кЪ коей я не разлучно привязанЪ, и клянусь, что моя собственная безопасность по тому только мнѣ дорога, что и твоя сопряжена сЪ нею. Подумай же, что намЪ дѣлать: ибо я неспособенЪ ни кЪ чему теперь самЪ собою; я не могу избавиться отЪ моей горести, какЪ только страхомЪ тебя лишиться: имѣй же попеченіе о себѣ и обо мнѣ.

Альманзина поблагодаря его, пошла составлять свою мазь. Она разсудила за благо испытать ее прежде надЪ собою, боясь, что не такЪ оную сдѣлала, какЪ должно, и нѣтЪ ли чего такого, что бы могло причинить вредЪ ея любовнику. Сія мазь придала ея лицу смуглой цвѣтЪ, которой совершенно перемѣнилЪ ея; ра-

дуясь столь хорошему успѣху, она поспѣшно намазала оною лице и руки Ахмету, что произвело такое дѣйствіе, что рыбакъ и сынъ его, увидя ихъ, не узнали. Сего довольно было, чтобъ возбудить надежду въ сердцѣ Альманзины, которая всячески старалась, чтобъ и любовникъ возъимѣлъ подобное ей упованіе.

На завтра рыбакъ поѣхалъ по обыкновенію въ Константинополь; онъ провелъ весь день въ рыбной ловлѣ, между тѣмъ, какъ Альманзина и Ахметъ караулили, чтобъ на нихъ невзначай не напали сыщики.

Альманзина столь много полагалася на свое преображеніе, что поминутно смотрѣла въ окно, которое было къ городу, не ѣдетъ ли рыбакъ; наконецъ увидѣла она его, какъ онъ подплылъ столь близко, что можно было разсмотрѣть его лице, и не нашедъ въ немъ ничего печальнаго и смутнаго, сказала Ахмету: поди, посмотри на нашего ры-

бака, онъ везетъ къ намъ добрую вѣсть, лицо его то предвѣщаетъ. Ето видно отъ того, что онъ за хорошую цѣну продалъ свою рыбу, сказалъ ей Ахметъ; ибо одна добрая вѣсть, которую онъ намъ объявить можетъ, состоитъ въ томъ, что насъ еще не нашли, а ето мы и безъ него знаемъ. При окончаніи сихъ словъ приплылъ рыбакъ, и сказалъ имъ: городскія вѣсти севодни уже не таковы, какъ были вчера. Султанъ думая, что то взятъ Визирской сынъ, по тому, что дочь его была наряжена въ его платье, захотѣлъ ее видѣть, влюбился въ нее, проводилъ съ нею ночь, а севодни по утру объявлено Визирю прощеніе. Онъ былъ скрытъ въ сосѣдственномъ домѣ, гдѣ уже и былъ онъ найденъ прежде, нежели Султанъ его простилъ; я видѣлъ какъ онъ прошелъ, лицо имѣлъ онъ довольное и веселое. Самъ ли ты его видѣлъ, спросилъ у него Ахметъ, прервавъ его рѣчь, и

знаешь ли ты его? Я часто его видалъ, сказалъ ему рыбакъ, въ Константинополѣ на улицахъ, и очень его знаю.

О нашъ великїй пророкъ, вскричалъ Ахметъ, сколь ты справедливъ и милостивъ! Альманзина столько обрадовалася, что Ахметъ перестал заботиться объ отцѣ своемъ и сестрѣ, что позабыла освѣдомиться, не говорятъ ли чего нибудь о ней; но Ахметъ, пришедъ въ себя, съ поспѣшностїю спросилъ о томъ у рыбака, которой отвѣчалъ ему, что Султанъ приказалъ искать Альманзину съ крайнимъ старанїемъ, дабы ее наказать. Альманзина начала говорить такъ: не сокрушайся о томъ, любезный Ахметъ, новая страсть его укоснитъ симъ поискомъ; намъ должно только нѣсколько времени пробыть здѣсь безвыходно; мы будемъ ежедневно получать изъ города извѣстія, по коимъ и можемъ взять наши мѣры.

Хотя любовники наши и недалеко находилися отъ Сераля, но были вмѣстѣ, и ничто не возмущало ихъ утѣхъ. Имъ болѣе сего и не надобно было, чтобъ быть щастливыми совершенно. Всякой день получали они чрезъ рыбака новыя подтвержденія о страсти Султана къ Аталидѣ; сіе болѣе утверждало ихъ безопасность и можетъ быть никогда ни вкушали они столь сладостныхъ минутъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Альманзина сказала Ахмету: намъ не можно пробыть здѣсь вѣчно; рыбакъ хочетъ, говорила она, продать свой алмазъ, и со вчерашняго дня говорилъ мнѣ о томъ уже разъ десять: надлежитъ намъ уѣхать, дабы онъ могъ продать его безопасно, какъ для себя, такъ и для насъ. Мнѣ вздумалось сходить съ тобою на поклоненіе пророку въ Мекку, и для возблагодаренія его за избавленіе наше; послѣ сего оснуемъ наше жилище на какомъ нибудь острову:

имѣя столько драгоцѣнныхъ камней, сколько ихъ у насъ, можемъ мы прожить вѣкъ нашъ въ спокойствіи и изобиліи.

Ахметъ одобрилъ сіе намѣреніе, и приказалъ рыбаку навѣдаться, нѣтъ ли въ пристани какого корабля, отправляющагося въ ту страну; рыбакъ нашелъ имъ корабль, и сторговался съ Капитаномъ онаго, что онъ возметъ съ двухъ сихъ путешественниковъ. Когда все сіе было учреждено, то они изготовясь къ путешествію, и наградивъ щедро рыбака, сѣли на корабль, и отправились въ путь благополучно.

Рыбакъ, увидя отплывшій корабль, съ великою нетерпѣливостію отправился въ городъ, для продажи своихъ алмазовъ. Для сего прибѣгнулъ онъ къ богатѣйшимъ купцамъ, кои заключили по величинѣ и красотѣ оныхъ, что конечно принадлежатъ они Султану; и не могли понять, какимъ случаемъ попались они

въ руки рыбаку. Они задержали его: одинъ изъ нихъ взявъ алмазы, понесъ ихъ къ Солиману, которой призналъ ихъ за тѣ, кои подарилъ онъ Альманзинѣ. Султанъ сказалъ, что желаетъ говорить самъ съ задержаннымъ человѣкомъ; купецъ возвратился за нимъ, и представилъ его Султану. Страхъ и присутствіе Государя, заставили рыбака признаться во всемъ, не опустивъ нималѣйшей подробности, даже и преображенія бѣглецовъ. Чистосердечіе его спасло ему жизнь; Султанъ простилъ его, и взялъ только свои алмазы, кои отнесъ къ Аталидѣ, и разсказалъ ей обо всемъ слышанномъ имъ отъ рыбака о Альманзинѣ и Ахметѣ; ибо съ тѣхъ поръ, какъ изъяснился онъ съ Визиремъ, то вѣдалъ уже о всѣхъ преображеніяхъ молодаго Ахмета, и не сомнѣвался, чтобъ то былъ не онъ, которой въ невольничьемъ платьѣ служилъ Султаншѣ, и убѣжалъ съ нею.

Султанъ отправилъ немедлѣнно

легкій фрегатъ въ погоню за симъ кораблемъ, недавно еще изъ пристани выплывшимъ, и отдалъ начальнику онаго нѣкоторыя тайныя повелѣнія. Фрегатъ скоро нагналъ корабль, и узнавъ флагъ, подалъ обыкновенные сигналы; Капитанъ сѣлъ на шлюбку, и пріѣхалъ на корабль. Первое его стараніе состояло въ томъ, чтобъ запереть всѣхъ пассажировъ, и осмотрѣть ихъ одного за другимъ. Ахметъ и Альманзина не могли избѣгнуть отъ сихъ строгихъ поисковъ, не смотря на ихъ превращеніе: молодой любовникъ былъ переведенъ на фрегатъ, Альманзину же подъ крѣпкимъ карауломъ заперли въ каюту корабельнаго Капитана. Фрегатъ поплылъ потомъ обратно въ Константинополь; а корабль отправился въ Смирну, съ повелѣніемъ ожидать тамъ новыхъ Султанскихъ приказаній, касательно злощастной Альманзины.

Сія нѣжная любовница не могла перенести столь жестокаго удара, ниже

видѣть погибель своего дражайшаго Ахмета; твердость ея и силы оставили ее, такъ что едва могли привести ее въ чувство. Она думала, что Султанъ разлучилъ ихъ единственно изъ остатка нѣкоторой къ ней благосклонности, и дабы имѣть предлогъ спасти жизнь только ей одной. Но она приняла намѣреніе скорѣе умертвить себя, нежели пережить хотя одною минутою своего нещастнаго любовника.

Съ другой стороны Ахметъ не вѣдая куда его ведутъ, не спокойнѣе былъ Альманзины. Вскорѣ приплылъ онъ въ Константинополь; но при видѣ сего города горесть его усугубилась. Однако же о себѣ мало онъ заботился, печаль Альманзины единственно его занимала, и будучи въ мучительномъ, въ разсужденіи ея, недовѣдѣніи, боялся онъ, нѣтъ ли какого либо особаго о ней повелѣнія. Въ сихъ печальныхъ размышленіяхъ былъ онъ погруженъ во все то время,

какъ его вели въ Сераль; онъ уже былъ предъ лицемъ Султана не видя его: столько-то онъ былъ занятъ сими горестными мыслями.

Султанъ сказалъ ему: Ахметъ, я знаю чего достойна твоя дерзость, но не хочу быть твоимъ судьею въ собственномъ моемъ дѣлѣ: слѣдуй за мною, ты узнаешь рѣшеніе участи твоей изъ другихъ устъ; надлежитъ чтобъ осужденіе твое произнесено было въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты оскорбилъ меня. Сказавъ сіи слова, повелъ онъ его въ чертоги Аталиды. Она сидѣла на софѣ; но увидя брата своего, бросилась къ нему съ распростертыми объятіями, и съ невѣроятною радостію облобызала его. Султанъ приказалъ мнѣ, сказала она ему, объявить тебѣ твое наказаніе, Ахметъ; вотъ оно: сей Государь тебя прощаетъ, и простираетъ милость свою еще далѣе; Паша Египетскій умеръ; ты посылаешся заступить его мѣсто, и позволяется тебѣ взять съ

собою Альманзину, которая теперь находится въ Смирнѣ; вѣжность чувствій его ко мнѣ воспретила ему ее сюда привести; онъ думалъ, что ея присутствіе можетъ меня озаботить.

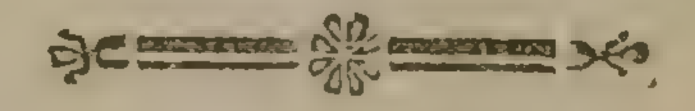
Ахметъ почти самъ себя не помнилъ, онъ не могъ сестрѣ своей ничего отвѣтствовать; присутствіе и милость Султана, коего онъ оскорбилъ, заграждали его уста. Однакожъ наконецъ бросясь къ его ногамъ, обнималъ онъ ихъ, и собравъ всѣ свои силы, сказалъ ему: познай, Государь, стыдъ мой и раскаяніе по моему молчанію. Милосердіе твое и моя благодарность будутъ отъ нынѣ моею казнію. Естьлибъ сестра моя столько была нещастлива, чтобъ вамъ не понравилась, то я не могъ бы теперь оправдаться; я ласкаюсь, что мое высокопочитаніе и усердіе въ исполненіи налагаемой на меня вами должности, докажутъ вамъ, что одно только изступленіе пламенной любви могло принудить Ахмета оскорбить

великодушнѣйшаго Государя въ свѣтѣ. Сіе то самое ослѣпленіе сохранило мнѣ сердце Альманзины; она влюбилася въ меня прежде, нежели имѣла щастіе быть представлена Вашему Величеству: простите ее, Государь, что она могла предпочесть вамъ недостойнаго подданнаго вашего.

Султанъ началъ говорить: оставь стараніе оправдывать тебя Султаншѣ; облобызай своего отца, котораго я велѣлъ сюда призвать, и поѣзжай немедлѣнно; безпокойствіе, въ коемъ находится теперь Альманзина, можетъ приключить ей болѣзнь; я пришлю къ тебѣ мои повелѣнія, касательно правленія Египта, когда ты пріѣдешъ въ Смирну. Ахметъ пошелъ изъ Дворца, простясь съ Султаншею и съ отцомъ своимъ, и сѣлъ на тотъ же самой фрегатъ, которой его привозилъ въ Константинополь.

Онъ прибылъ въ Смирну безъ всякаго приключенія, и нашелъ тамъ Альманзину весьма перемѣнившуюся

отъ печали. Радость видѣть Ахмета, удостовѣренность никогда съ нимъ не разлучаться, столь неожидаемая знатность и щастіе, все сіе соединясь, возвратило ей всю прежнюю ея красоту. Альманзина, во время пребыванія своего въ Смирнѣ, нашла Гассана и Затиму, и они всѣ вмѣстѣ отправились въ Египетъ, гдѣ долгое время наслаждаются щастіемъ, и любятъ другъ друга столько же, какъ и въ первый день своея страсти.

СКАЗКА О ПРЕКРАСНОЙ ПРИНЦЕСѢ РОЗЕТѢ И О ЦАРѢ ПАВЛИНОВЪ.

Въ нѣкоторомъ Царствѣ, въ нѣкоторомъ Государствѣ, жилъ, былъ Царь съ Царицею, и у нихъ было два сына весьма пригожіе. Они росли не по днямъ, по часамъ; такъ-то сытно ихъ всегда кормили! Царица при рож-

деніи каждаго изъ своихъ дѣтей призывала волшебницъ, и просила ихъ сказать ей, что съ ними случится въ жизнь ихъ.

Она обрюхатѣла, и родила маленькую Царевну, столь пригожую, что не льзя было на нее смотрѣть, не полюбя ее всѣмъ сердцемъ. Царица, угостивъ по надлежащему посѣтившихъ ее волшебницъ, сказала имъ при разставаніи: не забудьте вашего обыкновенія, и скажите мнѣ, что случится съ Розетою (такъ назвала новорожденную Царевну). Волшебницы сказали ей, что забыли взять съ собою гадательныя свои книги, и что въ другой разъ удовольствуютъ ея любопытство. Ахъ, вскричала Царица! Пропала моя головушка! Видно не хотите вы меня огорчить нещастливымъ какимъ нибудь предсказаніемъ: но я васъ слезно прошу, не скрывайте отъ меня ничего. Сколько волшебницы ни отговаривалися; однако же наконецъ не могли отдѣлаться

отЪ Царицы, которая чуть было не оглушила ихЪ своими неотступными прозьбами; и такЪ старшая изЪ нихЪ сказала ей: мы боимся, Ваше Величество, чтобЪ Розета не причинила великаго нещастія своимЪ братьямЪ, и чтобЪ они не лишились жизни вЪ какихЪ нибудь за нее хлопотахЪ. ВотЪ все, что мы можемЪ угадать обЪ етой пригожей дѣвочкѣ: мы весьма жалѣемЪ, что не имѣемЪ сказать вамЪ ничего лучшаго. Послѣ сего онѣ уѣхали, а Царица столько была печальна, что Король, человѣкЪ весьма догадливой, узналЪ то по ея лицу, и спросилЪ о причинѣ ея горести. Царица отвѣчала ему, что подвинувшись очень близко кЪ огню, сожгла она по нещастію весь ленЪ, которой былЪ у нее на гребнѣ. ТакЪ только-то и горя, сказалЪ Король? ОнЪ немедленно побѣжалЪ начардакЪ, и принесЪ ей оттуда столько льну, что она бы и во сто лѣтЪ его не спряла.

Царица все таки продолжала пе-

чалиться: Король спросилЪ опять, что ей сдѣлалось. Она отвѣчала ему, что идя по берегу рѣки, уронила она вЪ воду свой зеленой канфовой башмачокЪ. Етому горю можно пособить, сказалЪ Король, и тотчасЪ пославЪ за всѣми башмашниками своего Государства, заказалЪ имЪ сшить десять тысячь зеленыхЪ канфовыхЪ башмачковЪ.

Царица еще таки все печалилася. Царь опять спросилЪ, о чемЪ она груститЪ; на что отвѣтствовала она, что кушая сЪ великимЪ апетитомЪ, проглотила она свое обручальное кольцо сЪ мизинца. Царь насилу тогда догадался, что она лжетЪ; и то уже добрался по тому, что ето кольцо было у него спрятано, и такЪ онЪ сказалЪ ей: любезная моя жонушка! Ты лжешь, мой изумрудной камешекЪ; вотЪ твой перстень у меня вЪ кошелькѣ! КакЪ же ей тогда стало стыдно, когда Царь прыличилЪ ея во лжи! (ибо сіе есть самое скверное

дѣло). Она примѣтивъ, что Его Величество надулся, какъ мышь на крупу, принуждена была открыть ему то, что слышала отъ волшебницъ о маленькой Розетѣ, и просила его придумать, чемъ бы тому пособить. Царь весьма запечалился, и ломая себѣ часовъ пять голову, ничего не могъ лучше выдумать, кромѣ сего: я не знаю инаго способа спасти нашихъ сыновей, сказалъ онъ Царицѣ, какъ велѣть удавить Розету, покуда она еще въ пеленкахъ. Но Царица нелѣпымъ голосомъ закричала, что скорѣе сама она удавится, нежели согласится на такое варварство, называла Короля бусурманомъ, и говорила, чтобъ онъ вздумалъ что нибудь получше.

Между тѣмъ, какъ Царь съ Царицею находилися въ такомъ недоумѣніи и печали, нѣкто донесъ Царицѣ, что въ одномъ дремучемъ лѣсу, близь города находящемся, живетъ въ дуплѣ пустынникъ, человѣкъ

весьма искусный, и котораго отсюду пріѣзжаютъ спрашивать. Царица услыша сіе, сказала, такъ надобно и мнѣ къ нему ѣхать; волшебницы предсказали мнѣ зло, а лѣкарства не дали. На другой день по утру велѣла она себѣ осѣдлать прекраснаго бѣлаго лошачка, подкованнаго золотыми подковами, и съ двумя фрейлинами отправилася въ лѣсъ; подъѣхавъ къ оному, сошли они изъ почтенія на землю, и пошли пѣшкомъ къ дуплу, въ которомъ пустынникъ имѣлъ свое пребываніе. Онъ не очень былъ охотникъ до женщинъ: но когда ему сказали, что то была Королева; то онъ сказалъ: добро пожаловать! Чего вамъ отъ меня надобно? Царица разсказала ему, что волшебницы предсказали ей о Розетѣ, и просила его совѣта. Пустынникъ отвѣчалъ, что надлежитъ заключить Царевну въ башню, и никогда изъ оной не выпускать. Царица поблагодаривъ его, и подавъ ему хорошую милостину,

возвратилась во Дворецъ, и увѣдомила о томъ Короля.

Король услыша сей совѣтъ, приказалъ тотчасъ построить огромную башню. Посадилъ въ нее свою дочь; а чтобъ не было ей тамъ скучно; то Царь, Царица и братья всякой день ее навѣщали. Большаго брата называли большимъ Царевичемъ, а меньшаго меньшимъ. Они любили сестру свою чрезмѣрно: ибо она была прекраснѣйшая и любезнѣйшая дѣвица во всемъ свѣтѣ, такъ, что самой маленькой ея взглядецъ стоитъ, по сказанію Историковъ, около пяти сотъ рублей на наши деньги. Когда ей исполнилось пятнатцать лѣтъ; то большой Царевичь сказалъ Царю: Милостивой Государь батюшко! Не пора ли сестру выдать замужь? Намъ хочется посмотрѣть ея свадьбу. Меньшой Царевичь съ тѣмъ же приступалъ къ Царицѣ; но ихъ Величества только что разсказывали имъ росказни, а рѣшительнаго ничего не говорили.

Наконецъ Царь и Царица занемогли весьма опасно, и умерли оба почти въ одинъ день. Всѣ стали плакать, шить черныя платья, и звонить въ колокола во всѣхъ церьквахъ. Розета немогла утѣшиться, лишась своей доброй маминьки, которая ее побалывала.

Когда Царя и Царицу похоронили; то Князья и Бояре возвели большаго Царевича, какъ водится, на золотой престолъ, осыпанной алмазами, надѣли ему на голову преузорочную корону, облекли его въ пурпуровую одежду съ вышитыми на ней золотомъ Солнцами, Звѣздами и Лунами, и потомъ весь Дворъ вскричалъ три раза: да здравствуетъ Король! Наконецъ всѣ стали веселиться.

Новой Царь сказалъ брату своему: теперь мы, братецъ, имѣемъ власть освободить сестру нашу изъ башни, гдѣ уже столь давно она скучаетъ. Послѣ сего пошли они чрезъ садъ къ башнѣ, которая была по-

строена на углу, и въ десятеро выше Ивана Великаго: ибо покойники Царь и Царица хотѣли ее продержать въ оной всю ея жизнь. Розета вышивала тогда въ пяльцахъ прекрасное платье; но увидя своихъ братьевъ, встала она, и взявъ за руку Короля, поцѣловала оную, и сказала: здравствуйте Государь! Вы теперь Король, а я ваша покорнѣйшая услужница; покорно прошу выпустить меня изъ башни, гдѣ мнѣ очень скучно; и потомъ начала она плакать. Царь обнялъ ее, и сказалъ, чтобъ она перестала тужить, что онъ пришелъ освободить ее, и перевести жить въ великолѣпной дворецъ. У Царевича полны карманы накладены были винными ягодами, изюмомъ, черносливомъ и пряничными орѣхами, которыми онъ досыта накормилъ Розету: пойдемъ, сказалъ онъ ей, изъ етой проклятой башни; Царь скоро выдастъ тебя за мужь, не печалься!

Когда Розета увидѣла прекрасной

садъ, наполненной цвѣтами, плодами и фонтанами; то отъ великаго удивленія не могла говорить: ибо она еще отъ роду ничево не видывала. Она смотрѣла на всѣ стороны, ходила, останавливалася, рвала огурцы, рѣпу, морковь и цвѣточки. Ея постѣльная собачка, называемая Попрыгушкою, была зеленаго цвѣта, какъ попугай, имѣла одно только ушко, и плясала восхитительно, бѣжала предъ нею, лаяла, и дѣлала множество скачковъ и удивительныхъ прыжковъ, такъ, что сердце у всѣхъ, на нее глядя, радовалося.

Попрыгушка, повеселивъ всю честную компанію, побѣжала вдругъ въ небольшую рощицу. Царевна за нею послѣдовала, и несказанно удивилася, увидя въ семъ лѣску большаго Павлина, которой распушилъ хвостъ свой колесомъ, и столь хорошъ и пригожъ ей показался, что она не могла своротить съ него глазъ. Царь и Царевичь пришли къ ней, и спросили,

чемЪ она такЪ забавляется? Она указала имЪ на Павлина, и спрашивала, что ето такое? Они отвѣчали, что ето птица, которую иногда ѣдятЪ. КакЪ, вскричала она, можно ли осмѣлиться убивать столь прекрасныхЪ птицЪ и ѣсть ихЪ. Я вамЪ обЪявляю, что я ни за кого не пойду замужь, кромѣ, какЪ за Царя павлиновЪ; и когда я буду ихЪ Царицею; то посмотрю тогда, какЪ будутЪ смѣть ихЪ ѣсть. Не возможно изЪяснить изумленія Царя, когда онЪ услышалЪ сіе. Но гдѣ ты хочешь сестрица, сказалЪ онЪ, чтобЪ мы нашли тебѣ Царя павлиновЪ? — Гдѣ вамЪ угодно, Государь; но я вамЪ обЪявляю, что ни за кого, кромѣ его не пойду.

ПринявЪ сіе намѣреніе, оба братья повели ее во дворецЪ, куды непремѣнно желала она, чтобЪ принесли и Павлина, и посадили бы его вЪ ея горницу; ибо она его весьма полюбила. Всѣ тѣ дамы, кои не виды-

вали Розету, прибѣжали къ ней на поклонъ: однѣ притащили ей конфектовъ, иныя по кусочку сахару, другія платья, лентъ, куколъ, блиновъ, бриліянтовъ, аладьевъ и проч. Вездѣ ея подчивали, и она столь была учтива, что передъ всѣми присѣдала, и благодарила, такъ, что всѣ уходили довольными.

Между тѣмъ, какъ она разговаривала съ бесѣдою; то Царь съ Царевичемъ думали, какъ бы имъ найти Царя павлиновъ, и есть ли такой Царь на свѣтѣ. Они вздумали списать съ Розеты множество портретовъ, и столь искуснымъ живописцамъ поручили сіе дѣло, что портреты ея только что не говорили; потомъ сказали сестрѣ: поелику ты ни за кого не хочешь итти, кромѣ Царя павлиновъ; то мы поѣдемъ оба вмѣстѣ, и станемъ искать его по всему бѣлому свѣту. Естьли найдемъ; то будемъ рады; а ты безъ насъ управляй Государствомъ, и дожидайся нашего возвращенія.

Розета поблагодарила ихъ за пріемлемый трудъ, сказала, что постарается хорошенько управлять безъ нихъ, и что въ ихъ отсутствіе вся ея забава будетъ въ томъ, чтобъ смотрѣть на прекраснаго Павлина, и заставлять прыгать и плясать Попрыгушку. Они не могли безъ слезъ разстаться.

Вотъ наши Принцы и отправилися въ путь; они вездѣ останавливалися, и спрашивали: не знаете ли вы Царя павлиновъ? Всѣ отвѣтствовали имъ на то: нѣтъ, нѣтъ! И они ѣхали далѣе. Такимъ образомъ заѣхали они столь далеко, что ни кто еще такъ далеко не ѣзжалъ.

Пріѣхали они въ Царство шершней; никогда такого множества сихъ тварей не видали они; шумъ былъ столь великъ, что Царь едва не оглохъ. Онъ спросилъ у того изъ нихъ, кто показался ему разумнѣйшимъ, не знаетъ ли онъ, въ какомъ краю свѣта можетъ онъ найти Царя

павлиновЪ? Государь, отвѣчалЪ ему шершень, его Королевство разстояніемЪ отсюда двести тысячь верстЪ; вы не по той дорогѣ поѣхали. А какимЪ образомЪ ты это знаешь, сказалЪ Царь? А по тому, что мы знаемЪ Ваше Величество: ибо всякой годЪ лѣтаемЪ мѣсяца на два вЪ ваши сады. Царь и Царевичь услыша сіе, обнимали шершня, оказывали ему великое дружество, и пригласили его кЪ обѣденному своему столу: они сЪ удовольствіемЪ видѣли всѣ рѣдкости сія страны, гдѣ малѣйшій древесный листочикЪ стоилЪ по крайней мѣрѣ сорокЪ алтынЪ. Послѣ чего продолжали они свой путь, и какЪ дорога была уже имЪ извѣстна, то скоро и пріѣхали. ТамЪ увидѣли они на всѣхЪ деревьяхЪ множество павлиновЪ, и вся страна была столько ими наполнена, что за дватцать верстЪ былЪ слышанЪ крикЪ ихЪ и разговоры.

Царь говорилЪ брату своему: естьли Царь павлиновЪ и самЪ пав-

линъ; то какимъ образомъ сестрѣ нашей за него выйти? Я былъ бы круглой дуракъ; естьли бы на то согласился. Смотри пожалуй! Вотъ, право, изрядной союзъ: племянники наши будутъ павлинята. Царевичь не меньше Царя былъ въ недоумѣніи: какая нещастная мысль, говорилъ онъ, пришла въ голову сестрѣ нашей; я не знаю, гдѣ она выкопала, что есть на свѣтѣ етотъ проклятой птичій Царь.

Когда пришли они въ столичной городъ; то увидѣли, что онъ наполненъ людьми обоего пола, но что на всѣхъ на нихъ были изъ павлиныхъ перьевъ платья, и что они вездѣ натыкивали оныхъ, какъ весьма прекрасную вещь. Навстрѣчу попался имъ Царь, ѣхавшій прогуливаться въ прекрасной золотой каретѣ, осыпанной бриліянтами, которую везли во всю конскую прыть двенатцать павлиновъ. Сей Царь павлиновъ былъ столь пригожь, столь пригожь, что Царь и Царевичь

не могли на него наглядѣться: у него были прекрасные бѣлокурые и кудрявые волосы, лицо какъ снѣгъ бѣлое и на головѣ корона изъ павлиновыхъ перьевъ. Когда онъ ихъ увидѣлъ, то разсудилъ, что поелику на нихъ не такое платье, какъ на природныхъ жителяхъ; то конечно они иностранцы (ибо онъ былъ весьма догадливъ). И для того, остановя свою карету, велѣлъ ихъ подозвать къ себѣ, желая удовольствовать свое любопытство.

Царь и Царевичь къ нему подошли, и поклонясь ему съ почтенiемъ, сказали: Государь, мы прiѣхали съ конца свѣта показать вамъ прекрасной портретъ, и вынули изъ чемодана большой портретъ Розеты. Царь павлиновъ разсмотрѣвъ его со вниманiемъ, вскричалъ: нѣтъ! Я не могу повѣрить, чтобъ была на свѣтѣ столь пригожая дѣвица. Она еще во сто разъ пригожѣе, сказалъ Царь: нѣтъ, нѣтъ, вы шутите, от-

вѣчалъ Царь павлиновъ. Государь, сказалъ Царевичь, вотъ мой братъ, которой такой же Царь, какъ и вы; его зовутъ Царемъ, а меня Царевичемъ; наша сестра, которой вы портретъ видѣли, называется Розета. Мы пріѣхали у васъ спросить, не хотите ли вы на ней жениться: она пригожа и умна, и мы дадимъ ей въ приданое восемь четвериковъ червонцовъ. И вѣдомо, отвѣчалъ Царь; я радъ на ней жениться. Ей у меня ни въ чемъ не будетъ недостатка; я буду ее любить изо всей мочи: но увѣряю васъ, что ежели она, хотя на волосъ, хуже сего портрета; то я васъ предамъ смерти. Мы на это согласны, сказали братья Розетины. Ну, такъ естьли согласны, сказалъ Царь; то ступайте въ тюрьму, и будьте тамъ до пріѣзду Царевны! Принцы безъ труда на то согласились, будучи твердо увѣрены, что Розета гораздо лучше своего портрета.

Когда они пришли въ тюрьму;

то Царь определилъ имъ богатое содержаніе, часто ихъ навѣщалъ, а портретъ Розеты поставилъ въ своей спальнѣ, и столько въ оной влюбился, что не могъ спать ни днемъ ни ночью. Какъ Царь и Царевичь находилися въ тюрьмѣ; то написали по почтѣ къ Царевнѣ, чтобъ она какъ можно скорѣе снарядилась, и отправилась бы въ путь: ибо де Царь павлиновъ, женихъ твой, тебя нетерпѣливо дожидается. Они не написали къ ней, что сидятъ въ тюрьмѣ, чтобъ не огорчить ее и не испугать.

Царевна, получивъ сіе письмо, столько обрадовалася, что чуть было не умерла. Она немедлѣнно всѣмъ объявила, что Царя павлиновъ нашли, и что онъ хочетъ на ней жениться. Тотчасъ зажгли вездѣ плошки, пошла пушечная пальба, начали всѣ пѣчь пироги, и лакомиться сахаромъ. Во дворцѣ же три дни всѣмъ приходящимъ на поклонъ къ Царевнѣ давали по рюмкѣ водки и по мягкому Мос-

ковскому калачу съ Уральскою икрою. Наконецъ, когда Царевна удовлетворила такимъ образомъ своему великодушію; то поручила свои прекрасныя куклы своимъ няношкамъ и мамушкамъ, а Государство старѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ Вельможамъ, наказавъ имъ, чтобъ они какъ можно больше копили денегъ къ Царскому пріѣзду, просила она ихъ беречь ея павлина, а съ собою взяла только кормилицу свою, молочную сестру и Попрыгушку.

Они сѣли на корабль, взявъ съ собою восемь четвериковъ червонцовъ, и платьевъ на десять лѣтъ, перемѣняя всякой день по два. Дорогою онѣ только что пѣли, да смѣялися. Кормилица спрашивала у корабельщика: близко ли Павлиное царство? Но онъ отвѣчалъ, нѣтъ. Чрезъ нѣсколько времени отвѣчалъ онъ ей, что уже не далеко, а наконецъ сказалъ: близко, близко. Когда она сіе услышала; то подошедъ къ нему, отвела его на

конецъ корабля, и съвъ подлѣ него, сказала: естьли ты хочешь; то я тебя сдѣлаю богатымъ. Какъ етаго не хотѣть, отвѣчалъ онъ. Кормилица продолжала: естьли ты хочешь, то у тебя будетъ цѣлой сундукъ имперіяловъ. Онъ отвѣчалъ: охотно хочу. Хорошо, сказала она; и такъ, для етого должно тебѣ сего дня ночью, какъ Принцесса будетъ спать, бросить ее съ моею помощію въ море. Послѣ же, какъ она утонетъ; то я одѣну дочь мою въ ея цвѣтное платье, и мы представимъ ее Царю павлиновъ, которой на ней съ радостію женится, а тебѣ въ награжденіе дадимъ мы цѣлой куль алмазовъ и яхонтовъ.

Корабельщикъ весьма удивился такому предложенію. Онъ говорилъ ей, что жалко утопить такую прекрасную Царевну, что онъ на ето не согласится: но она поднесла ему столь доброй стаканъ водки, что онъ, выпивъ оной, не могъ ей ни въ чемъ отказать.

Когда ночь наступила; то Царевна легла по обыкновенію спать; маленькая Попрыгушка легла подъ одѣяломъ, и даже не шевелила лапками, чтобъ ее не обезпокоить. Розета спала весьма крѣпко, какъ злая кормилица, которая не спала, пришла къ корабельщику. Она ввела его въ каюту Царевны; потомъ не будя ее, приподняла она ее съ пуховикомъ и одѣяломъ; молошная сестра помогала ей изо всей силы, и все сіе раскачавъ, бросили онѣ въ море: Царевна же столь крѣпко спала, что даже и не проснулась.

Но послушайте какое щастіе: перина ея была набита Фениксовыми перьями, кои весьма дороги, но за то имѣютъ рѣдкое свойство, что никогда на огнѣ не горятъ и на водѣ не тонутъ. Такимъ образомъ плавала она на своемъ пуховикѣ, какъ будто на плоту. Однако же вода подмачивала по немногу пуховикъ, и Розета почувствовавъ воду, испугалася, что

не сдѣлала ли она какого грѣха, и чтобъ кормилица ее за ето не побранила.

Какъ она ворочалася изъ стороны въ сторону; то разбудила Попрыгушку, которая имѣя весьма тонкое чутье, услышала отъ себя столь близко лососей и сельдей, что начала лаять громко, и разбудила всѣхъ прочихъ рыбъ. Онѣ начали плавать; большія рыбы толкались головами о постѣлю Царевны, которая не будучи ничемъ поддерживаема, вертелась на водѣ, какъ юла. Какъ же она тому удивилася! Что ето такое, сказала она; не уже ли нашъ корабль плашетъ по морю? Я не привыкла такъ безпокойно спать, какъ нынѣшную ночь; а между тѣмъ Попрыгушка продолжала лаять, какъ за языкъ повѣшенная. Злая кормилица и корабельщикъ слышали ее изъ далека, и говорили между собою: пускай ета корноухая собачонка пьетъ за наше здоровье съ своею Царевною; поспѣ-

шимъ привалить къ берегу: ибо они уже находилися противъ самой столицы павлинаго Царя.

Онъ выслалъ на берегъ сто каретъ, запряженныхъ всякаго рода странными звѣрями: какъ то, львами, медвѣдями, оленями, волками, лошадями, быками, ослами, орлами, павлинами, и такими, какихъ и на свѣтѣ никогда не бывало. Карета, въ которой надлежало ѣхать Розетѣ, запряжена была шестью голубыми обезъянами, кои прыгали, ходили по канату, и дѣлали множество удивительныхъ штукъ; на нихъ были прекрасныя шоры изъ пунцоваго бархата съ золотыми бляхами. Шестдесятъ молодыхъ дѣвицъ, выбранныхъ самимъ Царемъ, для ея увеселенія, пришли такъ же на берегъ, одѣтыя въ разноцвѣтныя платья, на коихъ золото и серебро были послѣднее украшеніе.

Кормилица старалася всячески получше нарядить свою дочь; она убрала ея всѣми каменьями Розеты,

и одѣла ее въ лучшее ея платье. Но со всѣмъ симъ она была столь дурна, какъ мартышка; волосы ея торчали, какъ щетина, глаза косые, ноги кривыя, горбата съ зади и съ переди, и при всемъ томъ еще она была сквернаго нрава, и безпрестанно ворчала.

Когда всѣ Королевскіе посланные увидѣли ея вышедшую изъ корабля; то столько удивилися, что не могли рта розинуть. Что ето такое, сказала она? Развѣ вы спите? Ну же поворачивайтесь скорѣе канальи; принесите мнѣ кушать; а то я васъ всѣхъ велю перевѣшать. Услыша сіи слова, говорили они между собою: какая ето мерзская скотина? Она столько же зла, какъ и дурна! Ну, ужъ подлинно Царь нашъ убилъ бобра; подлинно стоило труда везти едакую шкуру съ конца свѣта! Между тѣмъ она все говорила повелительнымъ голосомъ, и естьли чуть что не такъ ей казалось; то била по щекамъ, и тузила всѣхъ, кто ни попался.

Послику свита ея была весьма многочисленна; то она ѣхала шагомъ: чванилася въ каретѣ своей, какъ сатана. Но всѣ павлины, взлѣтевшие на деревья, дабы поздравить ея съ пріѣздомъ, и кричать, да здравствуетъ прекрасная Царица Розета: увидя сію чучелу, кричали: фи! фи! Какъ она скверна. Слыша сіе ложная Царевна, едва не треснула съ досады, и приказывала гвардейцамъ: убѣйте сихъ бездѣльниковъ, которые нароспѣвъ меня ругаютъ! Но павлины улѣтали, и смѣялися надъ нею.

Плутъ корабельщикъ, видя все сіе, говорилъ тихонько кормилицѣ: плохо намъ приходитъ, кумушка! Не худо, кабы дочь твоя была не много поуклюжѣе. Она же отвѣчала ему: молчи, болтунъ, ты врёшь пустое.

Царю доложили, что Царевна приближается. Что же, сказалъ онъ, правду ли мнѣ говорили ея братья? Пригожѣе ли она своего портрета?

Государь, отвѣчали ему, довольно того, естьли бы она была съ нимъ и равна. Правда, сказалъ Царь, я тѣмъ очень буду доволенъ: пойдемъ же, посмотримъ ее: ибо онъ узналъ по необычайному на дворѣ шуму, что она пріѣхала, и ничего не могъ слышать, кромѣ того, что кричали: фи! фи! Какъ она дурна! Онъ подумалъ, что то говорятъ о какой нибудь карлицѣ, или чудномъ животномъ, котораго она, можетъ быть, привезла съ собою, и сіе ему и въ голову не приходило, чтобъ то было о самой ей.

Портретъ Розеты несли на большомъ шестѣ открытой, а Царь съ важностію шелъ за онымъ со всѣми своими баронами и павлинами, и съ чужестранными посланниками. Царь павлиновъ нетерпѣливо желалъ увидѣть свою любезную Розету. О Боже! какъ онъ ее увидѣлъ; то едва не умеръ на мѣстѣ. Онъ такъ разсердился, что изорвалъ въ клочки свою одежду, и не хотѣлъ къ ней по-

дойти; столько-то она ему страшна показалася.

КакЪ, говорилЪ онЪ, сіи два кисельника, которыхЪ я кормлю вЪ тюрьмѣ, какЪ на убой, осмѣлились надо мною смѣяться, и предложили жениться на едакой чортовой перешняцѣ; о! я ихЪ велю казнить. Сей часЪ заприте ету стерьву вЪ тюрьму сЪ кормилицей ея, и сЪ тѣмЪ, кто ихЪ привезЪ; или бросьте ихЪ вЪ едикуль.

СЪ другой стороны Царь и братЪ его, находящіеся вЪ тюрьмѣ, и знавшіе, что сестра ихЪ ѣдетЪ, прирядилися по молодецки, чтобЪ ее принять; но вмѣсто того, чтобЪ выпустить ихЪ изЪ тюрьмы, какЪ они того надѣялися, тюремной староста пришелЪ сЪ солдатами, и отвелЪ ихЪ вЪ темной погребЪ, наполненный всякими гадами, гдѣ было по горло имЪ воды: не льзя изЪяснить, сколько они тому удивилися и опечалилися. Увы! говорили они другЪ другу; вотЪ весь-

ма горестная для насъ свадьба! Но что причиною нашего нещастія? — Они не знали что подумать, кромѣ того, что ихъ хотятъ казнить, и весьма о томъ сокрушалися.

Три дни провели они въ семъ едикулѣ, не слыша ничего. По прошествіи же сего времени Царь павлиный пришелъ ихъ ругать сквозь одну отдушину. Вы назвалися Королями и Принцами, кричалъ онъ имъ, чтобъ меня обмануть, и заставить жениться на вашей сестрѣ; но вы ни что иное, какъ негодные бродяги и нищіе, не стоющіе трехъ денегъ. Я васъ велю судить, и скоро жизнь ваша кончится: ибо уже по моему приказанію вьютъ ту веревку, на которой васъ повѣсятъ. Царь павлиный, отвѣчалъ ему Король съ гнѣвомъ, не спѣши симъ дѣломъ, какъ бы тебѣ послѣ не раскаеваться. Я такой же Царь, какъ и ты; Государство мое не хуже твоего; у меня также есть парчевыя платья, короны

и полновѣсные червонцы: я заложу до послѣдней рубашки, чтобъ тебѣ отмстить. Вотъ тебѣ на, какой еще выѣхалъ, хочетъ насъ повѣсить! Развѣ мы у тебя что нибудь украли?

Царь услыша, что онъ говоритъ съ такою твердостію, не зналъ, что ему дѣлать, и хотѣлъ было уже ихъ выпустить на волю и съ сестрою ихъ; но наперсникъ его самый наглый льстецъ и настоящій мѣдной лобъ, возбуждалъ его изъ всей силы къ мщенію, говоря, что ежели онъ проститъ ихъ, то весь свѣтъ будетъ надъ нимъ смѣяться, и почтетъ его за алтыннаго бубноваго королишку. И такъ онъ поклялся ихъ казнить, и велѣлъ нарядить судъ. Судъ не долго продолжался; ибо стоило только сличить портретъ настоящей Царевны Розеты съ тою чучелою, которая пріѣхавъ называлася ею: такимъ образомъ осудили отрубить имъ головы, яко лжецамъ, кои обѣщавъ Царю прекрасную Царевну, привезли ему скверную шлюху.

Сдѣлавъ заключеніе, пришли сказывать имъ о томъ въ едикуль съ великою церемоніею; но они вскричали, что отнюдь не солгали, что сестра ихъ въ самомъ дѣлѣ Царевна и прекрасна, какъ красное солнышко, что тутъ есть что нибудь имъ не понятное, что они просятъ еще на недѣлю сроку прежде ихъ казни, и что можетъ быть, въ теченіе сего времени невинность ихъ оправдается. Царь павлиновъ, будучи крѣпко сердитъ, насилу согласился оказать имъ сію милость, однако же кое какъ согласился.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило при Дворѣ, надобно что нибудь сказать и о бѣдной Царевнѣ Розетѣ. Какъ скоро насталъ день; то она весьма удивилася, равно, какъ и Попрыгушка, увидя себя посреди моря безъ корабля и безо всякой помощи. Они начали такъ горько плакать, что рыбы надъ нею сжалилися: она не знала что начать, и куды де-

ваться. Конечно, говорила она, меня бросили въ море по приказанію Царя павлиновъ. Видно онъ раздумалъ на мнѣ жениться, и чтобъ честнымъ образомъ отъ меня отдѣлаться; то велѣлъ меня утопить: ахъ какой же онъ странной человѣкъ! А я бы его такъ любила, такъ любила, что и сказать не льзя! Послѣ сихъ словъ она еще и болѣе стала плакать: ибо не могла перестать его любить.

Въ семъ состояніи пробыла она два дни, плавая по морю, какъ щепка, промоченная насквозь съ смертельнымъ насморкомъ, почти окостеневшая; и естьли бы Попрыгушка ее не много не согрѣвала; то бы она разъ со сто умерла. Ѣсть хотѣлось ей смертельно; она ловила устрицъ и ѣла ихъ; Попрыгушка хотя и не любила ихъ, но принуждена была ими питаться: нужда чего не дѣлаетъ? Когда наступила ночь; то нападалъ на Розету великой страхъ, и она говорила своей собачкѣ: Попрыгушка, лай, лай по громче, чтобъ насъ сомы не съѣли.

Попрыгушка лаяла во всю ночь, и постѣля Царевнина близко подплыла къ берегу. Въ семъ мѣстѣ жилъ доброй старичокъ, одинъ одинехонекъ, въ маленькой хижинѣ, куды ни кто никогда не хаживалъ. Онъ былъ очень бѣденъ, да и не желалъ богатства. Услыша лай Попрыгушкинъ, весьма онъ удивился: ибо чрезъ то мѣсто никогда собаки не прохаживали; онъ подумалъ, что конечно какіе нибудь прохожіе сбились съ дороги, и такъ вышелъ изъ своей хижины, чтобъ ихъ проводить. Вдругъ увидѣлъ онъ Царевну и Попрыгушку, плавающихъ по морю: Царевна же съ своей стороны, увидя его, простерла къ нему руки, и кричала что есть въ головѣ голосу: дѣдушка, спаси меня, не дай мнѣ утонуть; уже два дни, какъ я страдаю.

Старикъ, услыша такія печальныя слова, такъ огорчился, что чуть было не взвылъ, и тотчасъ побѣжалъ домой, и принесъ багоръ. Потомъ

вошедъ по горло въ воду, едва было не захлебнулся; но наконецъ, собравъ всѣ свои силы, притащилъ постѣлю къ самому берегу. Розета и Попрыгушка очень обрадовались, увидя себя на сухомъ пути; она поблагодаривъ отъ всего сердца старика, завернулась въ одѣяло, и на босу ножку прибѣжала въ хижину, гдѣ старикъ развелъ ей огонь изъ сухой соломы, и вынувъ изъ ларца лучшее платье покойной своей жены съ чулками и съ лаптями, подалъ ихъ Царевнѣ. Розета, надѣвъ сей крестьянской нарядъ, была прекрасна, какъ Ангелъ, а Попрыгушка плясала вокругъ ея, чтобъ ее развеселить.

Старикъ смекнулъ, что Розета какая нибудь знатная боярышня; ибо одѣяло ея было парчевое, а наволока на пуховикѣ атласная. Онъ просилъ ее разсказать ему свою исторію, увѣряя ее, что ни кому не скажетъ о томъ ни слова, ежели ей то угодно. Царевна все ему разсказала, заливаясь

слезами; ибо она все таки думала, что ето Царь павлиновъ велѣлъ ее утопить. Что же намъ дѣлать дитятко, сказалъ ей старикъ? Ты такая знатная Царевна, ты привыкла кушать говядину да шаньги, а у меня кромѣ рѣшотнова хлѣба да рѣдьки, ничего нѣтъ, ты будешь голодна, моя кормилица! И естьли тебѣ въ угоду будетъ; то я пойду скажу Царю павлиному, что ты здѣсь; онъ вѣрно женится на тебѣ, когда тебя увидитъ. Ахъ, нѣтъ! Онъ зарваръ, сказала Розета, онъ велитъ меня казнить; но естьли есть у тебя корзинка; то я привяжу ее на шею моей собачки, и она вѣрно принесетъ мнѣ съѣстнаго.

Старикъ далъ Принцессѣ корзинку, которую она прицѣпивъ къ шеѣ Попрыгушки, сказала ей: бѣги, сыщи лучшій горшокъ во всемъ городѣ, и принеси мнѣ что въ немъ варится. Попрыгушка побѣжала благимъ матомъ въ городъ, и поелику

лучшій горшокъ былъ безъ сомнѣнія Царской; то взошедъ въ придворную поварню, открыла искусно горшокъ, вынула все, что въ немъ было, и прибѣжала домой. Розета сказала ей: поди теперь въ бюфетъ, и принеси, что тамъ найдешь самаго лучшаго. Попрыгушка побѣжала въ бюфетъ, взяла Французскаго хлѣба, сладкаго вина и всякаго рода фруктовъ и конфектовъ: она столько наклала въ корзину всякой всячины, что насилу дотащилась.

Когда время пришло Царю павлиному кушать; то ничего не нашли ни въ горшкѣ его ни въ бюфетѣ. Всѣ съ изумленіемъ другъ на друга смотрѣли, а Царь весьма разгнѣвался. Наконецъ, поворчавъ, сказалъ онъ: ну, инъ такъ и быть! Видно мнѣ сего дня не обѣдать; но за то, чтобъ къ ужину было хорошее жаркое. Подъ вечеръ Царевна сказала Попрыгушкѣ: ступай въ лучшую поварню, и принеси мнѣ хорошаго жаркова. Попры-

гушка исполняя повелѣніе своей госпожи, и не зная поварни лучше Царской, взошла туды потихоньку, и между тѣмъ, какъ повара стояли оборотясь къ очагу спиною, сняла она съ вертѣла жаркое, которое только что поспѣло, и такъ было сочно, что и мертвой бы захотѣлъ онаго поѣсть. Собачка принесла полную корзинку къ Царевнѣ, и потомъ сбѣгавъ по ея приказанію въ бюфетъ, притащила всѣ ликёры и закуски Царскія.

Царь не обѣдавъ въ тотъ день, весьма проголодался, и захотѣлъ поранѣе отужинать; но не тутъ-то было! На вертѣлѣ ничего не нашли; онъ до крайности разгнѣвался, и легъ спать не ужинавши. На другой день за обѣдомъ и за ужиномъ случилося то же: такимъ образомъ Царь три дни не пилъ и не ѣлъ, по тому, что когда приходило время садиться за столъ; то ничего въ поварнѣ не находили. Наперстникъ его весьма о томъ сокрушался, опасаясь, чтобъ

Царь не умеръ съ голоду, спрятался въ уголъ въ поварнѣ, и не спускалъ глазъ съ горшка, стоящаго на огнѣ. Онъ весьма удивился, увидя входящую украдкою маленькую зеленую собачку съ однимъ ушкомъ, которая снявъ съ горшка крышку, выложила изъ него все мясо въ корзинку, и пошла изъ поварни. Онъ слѣдовалъ за нею, чтобъ увидѣть, куда она пойдетъ, и наконецъ не теряя ее изъ виду, вышелъ за нею изъ города, и усмотрѣлъ, какъ она вошла въ хижину къ старичку. Онъ немедлѣнно пошелъ, и доложилъ объономъ Царю, сказавъ ему, что его кушанье уносила собачонка къ бѣдному мужику по утру и въ вечеру.

Царь несказанно удивился, и приказалъ привести къ себѣ старика. Наперстникъ, чтобъ болѣе ему угодить, самъ тогда отправился съ командою и нашелъ старика обѣдающаго съ Царевною. Онъ велѣлъ ихъ схватить, и связать толстыми веревками, какъ ихъ, такъ и Попрыгушку.

Когда привели ихъ во дворецъ; то доложили Царю, которой отвѣчалъ: поелику завтра кончится срокъ, которой я далъ сидящимъ въ едикулѣ обманщикамъ; то я ихъ велю казнить вмѣстѣ съ сими хищниками моего обѣда: сказавъ сіе пошелъ онъ въ присутствіе. Старикъ бросился ему въ ноги, и сказалъ, что все готовъ ему разсказать. Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, Царь пристально смотрѣлъ на Царевну, и ему жалко было видѣть, что она плачетъ. Потомъ когда старикъ объявилъ, что она называется Царевною Розетою, которую столь безчеловѣчно бросили въ море; то не взирая на слабость, въ которой Царь находился, проводя три дни безъ пищи, сдѣлалъ онъ сряду три удивительныя прыжка, и подбѣжавъ къ ней, облобызалъ ее нѣжно, и развязывая веревки, коими была она связана, называлъ свѣтомъ своихъ очей, и всячески приголубливалъ.

Послѣ сего пошли немедлѣнно за Принцами, кои подумали, что ихъ

ведутъ на казнь; и такъ шли они въ великой печали, и потупя глаза; посылали также за кормилицею и дочерью ея. Когда они увидѣлись всѣ; то тотчасъ узнали другъ друга: Розета бросилась обнимать своихъ братьевъ, кормилица съ дочерью и съ корабельщикомъ стоя на колѣняхъ, просили прощенія. Радость была столь велика, что Царь и Царевна ихъ простили, и наградили щедро добраго старичка, которой съ тѣхъ поръ и по нынѣ живетъ еще во дворцѣ, имѣя имянное позволеніе рвать въ Царскомъ огородѣ рѣдьку, какъ въ собственномъ своемъ.

Наконецъ Царь павлиновъ всячески старался загладить вину свою предъ братьями Царевны. Кормилица возвратила Розетѣ ея богатыя платья и золото; свадьба же продолжалася двѣ недѣли. Всѣ стали довольны, даже и Попрыгушка, которая, сказываютъ, съ того времени ничего болѣе не ѣстъ, кромѣ жареныхъ куропатокъ.

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ
И
ОСТРЫЯ *ШУТКИ.*

Аббатъ Клерамбо, человѣкъ весьма безобразный, былъ принятъ въ члены Французской Академіи на мѣсто умершаго ла Фонтена; при чемъ нѣкто сказалъ, что для замѣщенія ла Фонтена, непремѣнно надобенъ Езопъ.

Ла Фонтенъ со всемъ своимъ умомъ былъ человѣкъ столь задумчивой и недогадливой, что иногда дѣлалъ непростительныя невмѣстности, по коимъ можно было счесть его за круглаго дурака. Однажды въ нѣкоей бесѣдѣ превозносилъ онъ похвалами одного бывшаго тутъ молодаго человѣка. Да ето твой сынъ, сказали ему; онъ отвѣчалъ съ холодностію: я тому очень радъ.

Ла Фонтенъ получилъ однажды билетъ, въ которомъ звали его на

похороны одного знакомаго ему человѣка. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, пріѣхалъ онъ къ сему самому человѣку обѣдать; Швейцаръ сказалъ ему, что его господинъ умеръ, тому уже съ недѣлю. Я не думалъ, отвѣчалъ ла Фонтенъ, чтобъ етому прошло столько времени.

Ла Фонтенъ былъ въ ссорѣ съ своею женою. Какъ нѣкто присовѣтывалъ ему ѣхать къ ней въ провинцію и съ нею помириться; то онъ поѣхалъ на почтовыхъ, и пріѣхавъ къ женѣ, спрашивалъ, гдѣ она. Слуга, не зная кто онъ таковъ, отвѣчалъ, что барыня его пошла къ вечернѣ. Ла Фонтенъ не дождавшись ее, пошелъ къ одному своему пріятелю, которой продержалъ его у себя двое сутокъ; послѣ чего ла Фонтенъ отправился опять въ Парижь, забывъ, что жена его есть на свѣтѣ; и по возвращеніи своемъ сказалъ своимъ знакомымъ, кои спросили у него о женѣ: я къ

ной ѣздилъ, но не засталъ ее дома; она была у вечерни.

Г. Фонтенель весьма замысловато сказалъ, что ла Фонтенъ предпочиталъ древнія басни своимъ, ни по какой иной причинѣ, какъ по глупости своей. Другой знаменитой человѣкъ сказалъ, что ла Фонтенъ съ людьми былъ меньше, нежели человѣкъ, а со скотами больше, нежели человѣкъ, разумѣя подъ симъ несравненныя его басни, всѣму свѣту извѣстныя.

Епитафія Гну ла Фонтену.

Совмѣстниковъ себѣ онъ въ притчахъ не встрѣчалъ;
Натуру онъ списавъ, съ собою кисти взялъ.

Госпожа Гурвиль жаловалась однажды съ великимъ огорченіемъ на счастіе, и проклинала свою планету. Сегре, слушавшій съ молчаніемъ, и

вдругъ, какъ бы отъ глубокаго сна пробудяся, сказалъ ей: но скажите мнѣ, сударыня, не уже ли вы думаете, что у васъ есть особливая планета, которая принадлежитъ одной только вамъ? Я всякой день слышу людей, жалующихся на свою планету. Да знаете ли вы, что планетъ и съ неподвижными звѣздами только нѣсколько тысячь? Разсудите же теперь, можетъ ли всякой имѣть свою. —— Онъ сказалъ сіе съ столь важнымъ и купно шуточнымъ видомъ, что разогналъ тѣмъ печаль огорченной Госпожи.

Какъ нѣкогда услышалъ Боало, что Король приказалъ вездѣ искать славнаго Арнольда, дабы посадить его въ тюрьму; то сказалъ: Король такъ счастливъ, что вѣрно его не найдетъ.

Одинъ несносной говорунъ сказалъ нѣкогда Г. Бансераду: я говорю много, но говорю хорошо. —— Я сог-

ласенъ съ тобою въ половинѣ, отвѣчалъ Бансерадъ.

Кардиналъ де Рецъ сказалъ однажды одному умному стихотворцу: пожалуйте научите меня судить о стихахъ, дабы я по крайней мѣрѣ могъ судить о приносимыхъ ко мнѣ. Милостивый государь, отвѣчалъ стихотворецъ; учиться етому много потребно времени, и вамъ нѣкогда: но когда будутъ вамъ читать стихи; то говорите только, что они ни куда не годятся: вы рѣдко ошибетесь.

Боало, встрѣтясь однажды съ Шапелемъ, началъ дѣлать ему наставленія, и увѣщевать его, чтобъ онъ перестaлъ пить. Шапель притворился, что убѣжденъ его доводами, завелъ его нечувствительно въ тракциръ, и тамъ напоилъ его съ собою до пьяна.

Славный адвокатъ Патрю гово-

рилъ однажды съ Боало, и сказалъ ему: вы очень небрежете о вашихъ прозаическихъ сочиненіяхъ, такъ что въ нихъ вкралося нѣсколько стиховъ. А развѣ вы думаете, отвѣчалъ стихотворецъ, что вы не впадаете иногда въ сію погрѣшность? Нѣтъ, сказалъ Патрю, у меня вы етаго вѣрно не найдете. Боало, не отвѣчая на сіе ничего, развернулъ тяжбы своего пріятеля, и тотчасъ попалъ на сей стихъ:

Десятая тяжба за молодаго Нѣмца.

Линіеръ видя Патрю, прогуливающагося съ Шапеленемъ, сказалъ: вотъ бѣдный авторъ и авторъ бѣдный.

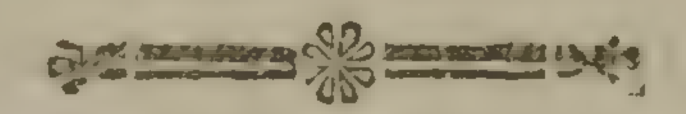
Аббатъ Пеллегринъ, Прованской уроженецъ, весьма плохой стихотворецъ, написалъ между прочимъ трагедію, названную Пелопея, которая была публикою освистана. Прогуливаясь нѣкогда въ Люксамбургскомъ саду съ однимъ изъ своихъ пріятелей, увидѣлъ онъ подъ ногами лис-

токъ бумаги, исписанной одними буквами *П.* Пріятель поднялъ бумагу, и сказалъ Аббату: угадай что значатъ сіи буквы? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Аббатъ, єто урокъ, заданный какому нибудь ученику списывать, и видно вѣтромъ принесло его сюда. — Ты ошибаешся, сказалъ его пріятель: вотъ смыслъ сего длиннаго сокращенія. Всѣ сіи *П. П.* значатъ: *Пелопея Прескверная Піеса, Писанная Пеллегриномъ Преплохимъ Піитомъ, Пребѣднымъ Попомъ Провансальскимъ.*

Второе представленіе Ореста, трагедіи Г. Волтера, было дано чрезъ недѣлю послѣ перваго. Г. Волтеръ употребилъ сіе время на поправленіе сея трагедіи, что узнавъ Фонтенель сказалъ: какой чудной человѣкъ етотъ Волтеръ! Онъ сочиняетъ свои трагедіи во время ихъ представленія.

Одна молодая дѣвица, прекрасная и преумная, говорила въ одинъ

вечеръ Г. Фонтенеллю, коего большой свѣтъ безпокоилъ, но онъ однако же захотѣлъ, чтобъ поболѣе было зажжено свѣчь: говорятъ, сударь, что вы любите темноту? — Люблю, но не тамъ, гдѣ вы находитесь, сударыня, отвѣчалъ вѣжливый Философъ.

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

I.

Порошокъ, которой отъ воздуха загорается.

Возми двѣ унціи квасцовъ, унцію пшеничной муки, одну драхму янтарю; сотри всѣ сіи вещи вмѣстѣ, и положивъ на сковороду, жарь на огнѣ до тѣхъ поръ, покуда перестанетъ дымиться, и почти совсѣмъ почернѣетъ, или сдѣлается кофейнаго цвѣта: тогда разотри сіе въ мѣлкой порошокъ, и положи въ узкогорлый кув-

шинъ, поставь его между четырьмя кирпичами и жги на огнѣ часъ времени. Тогда покажется изъ сего кувшина выходящее свѣтлое пламя: но когда сіе пламя сдѣлается синимъ; то вынь изъ огня, и храни въ крѣпко закупоренной посудѣ; тогда порошокъ сей будетъ готовъ.

24

Какъ продѣть яицо сквозь перстень или кольцо, или положить его въ скляночку съ узкимъ горломъ.

Положи куриное сырое яицо въ крѣпкой уксусъ на четыре, пять, шесть дней, или болѣе, смотря по крѣпости уксуса; отъ чего оно сдѣлается такъ мягко, что безъ труда можно будетъ просунуть его въ склянку, сколь бы горло ея не было узко, или продѣть сквозь кольцо. А чтобъ сдѣлать сіе яицо по прежнему твердымъ; то должно только нали[illegible] въ ту склянку чистой воды, к[illegible]

торую перемѣнять до того времени, пока яицо учинится по желанію крѣпкимъ; что чрезъ недѣлю непремѣнно послѣдуетъ.

3.

Какъ сдѣлать изо льду зажигательное стекло.

зми воды, и вари оную около часа; потомъ сію вареную воду поставь на морозъ, которая замерзнетъ безъ всякихъ пузырей. Послѣ того сей ледъ положи въ сосудъ круглой, на подобіе полушара сдѣланный, держи надъ огнемъ, чтобъ онъ по немногу таялъ до тѣхъ поръ, пока ледъ въ сію форму претворится; съ другою стороною поступай также, чтобъ сей кусокъ льда сдѣлался подобнымъ круглому зажигательному стеклу. Потомъ надѣвъ перчатку, возми сей ледъ въ руку, и держи противъ Солнца, какъ настоящее зажигательное стекло; то сквозь

оное порохъ или табакъ курительный въ одну минуту загорится.

4.

Выстрѣливъ изъ ружья пулею, погасить свѣчу, отстоящую на 80 или на 100 саженъ.

Возьми ружье, заряди оное обыкновеннымъ зарядомъ, и положи въ него свинцовую пулю. Тотъ, съ кѣмъ вы побьетесь объ закладъ, пускай сдѣлаетъ то же, и пускай сперьва выстрѣлитъ, чтобъ видѣли, что онъ не попалъ; ибо, скольбы онъ хорошій стрѣлокъ ни былъ, но весьма рѣдко, или почти и никогда не можетъ случиться, чтобъ въ такомъ дальномъ разстояніи могъ онъ попасть пулею прямо въ свѣчу, и погасить ее.

Послѣ сего сами стрѣляйте; тогда зрители, видѣвшіе, что ружье ваше заряжено обыкновеннымъ зарядомъ, придутъ въ великое удивленіе,

увидя, что, по ихъ мнѣнію отъ искуснаго вашего выстрѣла, свѣча погасла. А того не надобно дать вамъ примѣтить, что пуля ваша была не обыкновенная, но съ протknутыми на ней дирочками, одна подлѣ другой крестообразно, такъ, какъ здѣсь приложено изображеніе.

И такъ сіе чудное дѣйствіе зависитъ отъ просверленной такимъ образомъ пули; ибо сильно дующій сквозь дирки воздухъ, придастъ ей сіе удивительное дѣйствіе, что она загаситъ свѣчу, хотя бы и не весьма близко отъ оной пролѣтѣла.

КОНЕЦЪ
СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ
СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

Статья Економическая.

Стран.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Стро.	Напечатано.	Читай.
124	4	піессахъ	піесахъ
127	12	себѣ	себя
142	4	чистоплотую	чистоплотную
--	18	не бережливо	не брежливо
145	22	оно	она
146	20	не могутъ	и не могутъ
151	22	Троянѣ	Траянѣ
152	8	въ теченіе	въ теченіи
--	12	призналъ	признался
--	17	Троянъ	Траянъ
153	18	правильоне	правильное
157	4	ни попадалися	не попадалися
158	2	чистоплотою	чистоплотною
--	3	изъ чистоплотой	изъ чистопло-тной
162	20	послѣднѣйшею	послѣднѣйшее
163	21	цѣль	цѣпь
181	8	ея	ее
--	10	ея	ее
183	5	наперстницею	напересницею
184	5	ее	ея
--	9	Салцебургскими	Салцбургскими
187	22	а ты	а ты,
188	22	приказаніе	приказанія
192	6	игоръ	игръ
195	8	званіяхъ	зданіяхъ
207	1	Гукгенсъ	Гуигенсъ
--	4	61	Г.
215	8	ея	ее

224	20	ожидаю	ожидая
230	15	которой	которая
290	11	свою.	свою?
292	12	Десятая тяжба	тяжба десятая

